

902.6(С4)
К 12.

902.6(С4)
К 12

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
Институт истории, археологии и этнографии

КАВКАЗ И СТЕПНОЙ МИР В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА

КАВКАЗ И СТЕПНОЙ МИР В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Махачкала 2000

Редколлегия: Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Османов А.И.
(ответственный редактор).

Составители: Давудов О.М., Магомедов Р.Г.

instituteofhistory.ru

Кавказ и степной мир в древности и в средние века: Материалы международной научной конференции. — Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. 254 с.

В сборник включены доклады и выступления участников Международной археологической научной конференции, проведенной в Махачкале в рамках Второй «Археологической конференции Кавказа». Они посвящены актуальной проблеме взаимоотношений населения Кавказа и степных племен в древности и средние века. Публикуются также доклады, посвященные новейшим археологическим открытиям на Кавказе.

Издание осуществляется по решению конференции. Материалы рассчитаны на специалистов - археологов, историков, этнографов и любителей старины.

ISBN 978-5-905784- 74-3

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 99-01-008/28

182258
367030 Махачкала-30
ул. М. Ярагского, 75
НБ ДНЦ РАН

© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН (далее ИИАЭ ДНЦ РАН), Институт археологии РАН и Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) 27-29 апреля 1999 г. провели в г. Махачкале Международную научную конференцию «Кавказ и степной мир в древности и средние века». Она проходила в рамках «Второй археологической конференции Кавказа». Первая такая конференция была проведена в Тбилиси по инициативе Академии наук и Центра археологических исследований Грузинской Республики, как мероприятие, обеспечивающее научные контакты между научными центрами Кавказа и способствующее развитию археологических исследований на территории региона.

На форуме акцент был сделан на проблеме истории Кавказа и степного мира. На обсуждение конференции были вынесены наиболее актуальные проблемы археологии Кавказа и евразийских степей, в том числе: древние и средневековые археологические культуры Кавказа и евразийских степей; экономика и социальный строй древних и средневековых обществ; этнокультурные и экономические контакты племен Кавказа со степными кочевниками; торговые пути; древние и средневековые города; процесс урбанизации; искусство и идеологические представления древнего и средневекового населения; человек и среда обитания; проблемы «Горы—равнины—море»; палеоклимат Евразии; новейшие археологические исследования на территории Кавказа.

Заявки на участие в работе конференции поступили от ученых Новосибирска, Москвы, Баку, Тбилиси, Софии (Болгария), Владикавказа, Ставрополя, Махачкалы. Но не все желающие смогли приехать по разным причинам.

В работе форума приняли участие научные сотрудники Института археологии РАН во главе с доктором исторических наук, профессором, ныне членом-корреспондентом РАН Р.М. Мунчаевым, научные и научно-технические сотрудники ИИАЭ ДНЦ РАН, профессора, преподаватели, студенты Дагестанского госуниверситета, Дагестанского госпедуниверситета, около 50 ученых из Москвы, Баку, Грозного, Тбилиси и Махачкалы, в том числе 33 доктора и кандидата наук, что указывает на высокий научный и теоретический уровень научного форума. Ее работа получила широкий резонанс как в Республике Дагестан, так и на всем Кавказе. Об этом говорят приветствия руководства АН Грузии — вице-президента АН Грузии академика А.М. Апакидзе, директора Центра археологических исследований, чл.-корр. АН Грузии О.Д. Лордкипанидзе. Работу конференции приветствовали и в ее работе приняли участие первый

зам. Председателя Правительства РД Б.Г. Ахмедов, зам. Председателя Госсовета РД Т.А. Махмудова, член Госсовета РД, Первый проректор Дагосуниверситета Л.Х. Авшалумова, министр культуры РД Н.А. Абдулгамидова и др. официальные лица. Конференцию открыл “Вступительным словом” директор ИИАЭ ДНЦ РАН, доктор исторических наук, проф. А.И. Османов. Директор Института археологии РАН, доктор исторических наук, проф., член-корр. РАН Р.М. Мунчаев приветствовал участников конференции от себя и от имени своих сотрудников, пожелал им успехов в работе.

В докладах, прозвучавших на конференции, получили освещение самые различные аспекты указанных проблем. Превалирующими среди них были доклады, посвященные этнокультурным и историко-культурным контактам кавказских и степных племен и народов, в том числе.

В настоящей сборник включены основные доклады участников конференции. Многие из них скорректированы с учетом выступлений и замечаний участников. В этих докладах были подняты актуальные вопросы древней истории и археологии Кавказа, Ближнего Востока и юго-восточной Европы. Доклад директора Института археологии РАН, доктора ист. наук, профессора Р.М. Мунчаева - д.и.н., член-корр РАН, проф. (Москва) “Кавказ и Месопотамия был посвящен исследованиям российских археологов на Ближнем Востоке. В докладе доктора ист. наук О.М. Давудова “Историко-культурные и этнические контакты племен Дагестана и степных кочевников в эпоху поздней бронзы – раннего железа” приводились разнообразные материалы и суждения, свидетельствующие о длительных связях между двумя культурными регионами, определившими впоследствии судьбы многих народов и племен, особенно индоиранских (срубных, саббатинских, киммерийских и скифских) и кавказских. Проблеме генезиса и направлений культурных контактов мезолита Северного Прикаспия был посвящен доклад д.и.н. Х.А. Амирханова (Москва) “К проблеме истоков мезолита Северного Кавказа”. Дополнительно Амирханов Х.А. сделал еще один доклад об итогах своих раскопок на стоянке в г. Зарайск Московской области. Автор продемонстрировал высокий уровень методики археологических раскопок.

В докладе д. и. н. И.Г. Нариманова (Баку) “К истории племен Азербайджана в III тыс. до н.э.” характеризовалась связь куро-аракской культуры и подкурганых грунтовых могил с обрядом трупосожжения из Ханкенди (Степанакент) Азербайджана. В докладе д. и. н., проф. М.Г. Гаджиева (Махачкала) “Северо-восточный Кавказ и степи в эпоху раннего металла” дана общая характеристика историко-культурной ситуации региона в эпоху неолита, энеолита и ранней бронзы, подведены некоторые итоги археологическим исследованиям в Дагестане. В докладе д. и. н. М.П. Абрамовой и к. и. н. Г.Г. Пятых (Москва) “Взаимоотношения степных кочевых и оседлых племен

Северного Кавказа” была дана характеристика этно-культурных процессов, происходивших на территории Прикаспийского Дагестана в позднесарматское время. “Аборигены Кавказа и кочевники” — так назывался доклад декана исторического факультета Грозненского университета, к. и. н. М.Х. Багаева (Грозный). Этнокультурный процесс автору видится таким: местное население поглощало в себе всех пришлых кочевников, волны которых как бы гасли, приходя в соприкосновение с кавказцами. При этом часть кочевников подвергалась ассимиляции, оставалась на Кавказе, остальные возвращались к основным местам своих кочевий. В докладе д. и. н., проф. М.Г. Магомедова, его асп. Н.В. Тупика и С.А. Каспарова (Махачкала) “Кавказ и Атлантида” поднимался вопрос о колебании уровня Каспийского моря и его роли в истории человечества. Не все участники конференции соглашались с основными положениями прозвучавшими в этом докладе. В выступлениях ученых Института археологии РАН указывалось, что подобные научные конференции должны быть достаточно аргументированы. Доклад к. и. н. Т.И. Ахундова (Баку) “Центральный и восточный регионы Южного Кавказа в VI-III тыс. до н.э. (климат, культура, расселение)” был посвящен влиянию климатических условий на формирование и развитие этнокультурного облика и демографической ситуации на территории древнего Азербайджана. Д.и.н., проф. М.Г. Гаджиев, асп. Ш.М. Гаджиев, к. и. н. Р.Г. Магомедов (Махачкала) и проф. Ф. Колл (США) ознакомили участников конференции с итогами раскопок 1998 года на Великентском археологическом комплексе памятников. К.и.н. Г.Д. Атаев (Махачкала) в докладе “Взаимосвязи населения каякентско-хороочевской культуры со степными кочевниками” приводил материалы, указывающие на связи между носителями срубной и каякентско-хороочевской культур. В докладе “Государственное образование Сувар-Жидан и его роль в истории Юго-Восточной Европы” д. и. н., проф. Г.С. Федоров-Гусейнов (Махачкала) изложил свое видение истории этого этнополитического объединения в Приморском Дагестане. Доклад И.Н. Алиева (Баку) “Культура Абшерона второй половины III – начала II тыс. до н.э.” посвящен выделению и характеристике археологической культуры, названной им абшеронской. К.и.н. Л.Б. Гмыря (Махачкала) в докладе “Поминальные обычаи населения Прикаспийского Дагестана в эпоху “Великого переселения народов” на основании материалов Паласа-Сыртского могильника, сведения Моисея Каланкатуйского, китайских источников и древнетюркских рун реконструировала обряды прикаспийских гунов по случаю смерти, малых поминок, похорон, установки мемориала, больших (годовых) поминок. Асп. Ш.М. Гаджиев (Махачкала) в докладе “Древнейшие катакомбы Северо-Восточного Кавказа” ознакомили слушателей с итогами своих исследований погребальных сооружений Великентского могильника. Д.и.н. М.С. Гаджиев М.С. и д. и. н. А.Р.

Магомедов (Махачкала) посвятили свой доклад новейшим археологическим исследованиям форта Горой стены (Даг-бары) Дербента. В другом докладе “Топография среднеперсидских надписей Дербента” М.С. Гаджиев характеризовал среднеперсидские надписи и знаки, дал их анализ, раскрыл содержание и определил назначение. “Сюжеты терзания в архитектурном декоре Зирихгерана-Кубачи XIV – XV вв.” – название доклада д. ист. н. М.М. Маммаева (Махачкала). Автор проанализировал шесть камней из Кубачи с изображением сцены терзания хищником травоядного. Асп. М.О. Давудов (Махачкала) в докладе “О семантике сюжетных композиций зооморфных пряжек VIII – X вв. из нагорного Дагестана сделал попытки раскрыть смысл зооморфных изображений т.н. ажурных пряжек из нагорного Дагестана.

На конференции состоялась открытая, свободная, деловая дискуссия по многим спорным и малоизученным аспектам археологии. Внимательно рассматривались различные направления, мнения, толкования широкого спектра вопросов. Наиболее важным является вывод о том, что формирование и развитие кавказских археологических культур, социальной, экономической и политической истории горских обществ происходили при тесном взаимодействии со степным миром, что горы и равнины, горы—равнины—море при взаимовлиянии и взаимодействии создавали условия для развития племен, народов и их культур. Особое внимание привлекла совершенная методика археологических исследований российских археологов в Месопотамии и на памятнике каменного века в Подмоскowie. Эта методика раскопок может быть рекомендована археологам в качестве методического образца.

Обращалось внимание на появление фактов фальсификации истории, ссылаясь на археологические материалы. Отмечалось, что преуспевают в этом околонучные силы, разыгрывающие археологическую карту в своих политических и экстремистских целях. Безо всякого на то основания такие авторы возвеличивают свои народы в ущерб соседних, возводят их родословную к “престижным” предкам из древней истории, преувеличивают роль своих предков в истории. Участники конференции призвали бороться с этим явлением.

Археологические памятники Кавказа и евразийских степей нуждаются в дальнейшем исследовании, особенно в свете взаимодействия и взаимовлияния культур и этнокультурных формирований. Развитие исторической науки в России не может быть без тщательного проведения полевых и лабораторных исследований. Весьма актуальной в современных условиях является проблема сохранения археологического наследия. По-прежнему нуждается в спасении памятники археологии. Подвергаются уничтожению в ходе строительных работ различные могильники, поселения и городища. При отсутствии централизованного финансирования всех этих работ перед руководителями местных кавказских научных центров возникает вдвойне сложная задача — найти средства для проведения

археологических исследований и издания их результатов.

Участники конференции одобрили работу оргкомитета по организации Международной научной конференции “Кавказ и степной мир в древности и средние века” и рекомендовали:

— Институту истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН издать материалы Международной научной конференции “Кавказ и степной мир в древности и средние века”; продолжить регулярное проведение “Археологических конференций Кавказа” и руководителям археологических экспедиций, получивших гранты РФНФ, “Интеграции” и других фондов привлечь к работе археологических экспедиций заинтересованных специалистов—археологов Северного Кавказа, Закавказья и других регионов.

По итогам работы конференции был организован “Круглый стол” на телевидении с участием директора Института археологии РАН, доктора ист. наук, члена-корр. РАН проф. Р.М. Мунчаева, зам. директора ИИАЭ ДНЦ РАН, д. и. н. О.М. Давудова., зав. отделом Института истории и археологии АН Азербайджана, д. и. н. И.Г. Нариманова, декана исторического факультета Чеченского госуниверситета, к. и. н. М.Х. Багаева и зав. кафедрой истории Дагестана Даггосуниверситета, д.и. н. М.Г. Магомедова. Участники “Круглого стола” подвели итоги работы конференции и отметили большое научное значение форума ученых, проведенного в Махачкале.

Участники конференции посетили места археологических раскопок и ознакомились с полевыми археологическими исследованиями, проводимыми Институтом ИАЭ ДНЦ РАН в Дербента и на Великентском комплексе памятников, где работает Дагестано-Американская археологическая экспедиция.

Они были ознакомлены с коллекциями и экспонатами Музея археологии и этнографии, археологическими фондами Института ИИАЭ ДНЦ РАН.

Редколлегия

А.И. Османов
(Инс-т ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В этой аудитории, где собрались известные в стране и за рубежом археологи, нет необходимости напоминать о трудностях, переживаемых как страной в целом, так и ее наукой, в частности. Но было бы неправильно умолчать и не подчеркнуть, что вопреки этим трудностям уверенная в наступлении лучших времен страна отмечает 275-летие Российской академии наук, известной своими мировыми научными достижениями.

Глубоко символично и то, что Республика Дагестан в самые трудные времена своего становления и в послевоенные годы, обращавшая свои взоры к науке, открывавшая институты и крупные научные центры, вновь оказавшись в одной из самых тяжелых политических и экономических ситуаций, свои лучшие надежды связывает с наукой. Тому яркое подтверждение – целый ряд мероприятий, намеченных и проводимых в республике в связи с 50-летием Дагестанского научного центра РАН, а также 75-летием Института истории, археологии и этнографии, Института языка, литературы и искусства и Научной библиотеки ДНЦ РАН.

Несомненно, подготовка к этим событиям оживила научную жизнь в стране и республике. Недавно, буквально на прошлой неделе, отмечалось 80-летие известного научного центра страны – Института археологии РАН. У нас в республике юбилейные события как бы предваряет сегодняшняя Международная научная конференция “Кавказ и степной мир в древности и средние века”.

Хотя эти события – юбилеи и конференции, по времени совпали случайно, но по своей сущности они одного порядка, свидетельствующие о глубинных процессах, происходящих в науке вообще и в исторической, в частности, о попытках, предпринимаемых, чтобы вывести науку из кризисного положения.

На первый взгляд может показаться, что тема конференции далека от бушующих в мире политических баталий и страстей. У нас ведь в памяти, как еще недавно многие острые вопросы новой и новейшей истории выносились на массовые митинги, и там общественному сознанию часто навязывались мнения и даже целые концепции, далекие от науки. Хотя страсти несколько поутихли, однако остались любители “проскакать” по страницам истории на лихом скакуне и сказать свое последнее слово в исторической науке, нередко свидетельствующее о невежестве и самоуверенности автора. Такие поползновения уже получили свое точное название как лженауки, но ее представители не успокаиваются и вторгаются в древнейшие пласты истории. Об этом с

тревогой говорилось и на конференции, которая прошла недавно в Институте археологии РАН, посвященной 80-летию РАН.

Не случайно проблема, вынесенная на рассмотрение конференции, была сразу же одобрена Институтом археологии РАН и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, которые объединили свои усилия с нашим институтом в проведении подобной конференции, призванной и способной решить многие спорные вопросы, способствовать объективному рассмотрению и освещению истории.

С другой стороны, в рамках общекавказских конференций, проводимых археологами и этнографами Кавказа, на рассмотрение конференции вынесены вопросы, связанные с подведением итогов археологических исследований, проведенных в 1998 году. Такие встречи были плодотворны и в прошлом, несомненно, и ныне они принесут не меньшую пользу в смысле не только общения ученых, но и в апробации новых гипотез и открытий.

Идея проведения конференции сразу же нашла поддержку и понимание среди ученых Москвы, Кавказа и ряда зарубежных стран. Однако в наше время одного желания мало. Нужны еще стабильная политическая ситуация и средства. Но ни того, ни другого у организаторов конференции нет, как нет их и у тех, кто очень хотел бы поддержать нашу инициативу. Спасибо Российскому гуманитарному научному фонду, который оказал нам финансовую поддержку, и мы смогли все таки организовать данную конференцию.

Хотелось бы поблагодарить Институт археологии РАН, с которым мы всегда тесно сотрудничаем. Особенно приятно отметить, что на конференцию приехали директор Института, д.и.н., проф. Р.М. Мунчаев, в.н.с., д.и.н., проф. М.П. Абрамова, зав. отделом каменного века, д.и.н., проф. Х.А. Амирханов. Двух наших земляков – Р.М. Мунчаева и Х.А. Амирханова – вы все хорошо знаете. Но вы не знаете, что и М.П. Абрамова является нашей землячкой, поскольку многие годы ее научные интересы тесно связаны с археологией Дагестана, для развития которой она немало сделала.

Не могу не отметить и не поблагодарить ученых Института археологии и этнографии Азербайджанской академии наук – И.Г. Нариманова – зав.отделом археологии, д.и.н., Т.И. Ахундова – старшего научного сотрудника, к.и.н. и И.Н. Алиева – старшего научного сотрудника, к.и.н., представивших тезисы докладов и лично принимавших участие в работе конференции. Несмотря на тяжелое положение, в котором находится Чеченская Республика, из Грозного приехал на конференцию и принимает участие в ее работе декан исторического факультета Чеченского государственного университета, к.и.н. М.Х. Багаев. Ожидалось участие в работе конференции и директора Института археологии Сибирского отделения РАН, академика А.П. Деревянко, но из-за переноса срока проведения конференции и

совпадения их с намеченной зарубежной поездкой не смог приехать в Дагестан. Мы также ожидали гостей из Центра археологических исследований Академии наук Грузии. На конференцию представлены тезисы сотрудников этого Центра В.Г. Майсурадзе, Г.Г. Пхакадзе, К.И. Рамишвили и вы имеете возможность с ними ознакомиться. Заявили о своем участии в работе конференции Диана Гершова из Болгарии, д.и.н. А.А. Кудрявцев из Ставропольского университета. Они, как и грузинские ученые, из-за трудностей, связанных с поездкой в Дагестан, не смогли приехать, о чем можно только сожалеть.

Отмечая, что участие названных и не названных археологов из других регионов Северного Кавказа позволило бы охватить большой спектр проблем древней истории, тем не менее важно подчеркнуть, что на рассмотрение конференции представлены и будут обсуждаться доклады известных специалистов по актуальным проблемам археологии. Несомненно, их авторитетное мнение и новые концепции не только представляют интерес для специалистов, но и помогут преодолеть дилетантские подходы к древнейшей истории народов Кавказа и создать ее на строго научной основе, объективно освещать исторический процесс.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Р.М. Мунчаев
(ИА РАН, Москва)

ДРЕВНЕЙШАЯ МЕСОПОТАМИЯ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РАН

Глу бокоуважаемые коллеги и друзья!

Я счастлив выступить в моем родном Дагестане, на международной конференции, организованной Институтом истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного Центра РАН совместно с Институтом археологии РАН и Институтом археологии и этнографии Сибирского Отделения РАН. Хотя тема моего доклада выходит за географические рамки настоящей конференции и обращен на Ближний Восток, надеюсь, тем не менее, что она вызовет у вас определенный интерес и позволит более шире взглянуть на проблему взаимосвязей Кавказа с сопредельными и более отдаленными регионами Старого Света в глубокой древности.

Мой доклад посвящен древнейшей Месопотамии – колыбели человеческой цивилизации, где экспедицией Института археологии РАН за минувшие 30 лет проведены широкие полевые исследования и добыты обширные по количеству и разнообразию археологические данные. Чрезвычайно трудно в одном докладе отразить все эти результаты и те вопросы и проблемы, которые они поднимают и способны решать.

Роль Месопотамии в истории человечества хорошо известна. С ней связаны такие важнейшие явления общечеловеческого характера, как переход к производящей экономике, чрезвычайно раннее развитие домостроительства и ряда производств, укоренение прочной оседлости, изобретение колеса и совершенствование транспортных средств, появление древнейшей письменности, формирование первых известных истории городов и государств. И недаром в начале истекшего века говорили, что если XV в. открыл Америку, то XIX век открыл Месопотамию.

Необходимо особо подчеркнуть, что процесс сложения цивилизации в Месопотамии протекал сугубо самостоятельно. Среди древнейших цивилизаций шумерская, локализуемая в Месопотамии, может рассматриваться по праву, как одна из древнейших. Хронологически она сопоставима только с египетской, а наиболее ранняя ее ступень – урукская – относится не позднее второй половины IV тыс. до н.э. Это позволяет считать ее синхронной, а частично и предшествующей началу Древнего царства – первого государственного образования Египта.

Начавшиеся в 40-е годы XIX в. исследования памятников

Месопотамии знаменовали рождение археологии Ближнего Востока. С тех пор она прошла сложный путь от бессистемной охоты за эффективными находками до выработки подлинно научной методики. Процесс этот развивался как бы по ретроспекции. Сначала была открыта культура позднеассирийского и нововавилонского периодов (первая половина I тыс. до н.э.), а затем – великая цивилизация Шумера и Аккада (конец IV–III тыс. до н.э.). Города этих периодов с их дворцово-храмовыми комплексами, архивами и обширными некрополями были доминирующим направлением археологических исследований с середины XIX в. и до второй мировой войны. Все, что было сделано за этот период, рассматривается, как “первое открытие Месопотамии”.

Но уже с конца 20-х годов прошлого века все большее внимание стали привлекать памятники еще более глубокой древности. Исследования их уже в 40 – 50-е гг. позволили наметить отдельные важные ступени развития Месопотамии в VIII–IV тыс. до н.э. Стало очевидно, что Двуречье и, прежде всего, ее северные области являлись одним из древнейших в мире очагов возникновения земледелия и скотоводства и сложения раннеземледельческих культур. Это стало уже “вторым открытием Месопотамии”.

Российские ученые издавна с большим вниманием относились к археологическим открытиям в Месопотамии, внося значительный вклад в их анализ и историческую интерпретацию. Но в силу ряда обстоятельств непосредственно в полевых исследованиях Месопотамии они не участвовали ни в XIX, ни в первой половине XX в. Им оставалось лишь роль наблюдателей активно развертывавшегося соперничества между археологами Франции и Англии, в которое в конце XIX в. включились также экспедиции Америки и Германии, а далее Италии, Дании, Японии и других стран. Словом, перед нашей наукой встал вопрос о необходимости организации полевых археологических работ на Ближнем Востоке и, прежде всего, в Месопотамии.

В 1966 г. в процессе визита делегации АН СССР в Ирак по случаю открытия Национального археологического музея страны состоялись переговоры с иракской стороной, которая предложила организовать российскую экспедицию в их страну. А в следующем году АН СССР командировала сотрудников Института археологии АН СССР Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера в Ирак для официального согласования вопроса и выборов объектов для стационарных исследований советской экспедиции. Они ознакомились с археологическими памятниками и на юге Ирака, и в Средней Месопотамии, и на севере страны, включая районы Иракского Курдистана. Выбор был остановлен на группе теллей под общим названием Ярымтепе, расположенной примерно в 100 км к западу от г. Мосула, в неизученной совершенно Синджарской долине, на северо-западе Ирака, у границ его с Сирией и Турцией.

Исключительная важность данной территории, связывающей Северную Сирию и Восточное Средиземноморье с глубинными

районами Месопотамии, определялась достаточно четко. А насыщенность ее археологическими памятниками начиная с VIII–VII тыс. до н.э. свидетельствовала о чрезвычайной активности культурно-исторического процесса в древности в данном регионе Месопотамии.

Инициатива Института археологии АН СССР по организации археологических исследований в Ираке (а также в Афганистане) была поддержана директивными органами страны, и в 1968 г. постановлением Президиума АН СССР Институту археологии было поручено организовать с 1969 г. экспедицию в Ирак, а также в Афганистан, с целью изучения проблем становления производящего хозяйства и развития раннеземледельческих культур и формирования древнейшей цивилизации. Тогда же руководство Месопотамской экспедицией было возложено на меня, археолога-кавказоведа.

Вот так, с отставанием от западной науки более чем на сто лет, ученые России приступили к исследованиям в Месопотамии. Особо подчеркну, что мы начали их не имея ни опыта, ни традиции работы на месопотамских памятниках, не зная соответствующих конкретных материалов и, не скрою, значительной части специальной литературы. Но в процессе работы экспедиции, проработавшей только в Ираке 14 сезонов (1969–1980, 1984–1985 гг.), удалось приобрести и необходимый опыт, освоить многочисленные коллекции материалов и обширную библиографию по археологии Ближнего Востока, создать свою школу месопотамской археологии, словом, “войти” в археологию протосторонической Месопотамии и решать важные ее проблемы.

В Синджарской долине мы открыли и провели исследование целой группы памятников, датируемых от VIII до середины IV тыс. до н.э. и отражающих важнейшие этапы дописьменной Месопотамии. Среди них – первое поселение докерамического неолита в Северо-Западном Ираке – Телль Магзалия с восьмиметровым культурным слоем. Оно находится на границе долины и предгорий Синджара. Прямоугольные дома на каменных массивных фундаментах были сооружены из глины. Важная особенность поселения состоит в том, что оно было укреплено с одной, напольной стороны каменной стеной, сохранившейся местами на высоту до 2-х метров и вскрытой на протяжении около 60 м. Это – древнейшее оборонительное сооружение, известное до сих пор в Месопотамии, и один из наиболее ранних фортификационных объектов вообще. Поселение датируется концом VIII – первой половиной VII тыс. до н.э.

Культурный слой Телль Магзалии дал важные данные, как археологические, так палеоботанические и фаунистические. Достаточно сказать, что собранная здесь палеоботаническая коллекция включает около 300 зерен и семян культурных и дикорастущих растений, в том числе пшеницы однозернянки, двузернянки и карликовой пшеницы, а также многозерядного ячменя. По остаткам фауны хорошо прослеживается, как охота вытесняется скотоводством. В слое начального периода существования поселения преобладают кости

крупных стадных животных (бизона, онагра, газели), которые служили объектом охоты. Единичные кости домашних овец и коз известны на поселении с момента его основания. Однако скоро, уже на среднем этапе существования памятника, их количество достигает 70-80% от общего количества фаунистических остатков из культурного слоя.

Сенсационными явились находки, свидетельствующие о начале металлургии в Месопотамии куском медной руды, и особенно медного кованного шила. Эти данные показывают, что использование металла в Месопотамии, как и в смежных областях Ближнего Востока, началось еще до появления керамики.

Весьма характерно расположение Телль Магзалии на границе предгорий, являвшихся местом произрастания диких злаков, и долины, на которую злаки распространились в процессе их культивации.

Сразу же отмечу, с самого начала работ экспедиции в Месопотамии мы были тесно связаны с палинологами, ботаниками, зоологами, геологами, физиками, химиками, географами и т.д. Постоянное взаимодействие с ними значительно расширило информативность полученных нами материалов и позволило реконструировать природную среду изучаемого региона в древности и более полно исследовать многие другие вопросы. Так, для изучения процесса развития земледелия важное значение имели обнаруженные нами не только остатки, например, дикого ячменя, эгилопса и бобовых, равно как и доместичированных культурных злаков, но и промежуточных форм злаковых. Не могу в данной связи не подчеркнуть, что собранная нами палеоботаническая коллекция включает в себя много тысяч остатков древних злаковых и является одной из самых крупных, известных ныне науке.

Благодаря нашим коллегам из других областей естественнонаучных дисциплин, мы знаем теперь с абсолютной достоверностью, откуда конкретно поступал на Телль Магзалию и другие раскопанные нами памятники обсидиан – основной материал для производства орудий труда и оружия. Это была главным образом отдаленная на сотни километров от Синджара Анатолия, точнее района оз. Ван.

К сожалению, у меня нет времени, чтобы несколько подробно остановиться на этом. Укажу только, что на среднем и позднем этапах жизни Телль Магзалии основу хозяйства его обитателей составляли уже не собирательство и охота, а земледелие и скотоводство.

Таким образом, полученные нами данные из Телль Магзалии имеют принципиальное значение не только для изучения начала развития земледелия, скотоводства и металлургии, но и для социальной характеристики общества, способного уже создавать сложные поселенческие структуры и устанавливать широкую систему связей и обмена с достаточно отдаленными областями.

Следующим важным этапом развития Месопотамии явилось освоение долин великих рек Тигра и Евфрата. Эта проблема в равной

мере актуальна как в историко-археологическом, так и палеоэкологическом аспектах. Между тем для Месопотамии вплоть до начала работ российской экспедиции в Ираке она не была исследована. Эта лакуна была заполнена открытием и исследованием нашей экспедицией в Синджарской долине поселений Телль Сотто и Кюльтепе. Последние характеризуют древнейшую земледельческую культуру, начавшую складываться и распространяться на севере месопотамской долины в VII тыс. до н.э. Эта новая культура по исследованному экспедицией памятнику получила название культура Телль Сотто.

Телль Сотто и Кюльтепе представляли собой небольшие поселки площадью менее 1 га. Они были застроены одно- или многокомнатными домами со стенами, сложенными из глиняных блоков. Полы и стены были оштукатурены. Внутри домов выделены хозяйственные помещения с очагами и печами со сводами. Основная инновация в производстве – появление керамики, представленной как грубыми толстостенными сосудами для воды и зерна, так и небольшими горшками, некоторые из которых украшены примитивной росписью. Среди каменных изделий преобладают уже орудия, связанные с земледелием – кремневые лезвия для серпов, зернотерки, песты и т.д. Найдены также превосходно выполненные сосуды из мрамора.

Собранный же палеоботанический материал свидетельствует о том, что первые земледельцы Северной Месопотамии культивировали пшеницу однозернянку, ячмень голозерный и другие виды злаковых.

Сравнительная редкость поселений культуры Телль Сотто соответствует самому началу заселения ранними земледельцами подгорной равнины и еще слабому освоению последней. Широкое освоение долин Верхней Месопотамии произошло начиная с конца VII тыс. до н.э., когда на основе культуры Телль Сотто сложилась т. н. хассунская культура.

До начала работ российской экспедиции хассунская культура считалась самой ранней оседлоземледельческой культурой Месопотамии и была представлена, по существу, одним исследованным памятником – поселением Телль Хассуна в районе г. Мосула. Нашей же экспедицией выявлена целая серия хассунских поселений, на трех из которых исследованы соответствующие слои. Исключительно широкие по масштабам работы проведены на Ярымтепе I, где исследованная площадь достигла 1700 кв. м. Его слой мощностью 6 м, расчлененный на 12 строительных горизонтов, выведен на материк на площади 400 кв. м. Здесь раскопаны остатки более 1000 жилых и хозяйственных сооружений и добыт огромный по количеству и разнообразию материал.

Среди находок – наиболее крупная из известных до сих пор коллекция хассунской керамики. Обращает на себя внимание и коллекция металла, состоящая из кусков медной руды, пронизок и других украшений из меди и уникального массивного свинцового

браслета диаметром до 10 см, представляющего собой древнейшее изделие из данного металла в Месопотамии. Из Ярымтепе I происходит и самая значительная на сегодняшний день коллекция антропоморфной пластики Северной Месопотамии VI тыс. до н.э.

Раскопки Ярымтепе I изменили общее представление о ходе развития раннеземледельческих культур Северной Месопотамии. В настоящее время Ярымтепе I по масштабу проведенных на нем раскопок, общей информативности материала и стратификации культурного слоя считается, по общему признанию, наиболее исследованным и самым значительным хассунским памятником Месопотамии. Неудивительно поэтому, что специалисты по древнейшим культурам Ближнего Востока из самых разных стран приезжают к нам в Москву для изучения материалов этого и других памятников, исследованных экспедицией.

Не меньшее внимание уделила экспедиция исследованию следующего этапа развития Месопотамии, представленного известной халафской культурой (конец VI – первая пол. V тыс. до н.э.). До начала работ российской экспедиции лишь единичные памятники данной культуры подвергались исследованиям, но ни на одном из них раскопки не были доведены до начальных горизонтов культурного слоя.

Экспедиция провела раскопки двух памятников этой культуры – Ярымтепе II и Ярымтепе III. На первом халафский слой достигал мощности 7 м, на втором – 8 м. На Ярымтепе II раскоп на площади 500 кв. м выведен на материк, а на Ярымтепе III в двух траншеях исчерпан весь культурный слой. Кроме того, на этих памятниках была открыта значительная группа погребений, позволившая впервые охарактеризовать погребальный обряд населения Северной Месопотамии V тыс. до н.э.

Распространение халафской культуры в Месопотамии сопровождалось появлением абсолютно новой формы домостроительства в виде однокомнатных круглоплановых жилых и хозяйственных сооружений типа толоса и оригинальной расписной керамики.

До наших раскопок на Ярымтепе II было открыто в Месопотамии остатков менее 20 построек круглоплановой архитектуры и большинством исследователей они рассматривались как исключительно культовые объекты. Но после наших исследований стало очевидно, что это, прежде всего, жилые и хозяйственные сооружения. Нами же вскрыты на исследованных памятниках остатки около 80 толосовидных построек. Это значительно больше общего количества толосов, раскопанных на всех остальных халафских поселениях Месопотамии вместе взятых.

Из Ярымтепе II происходит самая значительная в настоящее время коллекция халафской расписной керамики. Она высокого технологического совершенства и удивительной по разнообразию мотивов росписи изобразительного и, главным образом,

геометрического характера. Она включает в себя и выразительные образцы полихромной керамики.

Особого внимания заслуживают уникальные антропоморфный и зооморфный – в виде изображения свиньи – сосуды, представляющие собой подлинные шедевры искусства древнейшей Месопотамии.

Мы раскопали не только эту замечательную керамику, но, что весьма важно, открыли остатки гончарных печей довольно сложной конструкции, в которых эта керамика обжигалась.

Из других многочисленных находок отмечу только уникальную медную печать, самую древнейшую находку подобного рода. Она была найдена под полом одного толоса, вероятно, культового назначения, на Ярымтепе II.

Получены и другие важные материалы, которые в комплексе с остальными позволяют охарактеризовать все периоды развития Халафа.

Повышенный интерес к халафской культуре определяется не только тем, что это одна из самых ярких раннеземледельческих культур Старого Света, происхождение которой остается далеко не ясной. В этой связи важное значение приобретает тот факт, что в VI-V тыс. до н.э. почти повсеместно в Закавказье и на Северо-Восточном Кавказе (Дагестан) доминирует, как и на поселениях Северной Месопотамии, круглоплановая архитектура. Возникает резонный вопрос, не появилась ли она здесь в результате месопотамских влияний, тем более, что в отдельных памятниках Закавказья встречаются типичные образцы халафской расписной керамики. Отдельные же ученые полагают, что под влиянием Закавказья в Месопотамии начали строить круглые дома. Вопрос этот дискутируется и пока не решен.

Но вернемся к Месопотамии. На смену халафской культуры приходит здесь прашумерийская, т.н. убейдская культура, относящаяся к концу V – первой половине IV тыс. до н.э. Последняя также представлена в исследованиях экспедиции, в частности верхним, мощностью 4 м, слоем Ярымтепе III, а также поселением Телль Хомси на правобережье Тигра, где в 17-метровом слое отражен ряд последовательных этапов данной культуры.

Проведенные экспедицией раскопки в Северо-Западном Ираке беспрецедентны по своим масштабам и результативности. Они во многом являются ныне эталонными. В данной связи отмечу знаменательное признание, сделанное известным английским ученым Дж. Отс. В рецензии в журнале "Antiquity" на нашу коллективную книгу "Early stages in evolution of Mesopotamian civilization. The Soviet excavations in Northern Iraq", изданную в США в 1993 г., она писала, что если до недавнего времени британская археология играла лидирующую роль в исследовании севера Месопотамии, то отныне она перешла к российской экспедиции, работы которой существенно изменили представления о неолите Месопотамии (Oates J., 1994). А еще в 80-е годы такие корифеи ближневосточной археологии, как С. Ллойд и Дж.

ул. М. Ярагского, 75
ИЗДАНИЕ ДИИ РАН

Мелларт, подчеркнули в своих трудах, что в настоящее время без учета результатов российских исследований невозможно уже решать ни одну важную проблему дописьменной Месопотамии.

Уже в процессе наших работ в Ираке стала очевидной необходимость расширения их прежде всего на смежные районы Сирии. И мы начали исследования в Сирии в 1988 г. на сопредельной с Ираком территории, в ее северо-восточной части, составляющей современную провинцию Хасаке. Здесь мы проводим раскопки двух памятников – Телль Хазна I и Телль Хазна II. На втором из них проведены лишь небольшие раскопки, главным образом 4-метрового слоя культуры Телль Сотто.

Но основным объектом раскопок является Телль Хазна I, представляющий собой остатки уникального памятника IV-III тыс. до н.э. Это – крупный холм диаметром до 150 м. Мощность же культурного слоя его достигает 16 м, причем 12 из них относятся к раннединастической эпохе, т.е. к III тыс. до н.э., а нижние 4 м – к урукской и убейдской культурам.

Исследования экспедиции сосредоточены на изучении раннединастического слоя. Вскрытие его на широкой площади показало, что в указанную эпоху здесь существовал крупный и долговременный культурно-административный центр. Это документируется тем, что из раскопанных здесь остатков свыше 200 сооружений ни одно не носит бытового характера, они располагались на нескольких последовательных искусственных террасах. Древнейшие и наиболее массивные сооружения оказались вкопанными в урукский слой.

На раскопанной площади телля обращает на себя внимание прежде всего комплекс фундаментальных сооружений на нижней террасе, включавший в себя, в частности, башню 37 с примыкавшими к ней храмовыми сооружениями и обводной стеной.

Башня 37 стояла на южном склоне холма и сохранилась на высоту 8 м. Она покоилась на мощном цоколе толщиной 1 м, стоявшем в свою очередь на земляной “подушке”. Ее завершала прямоугольная площадка размерами 4 x 6 м.

В северной и южной стенах башни открыты ведущие во внутрь ее дверные проемы соответственно пирамидальной и аркообразной формы. Внутри башни расчищена система из трех шахтообразных камер. Последние не могли служить жилищем. Нет показателей использования их и как исключительно складских помещений. Между тем на всех открытых полах камер найдены отдельные сельскохозяйственные орудия – кремневые вкладыши серпов и зернотерки. Наиболее вероятно здесь предположение о культовом характере отмеченных находок и самих сооружений при явно земледельческом характере самого культа. В пользу такого предположения говорит еще одна интересная находка, сделанная в верхней части башни внутри внешней стены.

Здесь отмечены три щелевидных “окна”, в одном из которых был устроен специальный заклад. В нем находились 17 кремневых

вкладышей серпов и каменная прямоугольная печать. Вкладыши принадлежат трем серпам. Что же касается печати, от на ней можно видеть изображение льва и какого-то копытного животного. Стилистически данная печать уверенно сопоставляется с некоторыми печатями из памятников северной Месопотамии начала III тыс. до н.э. (Тепе Гавра. слои XI, XI-A и др.).

Ритуальный характер отмеченного заклада едва ли может вызвать сомнение. Состав же его достаточно точно соотносится с другими находками в башне и документирует связь с земледелием.

Следует отметить, что после открытия этого заклада, знаменовавшего завершение строительства башни, при исследовании основания башни была раскопана и изначальная “строительная жертва”: три копытных, правильно уложенных на специальной площадке и перекрытых цоколем храмовой конструкции.

Рассмотренная башня – зиккурат – древнейший в Северной Месопотамии памятник подобного рода. К ней с востока примыкала массивная стена, длиной более 8 м и с четырьмя полупилястрами с внешней стороны. Как и башня, она стояла на цоколе и достигала высоты 5,5 м. И на ней сохранилась штукатурка с зеленой окраской. Между полупилястрами в верхней части стены имелись симметрично расположенные сквозные проемы. Эта стена поворачивала к северу, почти вплотную примыкая к следующей монументальной постройке, стоящей на уровне, близком к основанию башни 37. Она имела также форму и сохранилась на высоту почти 8,5 м. И здесь в основании сооружения находилась метровая кирпичная платформа.

С востока к этой постройке башенного типа примыкало почти вплотную такое же массивное сооружение трапециевидной формы и поперечной стеной разделялось на два помещения. Примечательно, что в одной из стен этого сооружения было замуровано ожерелье из 109 разнообразных бус, а также нескольких серебряных подвесок.

Все рассмотренные сооружения объединяются принадлежностью к первоначальному периоду застройки Телль Хазны I и составляют определенную систему монументальных построек южного участка храмового комплекса. Система эта продолжается в северо-восточном направлении, подчиняясь дугообразному плану.

Особенно интересен комплекс сооружений, примыкающий к башне 37 с севера, запада и востока. Это прежде всего квадратный двор, соединенный дверными проемами с двумя помещениями. В обоих сохранились консоли, поддерживавшие плоские перекрытия. В одном из них расчищена прямоугольная кирпичная выкладка, являвшаяся, скорее всего, столом для жертвоприношений. Сочетание открытых дворов с примыкающими к ним святилищами и прочими храмовыми постройками является одним из основных признаков культовой архитектуры древней Месопотамии. И здесь, на Телль Хазне, это сочетание представлено очень выразительно. Весь рассмотренный

комплекс на Телль Хазне I мы называем условно “Нижним храмом”.

Это обусловлено тем, что на глубине 10 м от вершины Телля установлено основание еще одной стены с контрфорсами, идентичной стене “Нижнего храма”. Между контрфорсами и на этой стене расчищены узкие сквозные отверстия. Стена стоит на одной из следующих платформ, на 4 м превышающую нижнюю поверхность. Эта стена сохранилась в высоту на 5,5 м. С северной стороны к ней примыкает ряд помещений, в том числе массивное башнеобразное сооружение высотой 6 м. В нижней ее части открыта большая кирпичная конструкция, внутри которой открыт выложенный кирпичами канал для отвода воды. Он подводит к отверстию в соответствующей стене. Водоотводные сооружения различного характера (каналы, открытые желоба, трубы) неоднократно встречались в храмах Месопотамии.

Весь этот комплекс мы условно именуем “Верхним храмом”. Не исключена возможность наличия и следующей, наиболее высокой платформы. Об этом свидетельствует выявленное на вершине холма большое прямоугольное сооружение с окрешенными стенами и скоплениями раннединастической керамики.

Как видим, структура исследуемого памятника отличается чрезвычайной сложностью. Ясно, что группы рассмотренных сооружений стояли на разных уровнях. Так, “верхний храм” располагался на 5 м выше “нижнего храма”, а постройки на вершине холма еще на 5 м возвышались над стенами “Верхнего храма”.

Традиция сооружения храмов на значительных искусственных террасах имеет в Месопотамии глубокие корни. Построенные таким образом храмы зафиксированы здесь уже в конце IV – начале III тыс. до н.э. Поразительное сходство архитектурных традиций свидетельствует о постоянных и активных контактах различных регионов Месопотамии, обусловивших значительную степень ее культурного единства на протяжении III тыс. до н.э.

Кратко остановлюсь на находках из Телль Хазны I. Основную часть их составляет керамика раннединастического периода, значительно меньшая часть принадлежит ранним периодам – урукскому и убейдскому. Среди керамических изделий представлены также очажные подставки, пряслица, модели колес и др.

Особую категорию находок представляет коллекция пластики, включающая 12 антропоморфных и более 120 зооморфных фигурок. Последние в отдельных случаях обнаружены целыми скоплениями. Так, в одном из помещений, заполненных золой, найдено свыше 60 таких фигурок.

Большой интерес представляют цилиндрические печати из камня и глины. Рисунки содержат геометрические или сильно стилизованные растительные мотивы. Печати с подобными схемами рисунков датируются первой половиной III тыс. до н.э. Наряду с ними найдены

прямоугольные каменные подвески-печати с изображениями животных, в том числе со сценами терзания.

Следует особо остановиться на находках земледельческих орудий. На Телль Хазне I их обнаружено довольно много. Так, уже найдено свыше 150 зернотерок, терочников, пестов и ступок. Пожалуй, еще более впечатляет коллекция кремневых вкладышей серпов. Здесь обнаружено их уже не менее 400 экз.

Ныне, после находки в “окне” южной стены башни 37 целого комплекса кремневых вкладышей в, безусловно, ритуальном закладе представляется оправданным рассматривать все эти находки как элементы символики земледельческого культа. Очевидно, такую же роль играли зернотерки, песты и ступки.

В свете сделанных наблюдений становится очевидным, что культовая практика внутри исследуемого памятника была связана прежде всего с земледельческими верованиями. Здесь можно говорить об отражении чрезвычайно древней и стойкой традиции. По мере развития ритуальная практика, как и все мировоззрение земледельцев древнего Ближнего Востока, усложнялась. Это привело в конечном итоге к созданию не только отдельных храмов, но и целых больших культовых центров. И одним из таких центров является Телль Хазна I. Он представляет древнейший культовый центр, известный в настоящее время в Сирии, и уникален для всей Северной Месопотамии.

Подводя итог, можно с достаточным основанием констатировать, что широкомасштабные и целенаправленные исследования российской экспедиции в Ираке и Сирии, подчиненные решению как общенациональных проблем, так и конкретных вопросов археологии Месопотамии и ее древнейшей истории в целом, привели уже сейчас к важным результатам. Существенный вклад внесен в изучение процесса становления производящего хозяйства в Месопотамии, открыта древнейшая раннеземледельческая культура, позволяющая определить время и пути заселения и освоения великой месопотамской долины, впервые получены свидетельства древнейшей металлургии Месопотамии, эволюции домостроительства, планировки поселений, ряда основных производств, развития социальных структур, духовной жизни, искусства. Охвачен огромный хронологический период – от VIII до III тыс. до н.э. включительно, т.е. фактически вся история дописьменной Месопотамии, являющаяся эталоном для определения общих закономерностей истории человечества и начальных этапов сложения государственности и цивилизации. При этом коренным образом изменены представления о роли сирийского региона в отмеченных процессах. Если прежде он рассматривался как маргинальная область, отличавшаяся отраженным светом культурных достижений Средней и Южной Месопотамии, то ныне есть все основания считать его регионом, фактически не отстающим от последней, отмеченным активным и оригинальным культурно-

историческим процессом, начиная с самых ранних его этапов.

В заключение мне хотелось бы отметить еще следующее. Я продемонстрировал характерные комплексы архитектуры и другие наиболее важные атрибуты известнейших культур дописьменной Месопотамии. Всем специалистам – исследователям древних культур Кавказа очевидно, что кавказские культуры достаточно самобытны и оригинальны и нет никаких оснований выводить их из Ближнего Востока или, тем более, связывать истоки того или другого кавказского народа с далекими месопотамскими предками, в частности с шумерами, как это делают некоторые мифотворцы.

Кавказ имел с глубокой древности связи с Ближним Востоком и испытывал на себе, как и некоторые другие регионы Старого Света, определенные этнокультурные влияния и воздействия, вплоть даже как проникновение сюда отдельных групп населения. Тщательно изучение всего комплекса вопросов, связанных с разработкой проблемы “Кавказ и Ближний Восток”, является одной из наших насущных задач.

Oates J., 1994. – An extraordinarily ungrateful conceits a western publication of important Soviet field-studies. Antiquity. London. vol. 68.

**А.М. Апакидзе, В.В. Николаишвили,
Г.Г. Кипиани, Г.Д. Гиунашвили**
(АН Грузии, Тбилиси)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В с. НАРЕКВАНИ И НА АРМАЗЦИХЕ

В 1998 г. в окрестностях г. Мцхета, на правом берегу р. Нареквани, строителями нефтепровода Баку-Супса были разрушены погребения.

В этих местах еще в 40-е и 60-е годы нашего столетия были выявлены памятники эпохи бронзы и железа, а с 1997 г. здесь вела раскопки Мцхетская археологическая экспедиция под руководством акад. А.М. Апакидзе.

Сейчас изучением разрушенных погребений занялись сотрудники Мцхетского института археологии согласно контракта, оформленного между институтом и английской компанией GPC.

Были раскопаны 42 погребения с каменной насыпью (с некоторыми исключениями), врезанные в глинистую почву на глубине 0,5-1,5 м от нынешней поверхности земли. Все они, за исключением №№ 3, 32, были одиночными и расположены на очень близком расстоянии друг от друга, а в некоторых случаях даже перекрывали друг друга по вертикали (№№ 5, 2, 6 и 7; 10, 30 и 36; 19 и 20; 35, 32, 29 и 16), что позволило установить относительную хронологию. В большинстве случаев погребенные лежали на деревянном ложе со скорченными конечностями, на левом и правом боку, с головой на север или северо-восток (были и некоторые исключения).

В двух погребениях (№№ 8 и 32) под головами покойников лежали камни. Примечательно, что камень под головой покойника встречается в гораздо позднем, Камарахевском (IV-III вв. до н.э.) могильнике, а еще позднее этот обычай появляется повсеместно.

Генетическая связь с Камарахеви наблюдается и в погребальном инвентаре (бронзовые браслеты и булавки), что указывает на явную наследственность, культурные и этнические связи.

Погребальный инвентарь состоял из глиняных сосудов (глазурованных, бурого, серого и черного обжига, украшенных, выемчатым, рельефным и вдавленным орнаментом), бронзовых и железных орудий, украшений (в том числе и золотых), ритуальных предметов и инсигний (штандарты, бронзовые пояса).

Особо выделяются т.н. погребения знатных воинов с характерным инвентарем – ритуальные пояса из гравированной бронзы, удила, умбоны, кинжалы, мечи, топоры, наконечники копий и стрел.

Самым интересным оказалось погребение № 14, в котором был похоронен мужчина средних лет (50-55) лет с трепанированным черепом. Как выяснилось, он был успешно прооперирован и

прожил еще года два. На это указывают рубцы кости вокруг оперированного места.

Комплексы из вышеописанных погребений позволяют датировать их XI-X вв. и VI-V вв. до н.э. и выделить четыре хронологические группы.

Анализ второго материала отчетливо указывает на процесс социальной дифференцированности и является прямым откликом того, что писал Страбон в своем труде о Картли (Иберия), где, по его данным, проживали четыре геноза, из которых третий объединял земледельцев и воинов. Именно этот генос можно разглядеть среди погребенных в Нарекванском могильнике, доказательством чего является бронзовый пояс из погребения №9.

Кроме всего сказанного, нарекванские комплексы дают возможность представить ту демографическую ситуацию, которая существовала в районе слияния рек – Куры и Арагац – до появления древней столицы Картли (Иберия) – Мцхета – основы грузинской государственности.

В этом же году (1998) были продолжены раскопки на двух участках Армазцихе.

Одна группа (В. Николаишвили) возобновила работы на I-II террасах (участки 351-352), а вторая группа (Г. Кипиани) работала на IV террасе (участки 519, 562).

На участке бани №3 были выявлены строения, связанные с ней (уч. 351, 0, 6, 7, 9, 10 - 12).

Над главным коллектором появилась насыпь черепиц, предположительно, обвалившегося перекрытия бани, а у главного входа этой же бани появился керамический водопровод из желобчатых черепиц. Такой же водопровод появился на востоке аполитерия и на северо-востоке отопительного помещения. На южной стороне появились новые помещения - №№ 8-9, а на юго-западе - №7.

В южной стене №7 помещения было два дверных проема, которые позднее были замурованы; а в северной стене находились две ниши. Площадь седьмого помещения – 6,25-7,1 x 46,15 м. На юге этого же помещения появился водопровод, или же это является симой.

Бассейн появился между I и II террасами (уч. 352 – 5, 6, 8, 9) площадью 6,5 x 3,5 м. Пол бассейна был усыпан обломками черепицы. Предположительно, это обвалившаяся крыша бассейна. Бассейн снабжался со стороны бани.

В седьмом помещении и вокруг него, а также около бассейна, были глиняные и стеклянные сосуды, лютерии и черепицы, что дает возможность датировать вышеупомянутые помещения второй половиной III и первой половиной IV вв. н.э.

На четвертой террасе для раскопок была выбрана юго-западная часть, т.е. 416-417; 519-520 и 562-563 участки, но основные работы велись на 519 и 562 участках, где после снятия грунтового слоя появились обнаженный слой штукатурки и насыпь из черепиц. Фрагменты

желобчатых и плоских черепиц были в одинаковом количестве. На обломках штукатурки были отпечатки круглых и угловатых бревен, а также узлы пересекающих друг друга соединений, указывающих на то, что это отпечатки фрагментов деревянного каркаса строения. Стало возможным уловить и неповрежденный сырцовый кирпич размеров 10 x 10 x 20 см. Вырисовался план строения с двумя помещениями и отпечаток продольного соединительного бревна.

В северо-восточной части южного, почти квадратного помещения была печь. Между параллельными каменными плитами была зола, а сами плиты были красные от огня. Здесь же была база из песчаника, которая кажется использованной вторично. Профиль таких баз не меняется в течение веков и поэтому трудно датировать ее только по форме. В северной части появились обугленные бревна –основание для пола. Сам пол был глинобитным. Около бревен (519, 10), в глиняном сосуде были овальные “лепешки”, сделанные из смеси глины и извести. Назначение этих предметов еще не известно. Может быть, у них была какая-то производственная функция?!

На полу северного помещения был найден глиняный сосуд с необработанными обсидиановыми отщепами.

Создается впечатление, что помещение было мастерской, уничтоженной пожаром во второй половине IV в. н.э.

О.М. Давудов
(Инс-т ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

О КОНТАКТАХ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА С ИРАНОЯЗЫЧНЫМИ КОЧЕВНИКАМИ

Контакты оседлых земледельцев Северо-Восточного Кавказа с ирано-язычными кочевниками относятся к актуальным проблемам истории народов Дагестана. Эти контакты становятся особенно активными в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

К позднесрубному времени относятся связи с племенами, оставившими сабадиновские и белозерские памятники. Об этих контактах писали А.П. Круглов [1946. С. 88], К.А. Бредэ [1959. С. 22-27] и Д.М. Атаев [1970. С. 351-358]. Этот вопрос нашел отражение и в наших работах [Давудов О.М., 1974. С. 33]. Позже к нему обратился В.Г. Котович [1982. С. 91-93]. Однако существование таких контактов некоторые ученые до сих пор продолжают оспаривать [Марковин В.И., 1976. С. 345-348].

М.Н. Погребова выделила на территории Азербайджана кировабадскую группу курганов XIII-X вв. до н.э., отличающуюся близостью с курганами Нижнего Поволжья, высказала предположение о том, что из Нижнего Поволжья в Закавказье проникли иранские племена, что между последними и населением Дагестана и Чечни существовали интенсивные связи [Погребова М.Н., 1977. С. 128-129, 132-133]. Если это так, то на территории Дагестана должны быть памятники, проливающие свет на эти связи. И действительно, такие материалы на территории Дагестана встречаются. Бесспорным доказательством таких контактов, например, является курган в местности "Чампар" вблизи Махачкалы, оставленный позднесрубными племенами [Атаев Д.М., 1970]. С "позднесрубными племенами" связаны кинжал сабадиновского типа XIII-XII вв. до н.э., найденный на могильнике близ сел. Инче Казбековского района в Северном Дагестане [Котович В.М., 1978. С. 96-98, рис. 6,8] и изображения повозок на могильной плите погребения из Берикейского могильника [Круглов А.П., 1958. С. 142, рис. 68, 2, 69], а также на скале близ селения Манасаул Буйнакского района [Марковин В.И., 1969. С. 94. Рис. 39,1]. Модели таких повозок встречены на Ачисуйском поселении (Карабудахкентский район Дагестана) [Давудов О.М., 1985. С.]. Такие же модели повозок происходят из азербайджанских памятников предскифского времени [Асланов Г.М., Вайдов Р.М., Ионне Г.И., 1959. С. 131. Рис. 101; Rolle R., 1991. S. 85-92. Abb. 1,5,6].

Между тем планировка жилых сооружений, техника строительства, а также отдельные керамические формы Нижнесигитминского и Ачисуйского поселений напоминают

памятники сабадиновского и белозерского типа [Кривцова-Гракова О.А., 1955. С. 117-118; Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. С. 87-92, 94-97, 121-126, 134-137; Шарафутдинова Э.С., 1980. С. 40-53], в том числе и памятники Поволжья.

К XII в. до н.э. относится одна из интереснейших грунтовых могил Мугерганского могильника, где встречены собранные в одну кучу кости черепа и ног быка. В этой могиле среди сопутствовавшего инвентаря найдено до трех десятков лепных обмазанных и серых лошенных столовых сосудов. Обряд погребения головы и ног быка на его шкуре был характерен для срубных и андроновских памятников [Грязнов М.П., 1977. С. 80-88]. После XIII в. до н.э. он появляется в Закавказье [Кушнарева К.Х., 1977. С. 54. Рис. 65. Там же литература]. Скорее всего, этот обряд, как и другие вышеупомянутые элементы материальной культуры, связан с влиянием сабадиновских и белозерских племен.

Эти обе культуры - сабадиновская и белозерская являются составной частью срубной культурно-исторической общности, оставленной североиранским этническим массивом. Украинские археологи обосновали тезис о продвижении сабадиновских племен на юг и об их участии в движении "народов моря" в XII в. до н.э. [Березанская С.С. и др., 1986. С. 151; см. также: Sandars N.K., 1978. S. 213-506]. Одновременно продвижение сабадиновских племен происходило и на юго-восток, что отмечено в материалах кобанской культуры Северного Кавказа. Здесь, как впрочем и в Закавказье, отмечен обряд кремации и ритуального сжигания жертвенных животных. В.И. Козенкова полагает, что он был заимствован из областей средней Европы через посредство сабадиновских племен [Козенкова В.И., 1982. С. 28]. Эти племена, проникшие на территорию кобанской культуры, растворились в местной этнической среде [Козенкова В.И., 1982. С. 30-31]. В этой связи необходимо отметить, что сабадиновцы распространились на весь Северный и Северо-Восточный Кавказ. Об этом говорит не только вышеуказанное погребение Мугерганского могильника с захоронением головы и ног быка на его шкуре, но нахождение внутри некоторых погребальных сооружений этого же могильника остатков погребальных костров. По всей вероятности, сабадиновские племена, проникшие в Дагестан, со временем растворились в местной этнической среде.

С кочевническим степным миром связаны и конские погребения, встреченные на памятниках Дагестана предскифского, скифского и сармато-аланского времени. Наиболее архаичные конские захоронения встречены на Мугерганском могильнике. Вместе с конским костяком здесь найден бронзовый псалий с тремя муфтообразно оформленными отверстиями и одним концом в виде круглого стержня. Аналогичные псалии происходят из Черногоровских памятников степной и лесостепной Украины (курган у сел. Веселая Долина, Адамовское

поселение) 900 - 750 гг. до н.э. [Тереножкин А.И., 1976. С. 38. Рис. 11. С. 69. Рис. 36]. На лбу коня этого мугерганского погребения была умбоновидная бляха. Аналогичные бляхи широко встречаются и на других предскифских памятниках Дагестана (Хосрех, Шахсенгер, Акяр и др.). Они находят аналогии на памятниках Украины, Поволжья, Северного Кавказа и Восточного Закавказья [Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионне Г.И., 1959. С. 97. Табл. XXI, 12, 13; Шрамко Б.А., 1971. С. 92-102; Ивановский А.А., 1911. С. 128, 144. Табл. VII, 9]. Деревянная посуда, встреченная на памятниках Дагестана предскифского и скифского времени (Акяр, Шахсенгер), является одной из характерных особенностей культуры евразийских кочевников.

Надо оговориться с самого начала, — некоторые украинские ученые связывают сабагиновскую культуру с киммерийцами [Черняков И.Т., 1985. С. 148]. Вопрос о киммерийском влиянии на материальную культуру населения Северного Кавказа имеет довольно значительную историю. Однако, мысль о контактах киммерийцев с древними племенами Дагестана, точнее о проникновении киммерийцев на юг вплоть до Главного Кавказского хребта была высказана А.И. Тереножкиным [1971а]. Это было связано с находкой на Мугерганском могильнике биметаллического меча с крестовидной рукояткой, названным им киммерийским. В настоящее время таких кинжалов в Дагестане найдено три: на Хосрехском святилище, на Мугерганском и Шахсенгерском могильниках. Еще более убедительно киммерийско-дагестанские и раннескифско-дагестанские контакты документирует Хосрехское святилище VIII - VII вв. до н.э., выявленное и исследованное нами в высокогорном Дагестане. Оно представляет собой квадратное в плане (8x8 м) каменное сооружение, в центре которого выложен круг с крупным каменным алтарем внутри. На выкладке круга сохранились остатки жертвенных костров. Дорога от прохода в южной стенке и территория вокруг алтаря вымощены каменными плитами. Под приалтарной вымосткой и самим алтарем найдены два тайника, в одном из которых оказались два астрагала крупных животных и один астрагал мелкого животного, а также обломок точильного бруска. К северо-западной стенке святилища изнутри примыкало возвышение, на котором найдены остатки погребальных костров, многочисленные астрагалы мелких, преимущественно диких животных, предметы материальной культуры из бронзы и железа, а также черепа животных, в большинстве случаев со спиленными рогами. Среди находок имеются статуэтки оленя, быка и парная фигурка двух обнаженных людей с руками на животе. Инвентарь относится к изделиям предскифского и раннескифского облика [Давудов О.М., 1980; 1983]. Среди находок имеются довольно архаичные изделия. Наиболее поздним среди них был железный акинак с прямым навершием и сердцевидным перекрестьем, датируемый VII - VI вв. до н.э. Верхняя дата святилища, очевидно, должна быть отнесена к этому же времени или ближе к

середине VII в. до н.э. Ранее мы определяли верхнюю дату этого святилища, ориентируясь на дату меча Лермонтовского разьезда в Пятигорске. Ныне убедительно аргументирована принадлежность лермонтовского меча к иному типу акинаков без наверший [Махортых С.В., Скорый С.А., 1986. С. 72-78].

Само святилище по канонам строительства и остаткам костров внутри сооружения относится к кругу индо-иранских культовых строений, отражающих их представление о миропостроении. Наиболее близко хосрехское святилище к культовому сооружению, выявленному В. Г. Петренко под насыпью одного из курганов VII в. до н.э. Ставрополя [Петренко В.Г., 1983. С. 44 - 45]. Если исходить из справедливо отмеченной У. Симпсоном [Simpson W., 1888. P. 55. 57] единой идеи, воплощающей как в храмовой, так и в погребальной архитектуре - идеи о миропостроении или микрокосмосе [Виноградова Н.А., 1973. С. 65.] , то мы вправе сопоставить наше святилище с мавзолеями 4, 5 а, 7 Тагискентского могильника IX - VIII вв. до н.э., сочетавшими в планировке круг с квадратом [Толстов С.П., 1962. С. 81-85, 201-204. Рис. 117]. Дальнейшее развитие архитектуры с квадратно-циркульной планировкой от Тагискентских мавзолеев или даже Геюксюра идет через такие яркие памятники античности Средней Азии как Мансурдепе, Боланды-2, Кух-и Ходжа, Чирик-Рабат, Кой-Крилган-кала до средневековых сасанидских чортак и среднеазиатских мавзолеев [Толстов С.П., 1962. С. 81-85, 201-204. Рис. 117; Воронина В.Л., 1960. № 2. С. 50 и сл.; Кошеленко Г.А., 1966. С. 18-35; Кошеленко Г.А., Пилипко В.Н., 1968. С. 33 и сл.; Пугаченкова Г.А., 1978. С. 16-30]. В скифское и античное время такие памятники встречаются также и на территории Восточной Европы [Карасов А.Н., 1953. С. 200; Худяк М.М., 1962. С. 18-23; Соколов Г.И., 1972. С. 33; Roussel P., 1916. P. 230] и Грузии (Вани) [Лордкипанидзе Г.А., 1977. С. 104-112; Лордкипанидзе О.Д., 1978].

Напомню, что одним из наиболее распространенных знаков киммерийского орнамента был круг, заключенный в квадрат или квадрат, вписанный в круг. В более позднее время идеограммы и архитектурные ансамбли, в планировке которых сочетается круг с квадратом, получили широкое распространение в азиатских странах вместе с распространением буддийской религии [Виноградова Н.А., 1973. С. 65-81; Муриан И.Ф., 1973. С. 129-143]. В религиозно - мифологической системе древних индоевропейцев мир, т.е. землю и небо представляли в виде сочетания квадрата и круга с общим для них центром [Лелеков Л.А., 1976. С. 7 и сл.; Раевский Д.С., 1977. С. С. 105-107]. Скифы, например, представляли свою землю в виде квадрата с источником воды в центре [Геродот. IV, 52, 81, 101].

Костры, разводимые на вымощенном круге и на возвышении внутри Хосрехского святилища, очевидно, символизировали всеобновляющий эсхатологический мировой пожар [Лелеков Л.А., 1976. С. 13]. Авеста, Рамайна, Махабхарата, Энеида, пехлевийские тексты и

Эдды рассматривают эсхатологический мировой пожар в качестве обязательного условия достижения вечности. В Ригведе огонь является источником бессмертия даже для богов, не говоря о людях. Огонь является “стражем священного порядка”, призванный “сопровождать к счастью” [Ригведа, VII, 3,3].

Таким образом, характер Хосрехского святилища отражает духовный мир индо-иранских племен. Набор инвентаря, встреченный на его территории, указывает не только на хорошее знакомство владельцев святилища с мировоззрением индо-иранских племен, но и на то, что они приносили в жертву оружие, орудия труда, украшения и votivные предметы, многие из которых были добыты из Закавказья и Передней Азии.

Статуэтка оленя из Хосрехского святилища по своим стилистическим особенностям может быть принята за изделие мастеров из Закавказья и Передней Азии начала I тысячелетия до н.э. [МАК. М., 1911. VI. С. 135; Мнацаканян А.О., 1954. С. 104; Рис. 41; Мартиросян А.А., 1964. С. 146, 147. Табл. XIV; Schaeffer Cl., 1948. P. 287, 288. Fig. 177, 10].

Статуэтка быка выполнена в обычной для дагестанской металлопластики манере — в статичном положении. Образ быка как олицетворение оплодотворяющих сил животного, связанного с небом и солнцем, популярен в искусстве древнего Востока, Эгейского мира и Кавказа [Кушнарера К.Х., 1977. С. 45-59]. Отдельные изображения быков, встречаемые на скифских памятниках, заимствованы из древневосточного или древнегреческого искусства [Ильинская В.А., 1982. С. 41-44].

Парная статуэтка двух мужчин с обеими руками на поясе выполнена в характерной для дагестанской металлопластики технике по восковой модели. Лица, переданные в фас, изображены грубо. Наша статуэтка по сюжету близка к скульптурной композиции “побратимов” из сел. Шали Чечни - двух обнаженных мужчин, обнимающих друг друга за плечи, а свободные руки прижаты к груди [Виноградов В.Б., 1972. Рис. 37]. Другая парная статуэтка из сел. Кумбулта (Сев. Осетия) более схематизирована, но достаточно хорошо видно, что и она передает двух обнаженных мужчин. Положение фигур и их жесты красноречиво передают идею дружбы и верности или побратимства. Такая дружба в идеологии древнего мира получила широкое распространение.

В ГЭ хранится бронзовая статуэтка парных обнаженных всадников с паспортом “из Дагестана” [Кузьмина Е.Е., 1973. С. 189]. Она освещает еще один аспект образа двух обнаженных близнецов — их связь с конем. Культ близнецов был присущ для индо-иранского мира. Он получает распространение на Кавказе с конца II - начала I тыс. до н.э. По античным источникам скифы строили храмы для друзей Ореста и Пиллада, приносили им жертвы, устраивали в их честь праздники и

торжественные собрания [Геродот. История. IV, 70; Лукриан. Токсирид или дружба, 37]. В скифском побратимстве, получившем отражение в искусстве, нетрудно видеть широко распространенный в индоевропейской, в том числе индо-иранской среде культ близнецов. Современный фольклорный и этнографический материалы документируют культ близнецов и в древнем Дагестане. Появление этого культа здесь документировано вышеупомянутой статуэткой конца II - начала I тыс. до н.э. Аналогичные находки сделаны и в Бомборской долине Абхазии, во многих районах Закавказья и Передней Азии, в том числе и в Луристане конца II - начала I тыс. до н.э. Появление этого культа на Кавказе, в том числе и в Дагестане, скорее всего обусловлено влиянием индо-иранских племен, в большей степени скифов.

С ними связаны некоторые элементы погребального обряда и инвентаря.

С Мугерганского могильника происходит самое архаичное в Дагестане юнское погребение начала I тыс. до н.э. Позже этот обряд становится популярным.

Когда мы говорим об общих со степным миром формах материальной культуры, мы имеем в виду не импорт этих изделий. Все они произведены на месте. Примером могут служить наконечники копий, выявленные на Хосрехском святилище. Три из них имеют перья подтреугольной формы и граненные втулки. Наконечники с гранеными втулками встречены на Николаевском могильнике (Краснодарский край) [Анфимов Н.В., 1961. С. 116-119; Табл. II, 3-6] но их перья отличаются от хосрехских. Такие перья Т.Б. Барцева видит среди наконечников бронзового века Повожья (баланбашско-сейминско-турбинского горизонта). Надо сказать, что указанные наконечники из Повожья отличаются от дагестанских расщепленными втулками, не говоря уже о составе металла, из которого они отлиты. Хосрехские наконечники сделаны из медных сплавов с химическими примесями, сходными с кожными изделиями. Один хосрехский наконечник с гладкой втулкой и лавролистным пером находит аналогии на памятниках Северного Кавказа, в том числе на Николаевском могильнике. Однако отлит он из сложного сплава, характерного для Дагестана предскифского времени, сплава на медной основе, легированного оловом (2%) и мышьяком (0,9 %) [Барцева Т.Б., 1985. С. 46-47]. Он наряду с вышеупомянутыми материалами указывает на связи со степными ираноязычными племенами, возможно, киммерийцами, пребывавшими в VIII в. до н.э. не только на Северо-Восточном Кавказе, но и гораздо южнее. Такое южное их проникновение следует из сообщения Геродота: “Известно ... что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись

в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь страны” [Геродот. IV, 12]. Основные силы “киммерийцев” проходили по одной дороге, по Прикаспийской же дороге могли пройти их отвлекающие силы. Вместе с тем не исключено, что какая-то часть киммерийцев сюда могла проникнуть и раньше. Напомню, что первые сведения о киммерийцах в древневосточных источниках появляются в промежутке между 722 и 715 гг. до н.э., когда ассирийский шпион сообщил своему царю Саргону II об урартском царе, напавшем на страну Гамир. Другой ассирийский шпион доносит Саргону II о том, что между страной Гамир и Урарту есть страна Гуриана или Куриана. Видимо, с этими кочевниками связано, найденное в высокогорном Дагестане, Хосрехское святилище, отражающее идею о миропостроении, характерную для индо-иранских племен, а также вышеперечисленные предметы материальной культуры степного облика.

***

Если характер дагестанско-киммерийских отношений трудно поддается определению, то дагестанско-скифские отношения могут быть освещены намного четче и ярче. Из Дагестана происходят бронзовые наконечники стрел VII-VI вв. до н.э., преимущественно сосредоточенные в Прикаспийском коридоре, по которому продвигались скифские кочевые орды. Их к настоящему времени набралось около 50 экз. (рис. 1). В основном они соответствуют типам, характерным для евразийских степей:

I. Двухлопастные наконечники стрел представлены 22 экз.

Три из них со *сводчатой головкой*: происходят из Сарыкума (1 экз.), Паласасырта (1 экз.) и Урцеки (1 экз.).

Пять с *лавролистной головкой и выделенными втулками*. Одни из них наделены шипами, другие не наделены. Один наконечник без шипа происходит из погребения VII в. до н.э. Мугерганского могильника, остальные в шипами - из Урцеки (2 экз.), Алмало (1 экз.) и Карабудахкента (1 экз.). Такие же наконечники были найдены в урартской крепости Тейшибаини на холме Кармир-блур [Есаян С.А., 1985. С. 56] и на других памятниках Закавказья этого же времени.

Самую многочисленную группу образуют *наконечники с ромбовидными головками*. Одни из них имеют втулку с шипами, другие не имеют. Наконечники без шипов происходят из Алмало (1 экз.), Урцеков (1 экз.) и Карагаса (1 экз.), с шипами - из Урцеков (5 экз.), Тарнаира (1 экз.), Карабудахкента (1 экз.), Дербента (1 экз.) и Сарыкума (1 экз.). Они соответствуют первому типу отд. I классификации А.И. Мельковой и особенно характерны для памятников Скифии VII - первой половины VI в. до н.э. [Мелькова А.И., 1964. С. 18; Смирнов К.Ф., 1961. С. 41]

Единственный наконечник *стрелы с трапецевидной головкой и выступающей втулкой, наделенной шипом* происходит из Ногайского

района (развезанные дюны около Сухокумса). Он считается редким типом савроматских стрел VII - VI вв. до н.э. Лишь один наконечник происходит из комплекса второй половины VI в. до н.э. [Смирнов К.Ф., 1961. С. 41]. К VII - VI вв. до н.э. может быть отнесен и наш наконечник из Ногайского района.

II. Трехлопастные наконечники стрел. Их более 20 экз. и представлены они типами с *овальными, ромбовидными и подтреугольными головками*.

Наконечники с *головками овальных очертаний* происходят из развезанных дюн Алмало (1 экз.), Карагаса (3 экз.), Каякента (1 экз.) и Урцеки (1 экз.). Карагасский экземпляр имеет выделенную втулку без шипа, остальные - выделенные втулки с шипами. Причем, втулка наконечника из Каякента короче, чем у остальных. Аналогичные наконечники стрел встречаются на памятниках Закавказья скифского времени [Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. С. 61-65], а на скифо-савроматских памятниках они появляются одновременно с двухлопастными и бытуют на протяжении второй половины VII - VI вв. до н.э. [Мелькова А.И., 1964. С. 6; Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И., 1980. Рис. 13]. К началу V в. до н.э. они практически выходят из употребления, хотя отдельные экземпляры встречаются и позже [Смирнов К.Ф., 1961. С. 45]. П. Д. Рау называл эти наконечники типично скифскими (“сколотскими”).

Наконечники стрел с головками асимметрично подромбических очертаний и резко выраженными углами. Их размеры небольшие и встречены в Урцеки (2 экз.) и Тарнаире (2 экз.). Один тарнаирский экземпляр имеет шип на выступающей втулке, другие - не имеют. Один наконечник из Урцеки и один из Тарнаира отличаются мелкими размерами. Такие наконечники в Закавказье встречаются меньше, чем вышеупомянутые типы [Есаян С.А., Погребова М.Н., 19. С. 69]. Причем встречаются они среди скифских наборов VII - VI до н.э., но довольно редко [Мелькова А.И., 1964. Табл. 6, О-13, Л-3, И-6].

Наконечники стрел с треугольными очертаниями головок и втулками, слегка выступающими от основания лопастей. По характеру оформления основания лопастей выделяются три варианта наконечников: наконечники с горизонтальными окончаниями крыльев. Их 3 - один происходит из Алмало, другой - из Бавтугая и третий - из Избербашских развезанных дюн. Аналогичные наконечники встречены на памятниках Передней Азии и Закавказья, преимущественно на территории Восточного Закавказья [Есаян С.А., Погребова М.Н. С. 69-70]. В Скифии они появляются лишь с начала VI в. до н.э. и в основном характерны для VI - V вв. до н.э. [Мелькова А.И., 1964. С. 19, 21].

Два наконечника стрел (1-из Алмало, другой - случайная находка “из Дагестана”) имеют *заостренные, опущенные вниз концы лопастей*. Аналогичные наконечники отнесены А.И. Мельковой к 7 и 8 вариантам 3 типа трехлопастных наконечников. Аналогичные наконечники также

встречаются в Передней Азии и Закавказье, причем преобладают они на восточной территории Закавказья [Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. С. 70-71]. В Скифии они датируются V-IV вв. до н.э., хотя изредка встречаются и в предшествующую эпоху [Мелюкова А.И., 1964. Табл. 6, И-7, О-22; Табл. 7, Г-5,6;Е-10].

Среди наших наконечников есть экземпляр, известный под названием *базисного сводчатого типа*. Это название он получил из-за того, что имеет концы лопастей, срезанные вровень с основанием скрытой втулки. Он найден недалеко от Андрейаульского городища, вблизи федеральной автодороги Ростов-Баку. Аналогичные наконечники относятся к пятому типу трехлопастных наконечников по классификации А.И. Мелюковой. Они обычны для Скифии и появились у савроматов в VI в. до н.э., но широкое распространение, как в Скифии, так и на савроматской территории, получают с конца VI-начала V в. до н.э. [Мелюкова А.И., 1964. С. 21,23; Смирнов К.Ф., 1961. С. 49, 50-тип 10].

Среди наших находок имеются небольшие *наконечники стрел с треугольной головкой и выступающей втулкой*. Такие наконечники рассматриваются в качестве типично скифских, попавших из Скифии к савроматам Поволжья. В Скифии и Прикубанье они распространяются со второй половины V в. до н.э., но особенно характерны для IV-начала III в. до н.э. [Смирнов К.Ф., 1961. С. 48-49 - тип. 9]. Видимо, к этому же времени следует отнести и наш наконечник, найденный на западной стороне автодороги Ростов-Баку, вблизи р. Акташ.

Трехгранные наконечники стрел. Их среди наших находок - 2, один происходит из развешенных дюн Карагаса, другой найден у трассы Ростов-Баку. Оба они имеют длинные, выступающие втулки и треугольные головки, косо срезанные ко втулке.

Железные наконечники стрел найдены на территории высокогорного Дагестана. Это двухлопастные наконечники стрел с выделенными втулками и треугольными головками из Хабадинского могильника. По П. Рау их дата определяется в пределах конца VI - V вв. до н.э.

Со скифами и их историко-культурным миром связаны также найденные в различных районах Дагестана **железные мечи - акинаки**. Из окрестностей сел. Согратль и Хосрехского святилища в высокогорном Дагестане происходят *акинаки с брусковидными навершиями и почковидными (сердцевидными или бабочковидными) перекрестьями* (I отдел по классификации А.И. Мелюковой). Хосрехский акинак имеет ствол рукоятки с вертикальными валиками, клинок частично разрушен, но сохранилась часть в 294 мм., длина рукоятки - 118 мм. Мечи и кинжалы аналогичного типа распространены на обширной территории Евразии, в том числе на Кавказе. Характерные архаичные признаки хосрехского акинака - вертикальное членение ствола рукоятки валиками. Подобное же членение имеется на рукоятке биметаллического акинака из погребения 85 Тлийского могильника

[Техов Б.В., 1980. С. 22-24; Рис. 4.7; С. 27-28; Рис. 128; С. 57-58]. Аналогичные акинаки составляют подавляющее большинство скифских акинаков Закавказья. А.И. Мелюкова датировала их в второй половине VII - VI вв. до н.э. [Мелюкова А.И., 1964. С.47-52]. Закавказские находки таких акинаков относятся к наиболее архаичным и отнесены С. А. Есаяном и М.Н. Погребовой ко второй половине VII - началу VI в. до н.э. [Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. С.46; Мелюкова А.И., 1964. С. 47-52]. Они справедливо отвергают дату VIII в. до н.э., предложенную Б.В. Теховым для акинака из могилы № 85 Тлийского могильника. Вторая половина VII - начало VI в. до н.э. представляется наиболее приемлемой датой для всех таких акинаков, как впрочем и для хосрехского акинака. К этому же времени может быть отнесен согратлинский акинак с более стройной рукояткой и членением ствола рукоятки не только вертикальными валиками, но и поперечными.

Акинак с брусковидным навершием рукоятки и таким же перекрестьем найден в склепе Урцекского могильника. Наиболее полную сводку таких акинаков дает В.Б. Виноградов. Он же высказал предположение об их предпочтительно северокавказском ареале бытования [Виноградов В.Б., 1977. С. 104]. Но они найдены и в Закавказье (Самтавро, Брили, Тли), и в Передней Азии (Мусиери) [Техов Б.В., 1980. С. Рис. 5,1; 20,4; Ломтатидзе Г.А., 1955. С. 56. Табл. VIII-в центре; Мелюкова А.И., 1964. С. 52-53. Рис. 18, 18]. Подобный акинак изображен на поясе статуэтки воина из Чечни. А.И. Мелюкова выделяет их в 4 тип I отдела и полагает, что они появились под влиянием греческого скифоса. [Мелюкова А.И., 1964. С. 104]. Наиболее хорошо документированные образцы таких акинаков, найденные в могилах Керченского полуострова, отнесены к V в. до н.э. [Мелюкова А.И., 1964. С. 52-53] К этому же времени отнесены они в Среднем Поднепровье [Петренко В.Г., 1967. С. 42; Табл. 33.6]. Северокавказские находки датированы В.Б. Виноградовым VI-V вв. до н.э. [Виноградов В.Б., 1972. С. 104]. К этому же времени относится и Урцекский акинак.

В Дагестане встречена обкладка ножен акинака с геометрическим и растительным орнаментом (Мака).

Среди дагестанских предметов материальной культуры встречены скифские **удила, псалии и ворворки**.

Однокольчатые бронзовые удила со стержнями, украшенными в большинстве случаев рельефным узором, имитирующим обмотки (тип 2 по А.А. Иессену). Одни из них происходят из Мугерганского могильника, где они были найдены в конском погребении вместе с бляшками для закрепления перекрещенных ремней узды. с бляхой и трехтрубчатым бронзовым псалием, аналогичным псалиям из памятников степной и Лесостепной Украины 900-750 гг. до н.э. [Тереножкин А.И., 1976. С. 38; Рис. 11; С. 69; Рис. 36,1]. Другие такие же удила происходят из Шахсенгерского и Акярского могильников. Аналогичные удила были распространены в течение переходного

времени от бронзы к железу в Западной Европе, Средней Азии и Сибири, а также на Кавказе. Наиболее ранние из них происходят из комплексов VIII в. до н.э. (Николаевский могильник в Прикубанье) [Анфимов Н.В., 1961. С. 118], а наиболее поздние - из Малого кургана VII в. до н.э. Азербайджана в Мильской степи [Тереножкин А.И., 1971. С. 73, Рис. 1,6]. Дагестанские однокольчатые удила также могут быть отнесены к VIII - VII вв. до н.э.

Железные однокольчатые удила, т.н. петлевидного типа происходят из Аркаского городища "Нах-меэр" и Хабадинского могильника. Аналогичные удила появляются на скифской территории с первой половины VI в. до н.э. и стали здесь господствующими во второй половине этого же столетия [Граков Б.Н., 1971. С. 97; Ильинская В.А., 1968. С. 106]. На Северном Кавказе они появляются на смену стремчовидным удилам в конце VI в. до н.э. и продолжают здесь бытовать в V в. до н.э. [Виноградов В.Б., 1972. С. 133; Козенкова В.И., 1982. С.28].

Псалии представлены роговыми и железными.

Роговой псалий с острым концом и двумя овальными отверстиями на одной плоскости найден на Хабадинском могильнике вместе с железными удилами, имеющими наружные подвижные кольца, и двухдырчатым железным псалием с прямыми концами. Псалии с двумя отверстиями, как известно, появились на смену псалиям с тремя отверстиями вместе с изменением конструкции скифо-савроматской узды в конце VI в. до н.э. [Либеров П.Д., 1954. С. 157; Смирнов К.Ф., 1961. С. 81]. Аналогичные роговые псалии с двумя отверстиями происходят из слоев V - III вв. до н.э. городища у сел. Архангельское (Воронежская обл.), из слоев IV-III вв. до н.э. городища Бутучены (Молдавия) [Либеров П.Д., 1965. С. 31; Табл. 23,28; Мелюкова А.И., 1958. С. 30, 31]. Возможно, что хабадинский псалий из Дагестана относится к V в. до н.э. Во всяком случае, сопутствующий инвентарь относится к этому времени.

Железные псалии представлены несколькими разнообразными типами. В основном они происходят из Аркаского городища "Нах-меэр" и Хабадинского могильника.

Псалии с прямым стержнем и восьмеркообразным расширением у обеих отверстий найдены на Хабадинском могильнике (1 экз.) и Аркаском городище "Нах-меэр" (1 экз.). Они появляются в Скифии в V в. до н.э. и получают широкое распространение в IV в. до н.э. [Петренко В.Г., 1967. С. 37, Рис. 26, 1,2,26].

Один псалий с двумя отверстиями и Г-образным одним и расширенным, полусферическим другим концами стержня найден на Аркаском городище "Нах-меэр". Такие псалии широко распространены на савроматских памятниках Поволжья, Приаралья, а также на Алтае. Они датируются V в. до н.э. [Смирнов К.Ф., 1961. С. 84; Рис. 45, 2,3; Петренко В.Г., 1967. С. 37; Табл. 26, 19].

С-образный псалий с двумя отверстиями происходит из

Аркаского городища "Нах-меэр". Аналогичные псалии также характерны для савроматов и датируются V - IV вв. до н.э. [Петренко В.Г., 1967. С.37. Рис. 26, 1,2,26].

Среди конского инвентаря Дагестана имеются бронзовые и смальтовые конические **ворворки**, предназначенные для украшения кистей уздечек или скрепления ремней на месте их пересечения. По одной бронзовой ворворке найдено на Хабадиноком и Таркинском могильниках. Причем на Таркинском могильнике она обнаружена с обломками керамики сарматского облика. К.Ф. Смирнов и М.И. Пикуль сближают их с фалларами скифских уздечек [Пикуль М.И., 1967. С. 252; Рис. 14,9; Смирнов К.Ф., 1961. С.252; рис. 12,5]. Характерны они и для савроматов, а позднее и сарматов [Смирнов К.Ф., 1961. С. 93; рис. 50, 12, 13; 51,2].

Большой интерес представляют культовые **навершия** скифского типа, найденные на памятниках Дагестана.

На Шаракуновском могильнике, приуроченном к Приморскому Дагестану, найдено бронзовое изделие в виде полого шарика с вертикальными прорезями, надетого на круглый стержень. Шарик опирается на -- образную петлю и увенчан кольцом, а внутри содержит цельнометаллический шарик с помощью которого издается звон. По своему характеру это навершие - погремушка примыкает к скифским навершиям VI - V вв. до н.э. [Самоковасов Д.Я., 1882; Лапко-Данилевский А.С., 1887; Chirchman R., 1939. Pl. XXI,5<6; LVI,8, 893].

Конические бронзовые навершия, увенчанные колпачками в виде купола и опирающиеся на основание из радиально расходящихся конусов, найдены на Каратинском могильнике и в окрестностях гор. Хасавюрт. Конические навершия характерны скифам, но их навершия преимущественно увенчаны изображениями животных, птиц, солярных знаков и не имеют оснований, подобных нашим [Иллінська В.А., 1963. Рис. 2,3,6,7; 3,1,8,12; Ильинская В.А., 1962. С. 78-84; Рис. 2,3; Шлеев В.В., 1950. С. 53-61; Рис. 15, 5,6,9]. Вместе с тем, можно считать, что оба эти дагестанские конические навершия, функционально примыкают к скифским навершиям. Сами дагестанские навершия отличаются от скифских по стилистическим особенностям и характеру изображений, выполненных в реалистической манере.

Наиболее выразительно дагестанско-скифские контакты документируют произведения **декоративно-прикладного искусства**. В стиле скифо-сибирского искусства, например, изготовлена костяная головная булавка из Берикейского могильника с навершием в виде крадущегося хищника кошачьей породы. А вот в колчанном крюке из окрестностей Хасавюрта сочетаются признаки местного стиля искусства (изображение человеческой головы на одном конце) с признаками скифо-сибирского стиля (изображением загнутого клюва хищной птицы на другом конце). Близкими признаками характеризуются бляшки с изображениями животных из Дагестана.

Литая пластинчатая бляшка из Хабадинского могильника передает профильное изображение головы волка с раскрытой пастью, короткими ушами и небольшим глазным овалом с острой слезницей. Оскал зубов с выделенными клыками подчеркнут, пасть обведена прочерченной линией, нанесенной позже и передающей вывернутое положение губ. Такими же линиями увеличено изображение пасти, а на голову нанесены геометрические узоры, по-видимому, передающие гриву льва и тем самым увеличивающие свирепый облик хищника.

В свое время мы отмечали, что среди кавказских древностей часто встречаются изображения хищников с раскрытой пастью, но все они без выделенных зубов и клыков. Тоже самое следует сказать об изображениях хищников Передней Азии, особенно Луристана. Указывалось и на то, что среди археологических материалов савроматского круга встречаются изображения зверей с раскрытой пастью, подчеркнута выделенным оскалом и валиком вокруг губ, что хабадинское изделие изготовлено местными мастерами с расчетом на вкусы и потребности кочевников, но линии, подчеркивающие пасть и ушки, создающие эффект большей свирепости хищника и вывернутых губ, по-видимому, нанесены самим потребителем, который мог принадлежать к савроматскому кругу. В.Б. Виноградов разделяет эту точку зрения и считает бляху весьма своеобразным местным изделием, но, несомненно, навеянным знакомством с савроматскими “волчьими шедеврами” [Виноградов В.Б., 1972. С. 167, 168]. М.М.Маммаев считает, что по стилистическим особенностям хабадинская бляха не находит убедительных аналогий в собственно савроматском “зверином” стиле, хотя для последнего очень характерен мотив волка. Он склонен видеть в нем мотив скифского искусства, переосмысленного и подвергнутого местной переработке [Маммаев М.М., 1977. С.98-100; Табл. I, 1; Он же, 1989.]. Эти выводы нам кажутся малоубедительными. Е.Ф.Чежина, посвятившая специальное исследование художественным особенностям звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху, усматривает близость в образе короткомордых изображений из Нижнего Поволжья и Нижнего Урала и изображения волка хабадинской бляхи, т.е. близость хабадинской и савроматских волчьих изображений [Чежина Е.Ф., 1983. С. 19]. К.Ф. Смирнов писал, что зубы в раскрытых пастьях - это стандарт, прочно утвердившийся к концу VI в. до н.э. в савроматском искусстве при передаче оскаленной пасти хищника. Обычен и валик вокруг пасти. В скифо-сибирском мире, как известно, изображения зверей и их частей носили магическую нагрузку. Мотивы хищных животных и птиц или таких их частей, как раскрытая пасть, когти, глаза, лапа служили не только орнаментальными украшениями оружия и конской сбруи, но также и амулетами, усиливающими боевые качества оружия и коня, как бы придающими особую силу, смелость, быстроту и прочие достоинства воинам и их коням. У савроматов мотивы хищников

особенно связаны с волком и медведем. Изображения волков встречаются и за пределами локализации савроматов. Но здесь они не являются ни основными, ни определяющими. У скифов ведущее положение в искусстве и идеологии занимают другие животные, в частности олени, грифоны и т.д. Да и приведенные М.М. Маммаевым аналогии больше исходят из савромато-сарматской территории. И лишь две находки относятся к собственно скифской территории (бляшка из с. Дуровки и Керчи). Интересно отметить, что из Нижнего Поволжья (из Аксеновского могильника) происходит одна бляшка животного с оскаленной пастью, выделенными зубами и “валиком” вокруг губ, графическим изображением глаза и гривы. Его принимают за льва. Если это так, то внедрение в анималистическое искусство образа волка могло произойти только после знакомства с переднеазиатским миром культуры, где лев занимает значительное место в культуре и хозяйстве. С этим всеянием следует связать появление на волчьем изображении из Хабада орнаментальных элементов, придающих волку львиные черты.

Еще одна пластинчатая литая бронзовая бляшка в виде профильного изображения головы животного происходит из Дагестана - из Аркаского городища “Нах-меэр”. В раскрытой пасти животного петлевидное изображение, передающее то ли язык, то ли зубы. Резными линиями нанесено изображение глаза в виде круга с точкой в центре, раковина уха в виде острого овала, ноздря в виде окружности. Пасть обведена линией, передающей вывернутые губы. М.И. Пикуль рассматривала эту бляшку в качестве головы лошади, М.М. Маммаев - головы хищника (пантеры). Последний справедливо отмечает, что из-за сильной стилизации образ реального животного с трудом поддается определению, но в трактовке глаз, ноздрей, губ и в изображении самой головы ясно проступают черты хищника. Можно было бы согласиться с такими доводами и усмотреть в изображении аркаской пряжки хищника, если бы не одна незначительная деталь - изображения узды на морде. Именно эта деталь наиболее прочно связывает изображение с образом коня. Точные аналогии аркаскому изображению коня не известны. Но М.М. Маммаев справедливо усматривает в его изображении савроматский стиль. В искусстве этих племен среди изображений копытных довольно часто встречаются целые фигурки лошадей или их частей в виде головы, ноги (копыта) и т.д.

Из Урцекского могильника происходит пластинчатая бронзовая бляха в виде профильного изображения крадущегося хищника кошачьей породы с повернутой назад головой. У животного раскрытая пасть без изображения зубов, короткая морда, торчащее округленное к концу ухо, трехпалые лапы и длинный хвост. Одна передняя нога полусогнута и приподнята, другая отставлена назад и к ней подведена задняя нога. Аналогии этой бляхе можно найти среди древностей кургана № 4 группы Пятимары - I, кургана № 43 Суловского могильника. По манерам передачи образа и облику самого хищника урцекское

изображение близко напоминает фигуру барса из прорезной прескутанской бляхи V в. до н.э.

Еще одна интересная бляшка в виде профильного изображения припавшего к земле стилизованного изображения хищника кошачьей породы имеется среди древностей Дагестана. Она представляет собой часть сложной композиции, где, по всей вероятности, животные были переданы в зеркальном отражении. Голова хищника поднята и обращена вперед, пасть обозначена овалом, глаз - кружочком. Ухо подтреугольной формы торчит вверх, хвост приподнят и концом ниспадает вниз. Аналогичные изображения хищников обнаружены в Подонье на различных предметах, в том числе на поясных крюках. Встречены они и на памятниках Северного Кавказа VII - IV вв. до н.э.

Дагестанские материалы позволяют создать представление о внешнем облике скифов.

В горной части Дагестана найдены антропоморфные статуэтки, рассчитанные на скифов и отражающие их идеологические представления. Из Гигатлинского культового места, например, происходит бронзовая статуэтка бородатого воина в полном боевом облачении [Марковин В.И., 1986. С. 74-124]. Он одет в длинный, туго перетянутый поясом кафтан с разрезами по бокам, широкие шаровары, сапоги, на голову надет остроконечный шлем - шишак, из-под которого на затылок ниспадают длинные, прямые волосы. Через левое плечо на левое бедро перекинут портупейный ремень. В левой руке воин держит отсеченную голову, в правой - обнаженный кинжал. На спине у него круглый щит с умбоном в центре. Из - под щита выступает коврик, на поясе - меч - акинак с почковидным перекрестьем и навершием (здесь оно имеет форму полусферического набалдашника. Обычно такие акинаки имели брусковидные навершия), на правом боку - птица. Анализ всех перечисленных компонентов костюма и предметов вооружения позволяет определить время производства фигурки и осмыслить его содержание. Вся одежда воина, его оружие и атрибуты являются скифскими.

Хронологические рамки статуэтки определены второй половиной VII - VI вв. до н.э. [Горелик М.В., 1987. С. 50-53; Давудов О.М., 1987. С. 55-57]. По мнению М.В. Горелика статуэтка представляет собой изображение скифского воина времен ранних скифских походов в Переднюю Азию [Горелик М.В., 1987. С. 53].

Изображения скифов встречаются, прежде всего, на территории Чечни, Ингушетии, Азербайджана и Передней Азии. Все они относятся ко времени ранних скифских походов в Переднюю Азию, имеют конические шлемы - шишаки с ровными нижними краями и острыми вытянутыми навершиями [Ильинская В.А., 1982. С. 38-47; Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983. С. 73-86]. Аналогичные бронзовые шлемы спорадически встречаются как в Закавказье, так и на Северном Кавказе. Один такой шлем происходит из Галиатского могильника Фаскау

[Уварова П.С., 1900. С. 276. Рис. 211], другой - из Верхней Рутхи Северной Осетии [Nagel W. S.144-147], третий - из сел. Приморское в Абхазии [Куфтин Б.А., 1949. С. 140. Табл. X; Пиотровский Б.Б., 1955. С. 26], четвертый - из могильника у дороги Бешташен-Сафархараба [Куфтин Б.А., 1941. С. 68; Табл. XI]. В массовом количестве они встречаются южнее. В одном только Кармир-блуре (Армения) их найдено около 20 [Пиотровский Б.Б., 1959. С. 167]. Встречены они и в других местах Армении [Есаян С.А., 1966. С.99]. Все они датируются VIII - VII вв. до н.э. В начале I тысячелетия до н.э. эти шлемы - шишаки были распространены в Месопотамии, Ассирии, Сирии, Луристане, а позже - в ахеменидском Иране [Горелик М.В., 1982. С. 92-94; Рабинович Б.З., 1941. С. 105]. Б.С. Рабинович считает галиатский шлем-шишак местным по происхождению, но продуктом связи Северного Кавказа с Передней Азией. Все эти закавказские и северокавказские шлемы могут быть генетически возведены к урартским и переднеазиатским, в том числе ассирийским образцам, доживавшим там до конца VII в. до н.э. На Северный Кавказ они могли попасть и благодаря участникам скифских походов в Переднюю Азию. Скифы, как известно, принимали активное участие в военной и политической жизни передневностожно-закавказских государств. В частности в качестве наемников скифы служили в урартской крепости Тейшибанни, а скифский царь Портатуа женился на дочери ассирийского царя Асархаддона [Дьяконов И.М., 1956. С. 242-292; Атамонов М.И., 1974. С. 30]. В это время, очевидно, шлемы - шишаки и стали применяться скифской знатью, рядовые же скифы носили кожаные шлемы.

Переданные на статуэтке воина длинный кафтан с разрезами снизу, широкие и длинные штаны, носимого навыпуск и мягкие сапожки, напоминающие плотные чулки из кожи, были характерны для ранних скифских изображений. Так, на келермесской секире VII в. до н.э., сделанной по мнению В.А. Ильинской, урартскими мастерами, изображен знатный, скифский воин с секирой в руке. Он, как и наш воин, в островерхой шапке, длинном кафтане, в широких навыпуск штанах и в сапогах [Ильинская В.А., 1982. С. 42-43. Рис. 5; Черненко Е.В., 1987. С. 19-30]. На цилиндрической печати VI - V вв. до н.э. изображена битва мидян со скифами. Последние здесь изображены в остроконечных головных уборах, в широких штанах и сапогах [Дьяконов И.М., 1956. С. 289. Рис. 50]. В широких навыпуск штанах переданы скифы на произведениях торевтики, в частности, на золотом сосуде из Солохского кургана IV в. до н.э., на концах гривны Кульобского кургана, на нашитых бляхах и др. изделиях. О шароварах скифов упоминали Антифон (вторая половина II в. н.э.) и Юлий Полидева [VII, 59; Латышев В.В., 1886. С. 590].

Наиболее своеобразной одеждой является длинный кафтан со срезами снизу. В такие же кафтаны одеты знатные скифы, изображенные на чаше из Гаймановой могилы середины - начала второй половины IV в. до н.э. [Бідзіля В.І., 1971. С. 44-56; Бидзіля В.И.,

1977. С. 17-18, Рис. на с. 16 и 17].

На дагестанской статуэтке кафтан перетянут поясом. Такими же поясами охвачены рубахи и куртки скифских воинов. В могилах особенно знатных скифов встречаются пояса, шириной в 5 - 10 см., покрытые пластинами, чешуйками из золота, железа или бронзы. Поясом перетянуто одеяние одной из фигур некторали из Толстой могилы.

На левом боку дагестанской статуэтки, как уже отмечалось, висит акинак с брусковидным навершием и почковидным перекрестьем*, аналогичный образцам, встреченным на херсонском святилище и в окрестностях сел. Согратль. Эти акинаки относятся ко второй половине VII - началу VI в. до н.э. [Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. С. 46; Мелюкова А.И., 1964. С. 47-52]

Другой компонент дагестанской статуэтки - заброшенный за спину круглый щит с умбоном в центре находит аналогии на обширной территории стран Передней Азии, Средиземноморья и Кавказа. Были они характерны и для Урарту [Есаян С.А., 1966. С. 94-96], а также для Ассирии. Встречаются они и на памятниках Северного Причерноморья, в том числе и на скифских памятниках [Сокольский Н.И., 1955. С. 15; Иванова А.П., 1955. С. 116-117. Рис. 15-17; Античные государства Северного Причерноморья. С. 187. Табл. LXXXI. 44, 47, LXXXII, 2, 10, 17; LXXXIII, 5, 25, 33, 34, 38]. Все эти щиты отличаются от щита нашей статуэтки тем, что не имеют ковриков, подвешенных снизу для защиты нижней части тела от стрел. На одном херсонском надгробии IV - I вв. до н.э. изображен щит с таким ковриком [Античные государства Северного Причерноморья. С. 187. Табл. LXXXI. 44; Блаватский В.Д., 1954. С. 76]. Коврики для защиты от стрел характерны для греческих, малоазийских и балканских круглых щитов, во всяком случае со второй четверти VI в. до н.э. [Горелик М.В., 1987. С. 50]. Возможно, что они применялись здесь и раньше. Видимо, с малоазийской территории скифы и заимствовали круглые щиты с подвешенными ковриками.

Еще одна характерная для скифов деталь дагестанской статуэтки - отрубленная голова в руках воина. Образы воинов с отрубленными головами в руках встречаются на пластинке из коллекции Романовича [Ильинская В.А., 1978. С. 94-99] и на колпачках из Курджипского кургана IV в. до н.э. Прикубанья [Галанина Л.К., 1980. С. 45-47, 93. 94, кат. № 51]. На одном бронзовом поясе из погребения VIII - VII вв. до н.э. Тлийского могильника выгравировано изображение всадника с отрубленной головой в руке [Техов Б.В., 1963. С. 73. Рис. 9]. Для объяснения смысла этого изображения Б.В. Теховым приведены слова Геродота о том, что скифский воин головы всех убитых им в бою врагов приносит царю.

* *Навершие рукоятки меча имеет форму плоского цилиндра. Таких наверший особенно для столь характерных форм акинаков не известны. В данном случае такой формой мастер, видимо, передает брусковидную форму. Может быть, он ошибся, а может быть специально изобразил так.*

“Ведь только принесший голову врага получает свою добычу, а иначе нет [Геродат, IV,64]. Мне представляется, что в основе этого обряда лежали более веские причины, чем простое желание получить долю воинских трофеев или чарку вина. На бляшке из Кульобского кургана IV в. до н.э. в Керчи изображена змееногая богиня с кинжалом в одной руке и отрубленной головой в другой [Артамонов М.И., 1961. С. 67. Рис. 10]. Такое же изображение имеется на бляшке из кургана у станицы Ивановской [Анфимов Н.В., 1987. С. 127-129]. М.И. Артамонов связывает это фантастическое существо со змееногой родоначальницей скифов, а отсеченную голову в руках - с головой враждебного небу гиганта, с которым она расправилась при помощи Геракла - Таргитая [Артамонов М.И., 1961. С. 67]. Здесь исследователь имел в виду данные легенды, приведенной Страбоном о том, что “богиня”, когда напали на нее гиганты, позвала Геракла и скрылась с ним в пещере. Потом, принимая одного гиганта за другим, она обманывая передавала их Гераклу для умерщвления” [Страбон, XI, 2, 10]. Такая трактовка образа интересна тем, что эта легенда связывает в единую мифологическую систему родоначальников скифов- змееногую богиню и Геракла-Таргитая, причастных к уничтожению гигантов. Вместе с тем широко распространено представление об отрубленной голове как об элементе женского оргиастического культа, как символа рождения и сосредоточения жизни [Бессонова С.С., 1983. С. 97]. Д.С. Раевский видит в изображении змееногой богини с отрубленной головой в руках авестийскую Ажи - Дахаку с головой распиленного ею пополам Йимы-Тагимасада [Раевский Д.С., 1971. С. 276]. Последнее толкование не объясняет наличие отрубленной головы в руках воина.

Предания и культ отрубленной головы, широко распространенный в индо-иранском мире, был особенно популярен среди скифских племен. У некоторых народов отмечено отрубание голов у убитых врагов. Такой обряд отмечен и у персов в ахеменидское и сасанидское время. Отрубленные головы посвящались богине и вывешивались в престольном храме в Истахре [Страбон, XI, 14, 14].

М.И. Горелик на основании браслета и шейной гривны фигурки воина делает вывод о высоком социальном положении изображенного персонажа [Горелик М.В., 1987. С. 51]. Этот вывод подтверждается всей одеждой, предметами вооружения и атрибутами, прежде всего шлемом, доступным только высшей знати скифов, кафтаном, штанами, а также изображением птицы на правой стороне пояса. Д.С. Раевский считает таких птиц-уток символами и атрибутами Таргитая [1972. С. 67; 1977. С. 59-61]. Если права эта точка зрения, то гигатлинская статуэтка представляет собой изображение скифского родоначальника Таргитая. В пользу этого же предположения говорит и мифологическое объяснение отсеченной головы в руках у Таргитая, а именно головы одного из гигантов, напавших на змееногую скифскую родоначальницу. Интересно и то, что Д.С. Раевский сопоставляет скифские каменные

изваяния с образом Таргитая. Почти для всех изваяний характерны такие основные атрибуты, как пояс, акинак, гривна, какие характерны для дагестанской статуэтки. Таким образом, все приведенные выше аргументы свидетельствуют о том, что гигатлинская статуэтка воина передает образ скифского обоженного родоначальника - Таргитая, одетого в скифскую одежду - широкие штаны, длинный кафтан с разрезами снизу и в мягкие сапоги; подпоясан, носит скифский акинак с прямым брусковидным навершием и почковидным перекрестьем; птицу за поясом, символизирующую сущность Таргитая, а также отсеченную голову, характерную для скифов. На его голове шлем закавказско-ассирийского типа, за спиной - щит греческо-малоазиатского облика. Последние предметы защитного вооружения скифы могли заимствовать в ходе своих ранних походов в Переднюю Азию.

Проведенный анализ одежды, предметов вооружения и атрибутов, особенно акинака, и конического шлема-шишака подтверждает дату, предложенную М.В. Гореликом для статуэтки, в рамках второй половины VII - VI вв. до н.э.

Статуэтка воина происходит из Чечни. Он имеет круглый щит, акинак с брусковидным навершием и таким же перекрестьем, а также сфероконический гребенчатый шлем. Мы выше отмечали широкий хронологический и территориальный диапазон распространения круглых щитов. Гребенчатые шлемы наряду со сфероконическими шишаками были характерны для Урарту и Ассирии [Есаян С.А., 1966. С. 96-98. Табл. XVI, 7-10; Горелик М.В., 1982. С. 92-94; Рабинович Б.З., 1941. С. 127. Рис. 9]. Акинак с брусковидным навершием и таким же перекрестьем встречается на территории распространения скифов, в том числе в Закавказье и на Северном Кавказе в VI - V вв. до н.э. [Виноградов В.Б., 1972. С. 104; Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. С. 47-48] Этим же временем, видимо, датируется и сама статуэтка, известная в литературе как химоевская. Культовый характер этой статуэтки подчеркивает ее ритуальная обнаженность, а также подчеркнута выраженные половые признаки. Скорее всего эта статуэтка передает тот же образ, что и гигатлинская статуэтка из Дагестана, а именно образ скифского родоначальника - Таргитая.

Среди гигатлинок статуэток выделяется фигурка обнаженной женщины, хранящаяся в фондах ДГОИАМ. Она опубликована В.И. Марковиным [1986. С. 90. Рис. 10,9]. На ее голове пятизубчатая корона, из - под которой на спину ниспадает до щиколоток толстая коса с трапециевидной пластинкой на конце. Ее шея украшена гривнами, ноги и руки - браслетами, на талии - пояс. Правая приподнята и выставленная вперед рука как бы протягивает Ритон, а левая держит сосуд. Среди старых находок дагестанских статуэток имеются аналогии этой фигурке. Одна такая статуэтка, известная как "из Дагестана" имеет на голове ободок, на шее - витую гривну и ритон в несколько выставленной вперед правой руке [Декоративное искусство Дагестана.

С. 83. Рис. 2]. Другая статуэтка, доставленная в ГЭ из Дагестана А.К. Сержпутовским, имеет на шее гривну, на голове ободок с продольными перетяжками, из-под которого ниспадают пересекающиеся с гривной волосы, собранные в косу. На обеих руках по - одному браслету, в правой приподнятой и выставленной вперед руке ритон, в левой кувшин со сливным носиком. Третья статуэтка, купленная ГЭ у хубачинца Р. Магомедова, имеет на шее витую гривну, на голове витой ободок и в выставленной вперед правой руке ритон [Zakharov A., 1933. С. 98. Рис. 113 - 114]. Ободки на головах статуэток, гривны и украшения во всех случаях подчеркивают высокое положение женщин, а ритуальная обнаженность - их сакральный характер. Одна статуэтка имеет ритуальный пояс, две - по паре ручных и одна - четыре пары ножных браслетов и пары ручных браслетов. Общими и обязательными для всех статуэток являются ритоны в несколько выставленных вперед руках. Аналогичные статуэтки с теми же атрибутами встречены среди антропоморфных статуэток Айрумского клада в Армении [Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970. С. 161-163. Рис. 3, 1, 4-7]. Правда, по стилю выполнения они несколько отличаются от дагестанских: иные пропорции и иные очертания уборов на головах. Это объясняется разностью традиций производственных центров. Да и ожидать единообразия даже от статуэток одного дагестанского производственного центра не приходится, поскольку эти изделия изготовлены по восточным моделям, ломавшимся после разового использования. Как видно, каждая из этих дагестанских статуэток характеризуется своеобразием. Но для дагестанских и для армянских статуэток характерны ритуальная обнаженность, одни и те же атрибуты, а именно ритон в протянутой руке, короны и украшения.

Образ женщины, подающей рог, характерен для скифо-меотской торовитки и монументальной скульптуры Северного Причерноморья и Прикубанья, начиная со скифского времени до конца I тысячелетия до н.э. Так, близ ст-цы Преградной Краснодарского края найдено монументальное изваяние женщины, высотой около 3 м. Она одета в длинное, ниспадающее широкими складками до пяток платье, прихваченное на талии поясом; на плечи накинут плащ; на голове покрывало, падающее на плечи; в ушах серьги; на шее - многовитковая гривна или ожерелье. В правой, согнутой в локте руке она держит ритон, левая прижата к бедру. П.Н. Шульц и Н.И. Навротский видят в ней изображение верховной меотской богини, тождественной скифской Табити. Они же датируют статую IV - III вв. до н.э. [Шульц П.Н., Навротский Н.И., 1973. С. 197-201. Рис. 4, 1;5] и проводят параллель между прсграднинской статуей и изображением на карагдауашской пластине, где в нижнем фризе восседающая между четырьмя фигурками женщина передает ритон мужчине, сидящему слева [Шульц П.Н., Навротский Н.И., 1973. С. 200]. Скифолги, за исключением А.П. Манцевич, усматривающей в этой сцене заупокойный пир, видят в

композиции ритуальные действия с женским божеством в центре [Анфимов Н.В., 1977. С. 114-115; Бессонова С.С., 1983. С. 107-111. Там же литература].

На оковке ритона из Мерджинского кургана изображена восседающая на "троне" женщина и перед ней - бородастый всадник с ритонном в поднятой руке [Артамонов М.И., 1961. С. 62-64. Рис. 6]. Исследователи видят в этой сцене верховную синдо-меотскую богиню и местного бога-героя [Бессонова С.С., 1983. С. 111; Раевский Д.С., 1977. С. 106]. С этим изображением перекликается изображение на позднескифском чайкинском рельефе в Крыму, где женщина передана перед алтарем, а перед ней - всадник с ритонном в поднятой руке [Попова Е.А., 1974. С. 222, 226-227]. Д.С. Раевский выделил над женской фигуркой прямоугольник, над мужской - круг, интерпретируя первый как символ неба, второй, как символ земного мира. Вся эта композиция воспринимается им как сцена сакрального брака [Раевский Д.С., 1977. С. 105], союза огней - небесного, божественного, воплощенного в женщине и земного, воплощенного в мужчине. Это брак здесь выражается символическим получением героем ритона из рук богини.

На многих нашивных бляшках, выявленных на Кульобском, Чертомлыцком, Первом Мордвинском, Мелитопольском, Верхнем Рогачевском, Носакинском, Огрюзском курганах, изображена восседающая на "троне" (?) женщина с зеркалом в руке и впереди стоящий мужчина, пьющий из ритона [Онайко Н.А., 1976. С. 175. Рис. 9-а, б, в, г]. Все исследователи рассматривают здесь женщину в качестве богини, мужчину - смертного царя или героя. Наиболее выразительно эта идея выражена на пластинке из Сахновки, где в центре многофигурной композиции изображена восседающая на "троне" женщина в пышных одеяниях и перед ней коленопреклоненный бородастый мужчина с ритонном и секирой в руках [Артамонов М.И., 1961. С. 61. Рис. 4; Раевский Д.С., 1977. С. 98-99. Рис. 9; Рыбаков Б.А., 1981. С. 569]. На этой композиции наиболее убедительно запечатлено высокое положение женщины и подчиненное положение мужчины. Утвердилось мнение в том, что основные упомянутые выше композиции, особенно на сахновской пластинке, кульобской и др. пряжках скифского и синдо-меотского искусства, имели культово-мифологическое основание, а женская фигура принадлежит популярному скифскому божеству, по мнению одних исследователей - Табити [Граков Б.Н., 1971. С. 83; Раевский Д.С., 1977. С. 95-109], других - Аргимпасе [Ростовцев М.И., 1913. С. 16; Артамонов М.И., 1961. С. 64-65; Бессонова С.С., 1983. С. 106]. Обе эти богини и богиня земли Али, как полагает М.И. Артамонов, по мере развития и расширения религиозных представлений скифов, выделились из одного древнего женского божества, воплощавшего в себе культ домашнего очага, огня, идею жизни и размножения, божества, покровительствующего стадам, диким и домашним животным [Артамонов М.И., 1961. С. 71]. Эта

древняя богиня, известная под названием "скифская владычица" или "скифская родоначальница", видимо, и изображена на наших статуэтках. Она же изображена и на армянских фигурках. На вышеописанных композициях, изображенных на скифской торевтике, выражается идея приобщения царя или героя к божеству, к божественной власти и покровительству богини через подачи рога с напитком смертному герою [Ростовцев М.И., 1913. С. 6-7, 13-14; Артамонов М.И., 1961. С. 62; Граков Б.Н., 1971. С. 83; Кузьмина Е.Е., 1977. С. 111; Раевский Д.С., 1977. С. 95; Маразов И., 1976. С. 5]. Эту идею подтверждают и изображения ритонов в руках дагестанских и армянских статуэток, как впрочем и у преграднинской статуи. Ритоны часто встречаются и на каменных изваяниях скифов, на различных бытовых и ритуальных изделиях из Северного Причерноморья и Кавказа. Это объясняется мистическим характером самих ритонов, как атрибутов героизированных умерших в скифской среде [Бессонова С.С., 1983. С. 105]. Вместе с тем некоторые исследователи рассматривают ритоны в качестве символа царской власти или символа половой связи. В этом качестве в руках покровительствующей скифам богини он мог обозначать и приобщение к богине.

Таким образом, дагестанские женские статуэтки с ритонами в руках изображали скифскую богиню или скифскую владычицу, подающую ритон для вкушания напитка бессмертия, напитка приобщающего скифов к божеству и власти, к удаче и изобилию. Таков же смысл и армянских статуэток. Видимо, и армянские, и дагестанские статуэтки произведены в местных мастерских специально для скифов, поскольку сами скифы своих богов не изображали [Геродот. IV, 59]. Из этого следует, что дагестанские земледельцы были хорошо знакомы со скифской мифологией и их религиозной символикой.

Все армянские статуэтки с ритонами в руках датируются VI - V вв. до н.э. [Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970. С. 161-163]. Это соответствует времени ранних скифских походов в Закавказье и Переднюю Азию. К этому же времени должны быть отнесены и все дагестанские статуэтки коронованных женщин с ритонами в руках.

Вышеупомянутые статуэтки изображали скифских родоначальников, отражали их идеологию. Но в Дагестане встречены другие статуэтки, отражающие сложные события, происходившие на Кавказе и Передней Азии. Это статуэтки мужчин и женщин, переданных в позу адорации. Их к настоящему времени известно около 400 экз. Они происходят из высокогорных культовых мест (Инхоквари, Чалыхо, Кидилашан), найдены около селений Кимятли, Асахо, Килеро, Китური, у крепости Кодори и т.д. Одни из них более реалистичны, другие схематичны. При этом их половые признаки достаточно выразительны. По характерным позам статуэтки делятся на три группы: для первой группы характерны руки, уложенные на животе, в области пояса (сертообразные); для второй - руки, поднятые вверх, к голове, ладонями

вперед и большими пальцами, прижатыми к вискам или к головному убору (у наиболее схематизированных фигурок эти признаки особенно четко выражены и подчеркнуты); для третьей - руки, поднятые вверх, ладонями вперед, чуть отведены в стороны от головы. Такая классификация была предложена И.В. Мегрелидзе для статуэток, собранных им с горы Кидилашан (Ретло).

Хронология этих статуэток необычна. Наиболее ранние из них относятся к скифскому времени, наиболее поздние - к средневековью. Если верны сведения, поступившие из разных мест Дагестана об условиях находок этих статуэток, то они, став частью местной материальной и духовной культуры, бытуют здесь до распространения мусульманства. В Западном Дагестане, в Цунтинском районе ислам окончательно стал господствующим только в XVIII в. На Каратинском могильнике в "разрушенной могиле" найдены статуэтки всех трех групп и одна бронзовая ложечка с утолщением в виде куба со срезанными углами на конце ручки. Последняя находка надежно датируется ранним средневековьем. К этому времени или еще более позднему времени могут быть отнесены наиболее схематично изготовленные фигурки. Вместе с тем на Каратинском могильнике встречены довольно выразительные архаичные комплексы, которые относятся к скифскому времени.

На архаичности даты наших статуэток указывают аналогии из сопредельных территорий. Среди материалов кобанской культуры, в комплексах первой половины I тысячелетия до н.э. найдены статуэтки дагестанского типа. Одна из них относится к фертообразным. Другая статуэтка, найденная на Комунтском могильнике, имеет поднятые вверх руки, большие пальцы которых прижаты к голове, на Кобанском - поднятые вверх и чуть отведенные в стороны руки. В.И. Марковин приводит сведения о двух статуэтках с руками, поднятыми вверх к голове и трех фертообразных статуэтках, встреченных в Передней Азии. Одна из них происходит из Хурвина и изображает мужчину с четко выраженными половыми признаками, датируется IX - VIII вв. до н.э., другая - из Луристана, изображает женщину. Фертообразные статуэтки изображают обнаженных женщин. Одна из них происходит из Хорозтепе в Малой Азии, близ Анкары и датируется 2000 г. до н.э., другая из ахеменидского Ирана VI - V вв. до н.э. К ним надо добавить ряд находок. Одна статуэтка обнаженной женщины с четко выраженными половыми признаками имеется среди древностей конца II тыс. до н.э. Луристана. Ее руки подняты к голове и чуть отведены в стороны. Подобные фигурки характерны для марликой цивилизации.

Среди находок некрополя "В" Сиалка встречены бронзовые фертообразные статуэтки, в том числе в могилах № 7 и 71, относящихся к VIII - началу VII в. до н.э.

Таким образом, статуэтки Предней Азии, выполненные в фертообразной позе или с руками поднятыми к голове, относятся к

концу II - первой половине I тыс. до н.э., северокавказские - к первой половине I тыс. до н.э., а в Дагестане - к средневековью. Для ранней датировки этих статуэток интересен бронзовый браслет, найденный в окрестностях сел. Хушет Цумадинского района. Он имеет пластинчатую форму, суженные разомкнутые концы и ажурную поверхность, украшенную сложной композицией геральдически расположенных животных и людей. Обрамление изделия образуют соединенные между собой концами рога двух стилизованных животных, расположенных на концах браслета. Внутри обрамления помещены зеркально расположенные изображения голов горных козлов или туров с человеческими фигурками между рогами. Человеческие фигурки переданы так же, как наши статуэтки второй группы, а именно с поднятыми вверх, к голове, руками. Ладони с растопыренными пальцами их обращены вперед и большими пальцами прижаты к вискам.

Изображения фигур божеств на головах животных характерны для памятников кобанской культуры. Так, скульптурные изображения голов оленей из Кобанского и Кумбултского могильников переданы с фигурками людей, ухватившихся руками за длинные уши или за ветвистые рога. Пряжку из Кобанского могильника В. В. Кривицкий датирует концом II - началом I тыс. до н.э., а Я.В. Доманский - первой половиной I тыс. до н.э.

Дагестанский браслет типологически близок к пластинчатым кобанским бронзовым браслетам с зооморфными концами (VI тип по классификации В. И. Козенковой) из памятников Чечни. В.И. Козенкова датирует их временем "не позднее VIII вв. до н.э. и раньше", В.Б. Виноградов - VIII - VII вв. до н.э. Приблизительно к этому же времени, а именно к первой половине VII в. до н.э. может быть отнесен и наш браслет. Это определяет время наиболее раннего бытования в Дагестане статуэток, выполненных в позе адорации.

Интересно то, что на хушетском браслете адоранты изображены на головах животных. Это говорит об их связи с животными. При этом надо оговориться, что в Дагестане среди раннеземледельческих наскальных изображений Харитани I в позе адорации переданы женские фигурки, одетые в клетчатые юбки. Эти изображения проанализированы В.М. Когович, которая подобрала им аналогии с обширной территории от Балкан и Подунавья до Средней Азии. Среди них обращает на себя внимание глиняные женские фигурки из Каранова и Винчи (Болгария), Тиссафред (Венгрия) и рисунок на халафской керамике. Интересны и изображения на керамике из памятников Грузии V - IV тыс. до н.э. Женские изображения в позе адорации с поднятыми вверх руками встречаются на той же территории и позже. Среди предметов Астарабадского клада конца III тыс. до н.э. и на пластинке из слоновой кости XIV в. до н.э. изображена полуобнаженная богиня плодородия в пышных юбках, украшенных геометрическими

узорами. В клетчатых юбках или клетчатых передниках изображены статуэтки начала XVI в. до н.э. из Кносского дворца.

Позы адорации этих женских фигур многими исследователями рассматриваются в качестве устойчивых признаков иконографии богини плодородия. Армянские адоранты эпохи поздней бронзы сильно стилизованы и представляют собой три ответвления от одного стержня-основания, украшенные растительным орнаментом. Они передают богиню плодородия с руками поднятыми вверх, к голове. В этом изображении символически выражена идея божества, связанного с растительным миром. С ним же связаны фертообразные женские фигурки, происходящие из памятников халафской культуры VI - V тыс. до н.э., слоев IV тыс. до н.э. Тали-Бакун Ирана, могил III тыс. до н.э. Кикладских островов из Средиземноморского бассейна. Их значительно больше, чем мы здесь приводим и встречаются в более позднее время. Однако, в осмыслении и характере этих божеств во времени и пространстве происходит перемещение акцентов. В одних местах они выступают покровителями земледелия, в других - животных. Именно с последними связаны наши изображения и круг аналогий, приводимых нами из районов Кавказа и Передней Азии. На знаменитом келермесском зеркале конца VII - VI вв. до н.э. в геральдической композиции изображена крылатая богиня в пышных восточных одеяниях со львами по сторонам, схваченными ею за задние ноги. По мнению М.И. Максимовой, здесь изображена малоазийская богиня, владычица зверей - Кибела. Точно такое же изображение встречено на вотивной булавке из Луристана. Только здесь вместо женской фигурки изображена четырехкрылая мужская фигурка с пышной бородой и вместо львов по сторонам - пантеры и грифон. Одеяния фигурки, ее центральное положение и поза такое же, что и у женского изображения из келермесского зеркала. Бородатые и крылатые мужские божества в пышных одеяниях со львами по сторонам изображены на архитектурных деталях V-IV вв. до н.э. Греции.

Большой интерес представляют для нас луристанские вотивные навершия. На одном из них изображена человеческая фигурка со свирепыми хищниками в поднятых вверх руках. Они схвачены им за передние лапы. На другом таком же навершии VIII - VII вв. до н.э. из коллекции ГЭ в центре двух противостоящих хищников изображен человек с руками на поясе - фертом.

На одном луристанском псалии изображен рогатый человек в длинном подпоясанном кафтане, держащий в поднятых руках за передние лапы вертикально висящих по сторонам хищников. На другом луристанском псалии VII в. до н.э. передана геральдическая композиция двух противостоящих муфлонов, каждая из которых имеет на спине по - одному рогатому человеку, переданному в фас с поднятыми вверх руками.

На всех этих изображениях человек передан в тесной связи с

животным. Для его иконографии характерны руки, поднятые вверх, к голове или руки, положенные на пояс (фертообразные). Различные изображения женских и мужских фигур, переданных в этой позе появляются в Северном Причерноморье в конце VII - VI вв. до н.э. Мы выше уже говорили об изображении владычицы зверей на келермесском зеркале. Этот же образ встречается и на других предметах. Из Александропольского кургана IV в. до н.э. происходят два близких друг к другу изображения крылатого женского божества со зверями по сторонам. Одна из них на культовом навершии, другая - на декоративной бляхе. У обоих изображений подчеркнута выражены женские груди и одеяния - особенно расклешенные юбки и плоские головные уборы - калафы. У божества с навершия на шее изображена гривна, на запястьях рук - браслеты, подчеркивающие его высокое положение. Руки у фигурки с навершия покоятся на животе, а у фигурки с бляхи - подняты вверх и сливаются с головами животных, расположенных по сторонам. М.И. Артамонов приписывает изображение на бляхе Кибеле, а на навершии - змееной богине. С.С. Бессонова считает оба изображениями одного и того же божества - Кибелы. Видимо, она права. М.И. Артамонов аргументировал свое предположение указанием на наличие в основании изображения расширения, передающего с его точки зрения, змееногие завитушки. Между тем в этом "расширении" отчетливо различаются расклешенная юбка и схематично переданные фигурки животных, расположенных по сторонам. Оба изображения настолько близки, что имеют схожие одежды. В таком же одеянии изображены божества на золотых подвесках из скифских курганов IV в. до н.э. (Толстой могилы, Мастюгинского, Любимовки). Их руки, обращенные ладонями вперед и прижатые большими пальцами к головному убору, подняты вверх.

Встречены в Прикубанье в составе геральдических композиций и мужские изображения. Так, на келермесском ритоне и на золотой пластинке из кургана Шахан изображены бородатые боги в пышных восточных одеяниях в позе "коленипреклоненного бога", держащего за лапы ушастого грифона. Наконец, следует упомянуть еще об одной находке - маленькой деревянной статуэтке в образе женщины с расклешенной юбкой и плоским головным убором - калафом и гривнами на шее из помещения ДТ - 5 в Дельверзинтепе. Она относится к I - II ав. н.э. Эта фигурка, как и крылатая богиня с навершия Александропольского кургана, держит руки на животе.

В свете всего сказанного наши статуэтки близки, к вышеприведенным композициям божеств, женская ипостась которого связана с богиней, носящий разные имена: Кибела, Кивева, Диндилена, Идейская мать, Великая мать богов и т.д. Она олицетворяет мать-природу, мать всего живущего на земле, возрождающую природу и дарующее плодородие. Об этом говорят и сами наши фертообразные фигурки, одна из которых передана с плодом в чреве, другая - в момент родов.

Она также владычица гор, лесов и зверей. Мужская ипостась этого божества, изображения которого популярны в Передней Азии в конце II тыс. до н.э., выполняет, очевидно, те же функции владетеля гор и лесов, погоды, зверей и охоты, что и женское божество. Природу этих божеств четче рисуют кавказские фольклорные материалы, которые изображают покровителей охоты, владык гор и зверей в образе мужчин и женщин, юношей и старцев. Они невидимы и с ними общаются только избранные. Со многими культовыми местами высокогорий, где встречаются статуэтки-адоранты, связаны легенды о горных духах, святых, известных у аварцев под именем “Будуалы”, у цахур - “Абдал”, у лакцев - “Авдал”. М.Р. Халидова высказала предположение о функциях “Будуалов” в качестве покровителей зверей, божеств охоты и погоды. Их название “Буду-ал” или “Буадал-ал” (ал-формант мн. числа в аварском языке) представляется ей модификацией арабского слова “Бадал” - во мн. числе “Абдал”*. Эти арабские названия в Дагестан могли проникнуть лишь вместе с мусульманской религией, окончательное распространение которой относится к XIV в. н.э., а в наиболее западных районах - даже к XVIII в. Следовательно, домусульманские названия божества охоты забыты или вытравлены из памяти народа. У многих других народов Кавказа это божество носило имя: мужское божество - Авсату, Очокочи или Очопинтра, Жина Антари, женское божество - Ткаша - мапа, но преимущественно - Дали, Дела или Дейла. У аварцев сохранился бессловесный песенный напев - “дала-й”, “дала-й”, видимо, связанный с божеством, почитавшимся в прошлом как божество охоты. Это божество у арчинцев называется “hal”.

Божества или покровители охоты, по дагестанским охотничьим представлениям, живут высоко, на священных горных высотах,

---

* абдал, будала⁴ - один из представителей сложной иерархии святых в исламе - *вали* (мн.ч. *аулийа*⁴). Общее число таких святых составляет, как правило, 356, иногда - 500. Во главе иерархии стоит “верховный” *Вали* - “величайший заступник”, за ним следуют два “предводителя”, у других - 4, 5 или 7 “опор” (*аутад*). Далее идут семеро “лучших” (*ахйар*), либо 40 (реже 7) “заместителей” (*абдал, будала*⁴), за ними 12, 70 и т.д. “*вождей*” (*нукаба*⁴), затем - 8, 70, 300 и т.д. “*благородных*” (*нуджаба*) и далее до конца иерархии.

Каждый член иерархии исполняет определенные обязанности: Абдал, например, управляет делами семи климатов земли. Особое распространение учение о вали получило в суфии. В народном исламе авлия почитались как чудотворцы, носители “божественной благодати” (барака). Потеряли различия ремесел, заступники (Кныш А.Д. Вали // Ислам. Энциклопедический словарь. - М., Наука, 1991. С. 45 - 46). С распространением ислама в Дагестане, функции божества охоты здесь, видимо, стали приписывать мусульманским святым “абдал, будала”.

где среди скал стоят их дома. В этих домах укрываются стада животных, подвластных божеству охоты. Сами эти божества бывают в окружении туров, заботятся о них, кормят их солью, доят, делают сыр из турьего молока. Они защищают зверей от истребления охотниками, за нарушение охотничьих законов обрекают охотников на смерть. Вместе с тем “Будуалы” помогают людям, попавшим в беду при разгневнейшей стихии. Цахурское божество “Абдал” даже поит козьим молоком такого охотника, оказавшегося в горах во время пурги и снежных завалов. Аналогичный мотив популярен для грузинской охотничьей поэзии. На Кавказе широко распространен мотив о получении охотником раз съеденного Владыками гор и им самим зверя. Аварские “Будуалы”, как и хозяйка зверей грузинской охотничьей поэзии, обладают властью над погодой.

Очень интересные сведения дают грузинские сказания о внешнем облике богини охоты. По одним представлениям, это молодая, красивая женщина с длинными распущенными волосами и ослепительно белым телом, по другим - с двумя золотыми косами. В этой связи интересно вспомнить, что одна из наших статуэток передает образ женщины с подчеркнуто выраженными половыми признаками, а также двумя косами, ниспадающими с затылка на спину, ее шея украшена двумя гривнами, запястья рук - двумя парами браслетов.

На Кавказе широко распространен мотив избранничества хозяев зверей. Аварские “Будуалы”, например, насильно оставляют у себя охотника и женят его на женщине “Будуал”. По возвращению от божественной супруги охотник умирает и оплакивать его приходит дочь от брака с “будуалкой”. По грузинским преданиям оплакивать возлюбленного охотника приходит сама богиня охоты и зверей - Дали,

Таким образом, божество охоты и зверей, горных вершин и лесов, повелители погоды на Кавказе, в том числе и в Дагестане предстает в мужской и женской ипостаси. Их, как я выше пытался обосновать, и изображают наши статуэтки мужчин и женщин, переданных в фертообразной позе или с руками, поднятыми вверх к голове. Их возникновение в восприятии как божеств охоты и владык зверей в Дагестане связано с появлением в юго-восточной Европе, в том числе в Северном Причерноморье, культурных явлений, обусловленных походами ираноязычных кочевников - киммерийцев и скифов в Переднюю Азию. С этими событиями, видимо, связано появление на Северном Кавказе и луристанских древностей.

Со скифами связываются изображения на скалах, близ сел. Верхнее Лабкомахи в горном Дагестане. Здесь среди других разновременных гравированных рисунков имеются изображения оленей и других животных, в том числе хищников из семейства кошачьих, выполненных в типичном скифском “зверинном стиле”. Другая группа изображений находится в Приморской части Дагестана, на западе хребта Наратюбе, близ Махачкалы. Группа гравированных здесь рисунков относится к VI

- V вв. до н.э. и свидетельствует о влиянии скифского искусства на искусство местных оседлых земледельцев.

Следовательно, имеющиеся в нашем распоряжении материалы могут служить достаточным основанием для вывода не только о прохождении скифов в Переднюю Азию и Закавказье через Дербентский проход, но и об их длительных контактах с местным дагестанским населением. В сочинении грузинского летописца Л. Мровели приводится рассказ о войне скифов с местными кавказскими племенами, в частности, с предками современных дагестанцев - леками. Этот рассказ проливает свет на характер взаимоотношений скифов и леков. По этому рассказу скифы начали войну с племенами леков и кавкасов. Совместными усилиями всех родственных племен Кавказа пределы Скифии были покорены и, воздвигнув на ее подступах города, кавказцы возвратились. Скифы же избрали себе нового царя, перегруппировались и взяли реванш. Они освоили "Морские ворота Дарубанди" и "ворота Арагвские, которые суть Дарьяла", полонили Кавказ. Стали частыми походы скифов, увод людей в плен и не в силах оказались Таргомосиане (предки современных кавказских народов - *О.Д.*) противостоять скифам. Скифский царь распределил завоеванную территорию Кавказа между своими родственниками и сподвижниками. Земли Дагестана (удел Лекана -этнического предка народов Дагестана - *О. Д.*) от Каспийского моря до реки Ломеки (Терека - *О.Д.*) достались "двоюродному брату" скифского царя. Этот рассказ в "Картлис цховреба" попал из какого-то древнего, неизвестного нам древнегрузинского источника. Интересно указать и на то, что в нарт-орстхойском эпосе имеются указания на борьбу носителей упомянутого эпоса со скифами и сарматами.

Если учесть, что под понятием родства этнархов Л. Мровели подразумевал родство этнических групп, то скифский царь, видимо, "подарил" завоеванную территорию леков каким - то родственными племенам. Нами ранее было высказано предположение, что эти родственные племена могли быть савроматами. В пользу этого предположения как - будто бы свидетельствуют погребальное сооружение V в. до н.э. Хабдинского могильника, зооморфные бляхи, изготовленные в скифском "зверином стиле" с расчетом на савроматского потребителя из Аркаского городища "Нах - меэр" и др.

Последний памятник хорошо связывается со степным миром. Языковед К.Ш. Микаилов выделил в бассейне среднего течения реки Шура - озень, к западу от г. Буйнакск, топоним, связанный со скифами. К таким относится название Ишкарты-Ишкатылы, якобы образованный от Ишкузы. Поблизости от этого района расположено Аркаское городище "Нах-меэр", где встречены все элементы скифской триады. Это городище выделяется и по характеру оборонительных сооружений. Для дагестанских городищ эпохи раннего железа характерны оборонительные сооружения, воздвигнутые из камня -

каменные стены. На Аркаском городище встречены две линии земляных валов, покрытых сверху каменным панцирем. Видимо, городище оставлено кочевыми племенами, каковыми в это время были скифо - савроматские кочевники.

Возможно, с ними связано и Хосрехское святилище, изученное нами в высокогорном Дагестане. И на них рассчитаны, во всяком случае на раннем этапе производства, антропоморфные статуэтки, изготовленные местными мастерами из Западного Дагестана.

Влияние скифов на материальную культуру местного населения продолжалось недолго. Очевидно, вскоре скифо - савроматские кочевники были вытеснены из Дагестана. В полне справедлив известный археолог и историк М.И. Ростовцев, писавший: "Хотя северокавказские племена и находились под властью скифов, но они пользовались, однако, далеко идущей самостоятельностью, которая все более усиливалась ...они уже долгое время имели стабильный оседлый образ жизни, находились в постоянных торговых отношениях с южными и восточными соседями и жили при относительно развитых хозяйственных условиях, как земледельцы, скотоводы, рыболовы." Эти выводы в значительной степени подтверждают дагестанские археологические материалы VII - IV вв. до н.э.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о контактах между различными ираноязычными кочевниками и их близкородственными племенами, принимавшими участие в походах в Переднюю Азию, с одной стороны, и оседлыми земледельцами древнего Дагестана, с другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.П., 1969* - Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время // МИА. № 169.
- Античные государства, 1984* - Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука.
- Анфимов Н.В., 1961* — Протомеотский могильник с. Николаево. // Сб. материалов по археологии Адыгеи. — Майкоп, 1961. Т. II.
- Анфимов Н. В. , 1977* - Религиозные верования у меотов // Сб. трудов по археологии Адыгеи. Майкоп.
- Анфимов Н.В., 1987* - Древнее золото Кубани. Краснодар.
- Барцева Т.Б., 1985* — Химический состав наконечников копий Северного Кавказа VIII-VII вв. до н.э. // КСИА. М.: Наука. Вып. 184.
- Артамонов М.И., 1961* - Антропоморфные божества в религии скифов // АС. Л. Вып. 2.
- Артамонов М.И., 1974* - Киммерийцы и скифы: от появления на исторической арене до конца IV в. до н.э. Л.: Изд. ЛГУ.
- Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионне Г.И., 1959* - Древний Мингечаур.

- Эпоха энеолита и бронзы. Баку, 1959.
- Атаев Д.М., 1970* - Могильник в местности Чампар у города Махачкалы. // Уч. записки Института ИЯЛ ДагФАН СССР. Сер. обществ. наук. - Махачкала. Т. XX.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986* - Культуры эпохи бронзы на территории Украиныю Киев: Наукова думка.
- Бессонова С.С., 1983* - Религиозные представления скифов. Киев.
- Бідзіля В.І., 1971* - Дослідження Гайманової могили // Археологія. Киев. № 1.
- Бідзіля В.И., 1977* - Сокровища Гаймановой могилы. // Курьер ЮНЕСКО.
- Блатский В.Д., 1954* - Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд. АН СССР.
- Бредэ К.А., 1959* - Новые поселения на Сулаке. // Тез. Докл. на научной сессии Института истории, языка и литературы Дагфиллиала АН СССР, посв. археологии Дагестана. Махачкала.
- Брентьес Б., 1976* - От Шанидара до Аккада. М.
- Виноградов В.Б., 1972* — Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. (VII-IV в. до н.э.).—Грозный.
- Виноградов В.Б., 1977* - Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы атеизма. Грозный.
- Виноградов В.Б., 1979* - Зооморфные "превращения" в искусстве древних горцев // Природа. № 2.
- Виноградов В.Б., Межидов Д.Д., Успаев Г.И., 1981* - Религиозные верования в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Виноградова Н.А., 1973* — Иконографические каноны японской космогонической картины вселенной – мандала // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. — М.
- Воронина В.Л., 1960* - Доисламские культовые сооружения Средней Азии. // СА. № 2.
- Вирсаладзе Е.Б., 1969* - Нартский эпос и охотничьи сказания в Грузии // Сказания о нартах - эпос народов Кавказа. М.
- Вирсаладзе Е.Б., 1976* - Грузинский охотничий миф и поэзия. М.
- Галанина Л.К., 1980* - Курджипский курган. Л.
- Горелик М.В., 1982* - Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени. // ВДИ. № 3. С. 90-105.
- Горелик М.В., 1987* - Раннее скульптурное изображение скифского воина. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Кировоград. Ч. I. С. 50-53.
- Граков Б.Н., 1971*—Скифы. Научно-популярный очерк. — М.: Изд. МГУ.
- Грязнов М.П., 1977* - Бык в обрядах и культах древних скотоводов. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.
- Давудов О.М., 1974* – Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала.
- Давудов О.М., 1980* - Хосрехское святилище. // Скифо – Сибирское культурно – историческое единство: материалы Всесоюз. археол. конф. Кемерово.
- Давудов О.М., 1983* - Святилище у высокогорного селения Хосрех. // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала.
- Давудов О.М., 1985* — Поселение Ачи-су // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.
- Давудов О.М., 1987* - О контактах населения древнего Дагестана с киммерийцами и скифами. // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов Всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Кировоград. Ч. I. С. 55-57.
- Декоративное искусство Дагестана, 1971* - Декоративное искусство Дагестана. М.
- Дирр А., 1915* - Божество охоты и охотничий язык у кавказских горцев // СМОМПК. Т. 44. Отд. IV.
- Дмитриева Н.А., Виноградова Н.А., 1989* - Искусство Древнего мира. М.
- Даманский Я.В., 1984* - Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.
- Древнейшие государства, 1985* - Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М.: Наука.
- Дьяконов И.М., 1956* - История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.-Л.: Изд. АН СССР.
- Дьяконов М.М., 1961* - Очерки истории древнего Ирана. М.
- Дьяконов И.М., 1981* - К методике исследований по этнической истории ("киммерийцы"). // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. (II тысячелетие до н.э.) М.: Наука
- Есаян С.А., 1966* - Оружие и военное дело древней Армении: (III - I тысячелетие до н.э.). Ереван: Изд. АН АрмССР.
- Есаян С.А., 1980* - Скульптура древней Армении. Ереван.
- Есаян С.А., Мнацаканян А.О., 1970* - Находки новых бронзовых статуэток в Армении // СА. № 2.
- Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985* - Скифские памятники Закавказья. М.: Наука.
- Иванова А.П., 1955* - Художественные изделия из дерева и кости. / Англичные города Северного Причерноморья. М.-Л.
- Иессен А.А., 1935* - Работы на Сулаке // Известия ГАИМК. Вып. 110.
- Ильинская В.А., 1962*—Скифское навершие из окрестностей Чернигова // КСИА. Киев. 12.
- Иллійська В.А., 1963*—Про скіфські навершники // Архсологія. Киев. Т. XV.
- Ильинская В.А., 1968*— Скифы днепровского лесостепного

Левобережья: (Курганы Посулья). Киев: Наукова думка.

Ильинская В.А., 1978 - Золотая пластина с изображением скифов из коллекции Романовича // СА. № 3.

Ильинская В.А., 1982 - Изображения скифов времени переднеазиатских походов // Древности степей Скифии. Киев: Наукова думка.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И., 1983 - Скифия VII - IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка.

Исаков М.И., 1966 - Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археол. карте). Махачкала.

Карасов А.Н., 1953 - Архитектура. // АПСП. М.-Л.

Каталог археологических материалов ГМИ, 1955 - Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии. Тбилиси. Т. II (1904-1920).

Козенкова В. И., 1982 - Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // Археология СССР. САИ. В 2-5. М.

Комаров А.В., 1884 - Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 год // Известия КОИА. Тифлис. Т. I. Вып. 2. С. 37-42.

Котович В.Г., 1978 - О происхождении "кабардино-пятигорских" или "киммерийских" биметаллических кнжалов и мечей // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.

Котович В.Г., 1982 - Проблемы культурно - исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука.

Котошч В.М., 1976 - Древнейшие писаницы Горного Дагестана. М.

Котович В.М., 1986 - Антропоморфные образы в древних наскальных рисунках горного Дагестана // *Studia praehistorica*/ София.

Кошеленко Г.А., 1966 - Культура Парфии. М.

Кошеленко Г.А., Пилипко В.Н., 1968 - Исследования парфянского святилища в окрестностях Нисы. // КД. Вып. 2.

Кривицкий В.В., 1980 - Некоторые произведения кобанской металлопластики из собрания Государственного Эрмитажа и Государственного исторического музея // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе.

Кошеленко Г.А., 1966 - Культура Парфии. М.

Кошеленко Г.А., Пилипко В.Н., 1968 - Исследования парфянского святилища в окрестностях Нисы. // КД. Вып. 2.

Кривцова - Гракова В.И., 1955 - Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. // МИА. № 46.

Круглов А.П., 1946 - Культовые места горного Дагестана // КСИИМК. XII

Круглов А.П., 1946а - Северо - Восточный Кавказ во II - I тысячелетии до н.э. (Гезисы канд. диссертации). // КСИИМК. XIII.

Круглов А.П., 1958 - Северо - Восточный Кавказ во II - I тысячелетиях до н.э. // МИА. М. № 68.

Кузьмина Е.Е., 1973 - Навершие со всадниками из Дагестана //

СА, № 2.

Кузьмина Е.Е., 1977 - Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.

Куфтин Б.А., 1941 - Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников. Тбилиси. I.

Куфтин Б.А., 1949 - Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси. Т. I.

Кушнарева К.Х., 1977 - Древнейшие памятники Двина. Ереван.

Лаппо-Данилевский А.С., 1887 — Скифские древности. — СПб.

Латышев В.В., 1886 - Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб, 1890.

Лелеков Л.А., 1976 - Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н.э. // ИКНСА.

Либеров П.Д., 1954—Хронология памятников Поднепровья скифского времени // ВССА. М.: Изд АН СССР. С. 157;

Либеров П.Д., 1965— Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М.: Наука. Вып. Д1-31. С. 31; Табл. 23, 28;

Ломтатидзе Г.А., 1955—Археологические раскопки в Мцхета.—Тбилиси.

Лордкипанидзе Г.А., 1977 - Алтари Ванского городища (Западная Грузия) // История и культура античного мира. М.: Наука.

Лордкипанидзе О.Д., 1978 - Город-храм Колхиды (История археол. Ракопок в Вани). — М.: Наука.

Лесков А., 1972 - Новые сокровища курганов Украины. Л.

Лисицян Ст., 1936 - "Святыни" у перевалов // СЭ. № 4-5.

Луконин В. Г., 1977 - Искусство древнего Ирана. М.

Магомедов Д.М., 1998 - Древние религиозные воззрения дндоишев (цезов) // *Cahiers du Monde russe et sovietique*. XXIX.

Майсурадзе В.Г., Панцхава Л.В., 1964 - Святилище Шилда. Тбилиси.

МАК VI – Материалы по археологии Кавказа. М., 1911.

Максимова М. И., 1954 - Серебряное зеркало из Келермеса // СА. Вып. 21.

Маммаев М.М., 1977—Элементы скифо-сибирского "звериного стиля" в декоративно-прикладном искусстве Дагестана эпохи раннего железа // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. —Махачкала, 1977.

Маммаев М.М., 1989—Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление.— Махачкала: Дагкнигоиздат.

Манцевич А.П., 1973 - Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АС. Л. Вып. 15.

Манцевич А.П., 1964 - О пластине из кургана Карагодеуашх: (К толкованию сюжета). ГЭ. Л. Вып. 6.

Маразов И., 1976 - Хиерограмма от летница // Археология. София. Кн. 4.

Марковин В.И., 1976 - Рец. на кн.: Давудов О.М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. 189 с. // СА. № 3. С. 345-348.

Марковин В.И., 1986 - Культовая пластика Кавказа. // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука.

Мартirosян А.А., 1964. - Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.

Массон В.М., 1964 - Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.

Махортых С.В., Скорый С.А., 1986 - Мечи и кинжалы скифского времени без наверший. // Археология. Киев: Наукова думка.

Мегрелидзе И.В., 1951 - Археологические находки в Дидо // СА. XV.

Мелюкова А.И., 1958—Памятники скифского времени лесостепного среднего Поднепровья // МИА. М.: Наука. № 64.

Мелюкова А.И., 1964—Вооружение скифов // Археология СССР. САИ. — М.: Наука. Вып. Д 1-4;

Мнацаканян А.О., 1954. С. 104; Рис. 41;

Мозолевский Б. Н., 1972 - Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине: (предвар. публ.) // СА. № 3.

Мужухоев М.Б., 1981 - Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный.

Муриан И.Ф., 1973 - Канон в художественной системе Боробудура // Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. — М.

ОАК 1913-1915 - Отчет археологической комиссии за 1913-1915 гг. Пг., 1918.

Онайко Н.А., 1976 - Антропоморфные изображения в меотско-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. М.

Петренко В.Г., 1967—Правобережье среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. // М.: Наука.

Петренко В.Г., 1983 - Скифская культура на Северном Кавказе. / Археологический сборник. Л.: Искусство, № 23.

Пикуль М.И., 1967— Эпоха раннего железа в Дагестане.— Махачкала, 1967.

Пиотровский Б.Б., 1959 - Ванское царство (Урарту). М.: Изд. восточной лит.

Пиотровский Б.Б., 1966 - Кармир-блур. III. Ереван.

Пицхелаури К.Н., 1979 - Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси.

Погребова М.Н., 1977 - Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.

Попова Е.А., 1974 - Рельеф с городища "Чайка" // СА. № 4.

Пугаченкова Г.А., 1978 - К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы. // Тр. ЮТАКЭ. Т. XVI.

Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе З.В. и др., 1978 - Дальверзинтепе-кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент.

Рабинович Б.З., 1941 - Шлемы скифского периода. // ТОИПК. Л. Т. I.

Раевский Д.С., 1971 - Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана. М.

Раевский Д.С., 1972 - О семантике одного из образов скифского искусства // Новое в археологии. М.

Раевский Д.С., 1977 - Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Ростовцев М.И., 1913 - Представление о монархической власти в Скифия и на Боспоре // ИАК. Спб.

Рыбаков Б.А., 1981 - Язычество древних славян. М.

Самоквасов Д.Я., 1882—Основные хронологические классификации и каталог коллекций древностей. Варшава.

Сидорова Н.А., 1972 - Искусство эгейского мира. М.

Смирнов К.Ф., 1961—Вооружение савроматов // МИА. М.: Наука. № 101.

Соколов Г.И., 1972 - Дельфы. М.

Соколовский Н.И., 1955 - О боспорских щитах. // КСИИМК. № 58.

Тереножкин А.И., 1971 — Дата мингечаурских удил. // СА. № 4.

Тереножкин А.И., 1971a - Киммерийцы и Кавказ. ТД СГИПАИ 1970. Тбилиси.

Тереножкин А.И., 1976 - Киммерийцы. Киев: Наукова думка.

Техов Б.В., 1963 - Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. // СА. № 1.

Техов Б.В., 1980— Скифы и Центральный Кавказ в VII-VI вв. до н.э.: (по материалам Тлийского могильника). — М.: Наука;

Толстов С.П., 1962 - По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Уварова П.С., 1900 - Могильники Северного Кавказа. // Материалы по археологии Кавказа. М. Т. VIII.

Халидова М.Р., 1982 - Образ покровителя охоты, зверей в преданиях и легендах народов Дагестана // Дагестанская народная проза. Махачкала.

Худяк М.М., 1962 - Из истории Нимфея. Л.

Цитладзе Л.Г., 1976 - Археологические памятники Хеви: (Казбековский клад). Тбилиси.

Чезина Е.Ф., 1983 — Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Нижнего Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. — Л.: Искусство.

Чередищенко Н.Н., 1985 - Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев: Наукова думка.

Черненко Е.В., 1987 - Парадный топор из Келермеса. // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка.

Членова Н.Л., 1967 - Происхождение и ранняя история тагарской культуры. М.

Шарафутдинова Э.С., 1980 - Памятники предскифского времени

на Нижнем Дону (кобяковская культура). // Археология СССР. САИ. Л.: Наука. Вып. В1-11.

Шлеев В. В., 1950 — К вопросу о скифских наконечниках // КСИИМК. XXXIV. М.

Шульц П. Н., Навротский Н. И., 1973 - Прикубанские изваяния скифского времени // СА. № 4.

Vapst G., 1885 - Souvenirs de deux missions au Caucase: Fouilles sur La grande Chaine // Revue Archaeologique. Paris. III Serie. Vol. V.

Boehmer R. M., 1965 - Zur Datierung der Necropole B von tepe Sialk // Chaelogischer Anzeiger. T. 4.

Chirchman R., 1939 - Fouilles de Sialk. Pres de Kashan 1933, 1934, 1937. — Paris. V. II.

Chirchman R., 1961 - Iran. Protoiranier. Meder und Achaemeniden. Munchen.

Les Tresors ..., 1978 - Les Tresors de Dalverzin-tepe. L., 1978.

Lienard J. Bronzes of Iran and Luristan // Evocations metallurgiques. XIII.

Mobius H., 1916 - Uber Form und Bediutum der sitzenden Gestalt in der Kunst der Oriens und der Griechen // Mitteilungen des deutschen archaologischen Instituts. Athenische Abteilung. 41.

Nagel W., 19. - Ein urartaischer Helm am dem Argistic. // Magazin. Archiv für orientforschung. Berlin, T. XIX.

Rolle R., 1991 - Stadt auf Radern zur Entwicklung des nomadischen Wohnwagens // Gold der Steppe archaologie der Ukraine. Schleswig.

Roussel P., 1916 - Dellos colonie atherienne. Paris.

Sandars N. K., 1978. - The Sea Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean 1250-1150 BC. // London: Thames and Hudson.

Scaeffler Cl., 1948. - Stratigraphie Comparee et chronologie de l'isie Occidentale (III -e et II -e mellenaires). London.

Simpson W., 1888 - Some Suggestion of Origin in Indian Architecture. // JAOS.

Vanden Berghes L., - Luristan Bronzes // Evocation metallurgiques, Vol. XIII.

Zukharov A., 1933 - Materials for the arkhaeology of Caucasus. Anthropomorphic bronze statuettes. // Swiatowit. Warszawa.

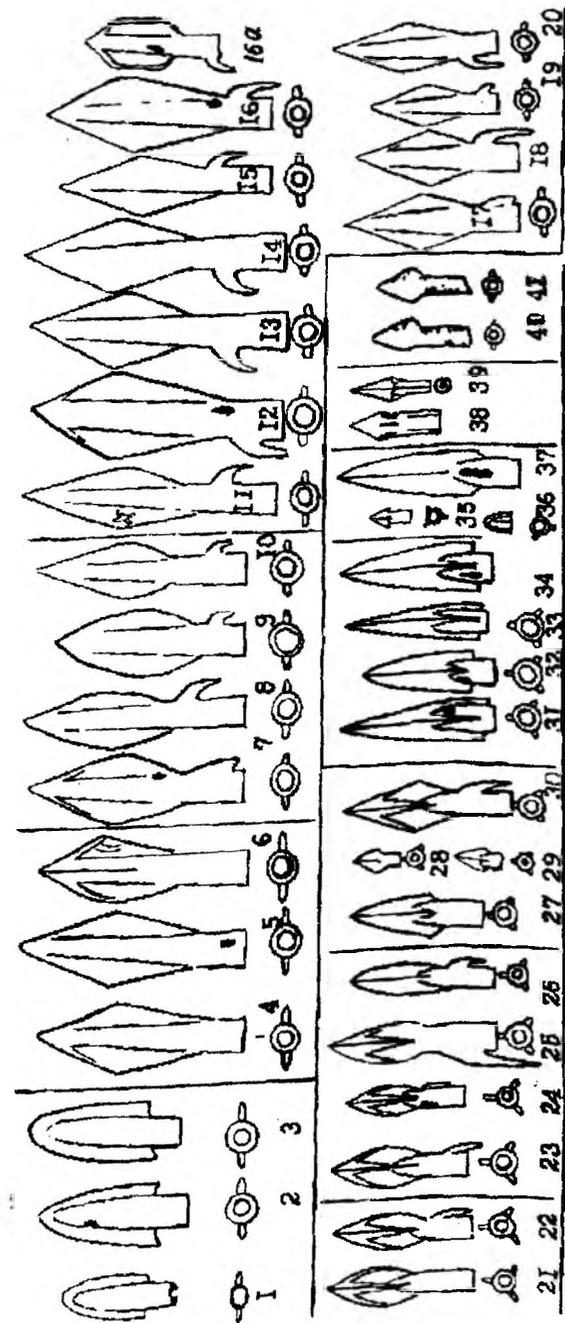

Рис. Наконечники стрел из Урдеков (2,4,8,9,15,16,17,18,26,27,28), Паласа-Сырта (3), Сары-кума (1,20), Алмало (5,10,23,34), Карагаса (6,21,22,24,38), Карабулахкента (7,12), Тарнаира (11,12,29), Дербента (13,14), Андрейаула (16а,35,36,39), Каякента (25), Бавгугая (31), Избербаша (32,33,37), Хабада (40,41). 1,5,6,10,21, 23,24,34,38 — по В.И. Марковину...

М.Г. Гаджиев
(Инс-т ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

СЕВЕРНЫЙ ДАГЕСТАН НА СТЫКЕ КУЛЬТУР ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА КАВКАЗА И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

С древнейших времен Северо-Восточный Кавказ являлся одной из важнейших областей этнокультурных и торгово-экономических контактов между подвижными скотоводческими племенами Юго-Восточной Европы и древнейшими земледельцами Кавказа. Узкий Прикаспийский проход между горами Восточного Кавказа и Каспийским морем издревле служил своеобразным мостом, связывавшим Восточную Европу с Закавказьем и передней Азией. Территория Дагестана, находившегося на этом пути, зачастую становилась ареной важнейших исторических событий, затрагивавших судьбы народов, населявших эти области. Географическое положение Дагестана на стыке Европы и Азии, на границе двух различных культурно-исторических областей – между оседло-земледельческими обществами и цивилизациями Ближнего Востока и Кавказа и подвижными скотоводческими племенами Юго-Восточной Европы в значительной степени определило пути и особенности исторического развития населения древнего Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа.

В силу благоприятного сочетания природных и социальных факторов горная зона Северо-Восточного Кавказа стала одним из древнейших очагов возникновения производящего хозяйства на Кавказе и на Юге России. Наиболее ярким памятником, свидетельствующим о зарождении и становлении производящего хозяйства в горной зоне Кавказа является Чохское поселение, давшее название чохской археологической культуре горного Дагестана поры мезолита и неолита. На мезолитическом этапе (VIII-VII тыс. до н.э.) чохская культура развивалась эволюционно без сколько-нибудь значительных нововведений. Люди чохской культуры на этом этапе вели традиционный для эпохи присваивающей экономики образ жизни, жили охотой на безоаровых козлов и муфлонообразных баранов и занимались собирательством.

Но на рубеже VII-VI тыс. до н.э., в неолите темпы культурно-исторического развития обитателей горного Дагестана резко меняются. Происходит коренной перелом в хозяйственной деятельности и образе жизни людей: возникают земледелие и скотоводство, устанавливается прочный оседлый быт, появляются каменные жилища, рассчитанные на долговременное обитание, т.е. произошел переход от присваивающего

* Настоящая статья является моим итоговым научным отчетом о выполнении исследовательского проекта РГНФ 1997 - 1997 г. № 96-01-00396 "Северный Дагестан на стыке культур эпохи палеометалла Кавказа и Юго-Восточной Европы".

хозяйства к производящему [Амирханов Х.А., 1987. С. 158-181].

Таким образом, данные археологии подтвердили правоту Н.И. Вавилова, который еще в 20-х годах, основываясь на чисто геоботанических данных, отнес Дагестан к числу горных районов, являющихся очагами первоначальной земледельческой культуры, и включил его вместе с Закавказьем в юго-азиатский центр происхождения культурных растений [Вавилов Н.И., 1957. С. 87-121; Он же, 1965. С. 166-168].

Зарождение новых видов хозяйства ознаменовало в горной зоне Северо-Восточного Кавказа начало новой эпохи – эпохи производящего хозяйства, кардинального изменения всей экономической базы местного общества, предопределило дальнейшее его прогрессивное поступательное развитие, изменение социальной структуры общества и всего облика культуры. Материалы Чохского поселения характеризуют переход от присваивающего хозяйства к производящему и начальный этап развития раннеземледельческого общества горного Дагестана.

На следующем этапе, охватывающем эпоху энеолита (V-IV тыс. до н.э.), раннеземледельческое общество горного Дагестана развивается на базе хозяйственных и культурных достижений населения чохской культуры. Раннеземледельческие общины осваивают новые территории горной зоны Северо-Восточного Кавказа: долины рек, горные плато. К двум великим открытиям, каковыми были земледелие и скотоводство, теперь добавилось третье – освоение металла, являющегося важнейшим стимулятором коренных изменений в технике, технологии, экономике, в конечном счете, социальных отношениях.

В неолите и энеолите Северо-Восточный Кавказ представлял собой одну из областей обширной зоны распространения раннеземледельческих культур, развивавшихся по переднеазиатской модели. Он прочно связывается с Югом и древняя история его населения становится как бы составной частью истории Древнего Востока.

Эпоха энеолита характеризуется подъемом экономики производящего типа, основу которой составляли земледелие и скотоводство. Некоторые древние производства, в частности керамическое, судя по тому, что часть керамики из Гинчи (высококачественная) изготовлялась на гончарном круге, достигает уровня ремесла, разнообразной становится духовная жизнь, развиваются искусство орнаментальной и наскальной живописи, представлявшие древним широкие возможности для самовыражения и отражавшие духовный мир ранних земледельцев и скотоводов. Этот период в культурно-историческом развитии населения горной зоны Северо-Восточного Кавказа стадияльно соответствует уровню развития раннеземледельческих племен Закавказья в V – первой половине IV тыс. до н.э. (шулаверичо-мутепинская культура) и Ближнего Востока (халаф, ранний убейд и др.) [Гаджиев М.Г., 1991. С. 34-109].

Особенно ярко прогрессивное развитие раннеземледельческого общества Северо-Восточного Кавказа отражает следующий

раннебронзовый период, основным содержанием которого является интенсификация важнейших отраслей производящего хозяйства, особенно земледелия, превращения домашних производств в ремесла, активный процесс разложения первобытного общества [Мунчаев Р.М., 1975. С. 149-196, 336-408; Гаджиев М.Г., 1991. С. 127-241].

Согласно археологической периодизации, это раннебронзовый век, датируемый второй половиной IV – сер. III тыс. до н.э. В эту эпоху происходит дальнейшее расселение земледельческо-скотоводческого населения, осваиваются различные экологические ниши региона – плодородные долины рек в предгорьях и в Приморской низменности, интенсивно стали заселяться горные склоны и их вершины, где появляются постоянные поселения земледельцев и скотоводов. Особенно плотно были заселены долины рек Уллучай, Гамри-озень, Манас-озень, Сулак, на берегах которых располагались крупные поселения, занимавшие большие площади. Значительная концентрация населения наблюдается в горных долинах и котловинах. На всей территории Северо-Восточного Кавказа (Дагестан, Чечня, Северо-Восточный Азербайджан) формируется особый северовостоочно-кавказский вариант куро-аракской культуры, занимавшей обширную территорию, включающую Северо-Восточный Кавказ, Центральное и Восточное Закавказье, Восточную Анатолию, Северо-Восточный Иран. Их объединяют архитектура поселений, сходная строительная традиция, серая, черная и красная керамика со своеобразным набором типов сосудов и их орнаментации (рельефный, нарезной геометрический орнамент).

Интенсивно развивается земледелие, расширяются посевные площади, в частности, и за счет террасирования горных склонов. Это приводит к становлению террасной системы земледелия, поставившей Дагестан в один ряд с мировыми очагами террасного земледелия [Вавилов Н.И., 1936. С. 177-179].

Качественные сдвиги в развитии земледелия связаны также с усовершенствованием земледельческих орудий. Применение плуга с использованием тягловой силы животных открыло большие возможности расширения посевных площадей, распространяются высокопроизводительные изогнутые составные серпы со специализированными кремневыми вкладышами, возникают различные молотильные приспособления. Расширяется ассортимент возделываемых злаков (полба, твердая и мягкая пшеницы, пленчатый и голозерный ячмень, лен). В результате активной селекционной деятельности в Дагестане вырабатывались особые эндемичные сорта злаков, отличающиеся скороспелостью созревания и укладываемые в цикл развития в короткое лето. Разнообразными становятся агроприемы, формы и системы земледелия, намечается резкий подъем зернового хозяйства, забота о хранении зерна становится важнейшей чертой быта, появляются большие зернохранилища – погреба, налаживается массовое производство специальных крупных глиняных

сосудов для хранения зерна (поселения Великент, Чиркей и др.). В массовом количестве на поселениях встречаются зернотерки. На поселении Великент из обработанных зернотерок строились даже жилища, стены различных производственных сооружений.

В развитии второй ведущей отрасли хозяйства следует подчеркнуть заметное увеличение его удельного веса в мясном обеспечении населения, возрастание роли крупного рогатого скота. Более разнообразными становятся формы скотоводства: пастушеская, отгонная, стойловая. Крупный рогатый скот используется и в качестве тягловой силы, а лошади – для верховой езды. Особенно большие успехи в эпоху ранней бронзы наблюдаются в развитии различных производств, превратившихся в специализированные ремесла. Высокого уровня достигла техника каменного строительства. Архитектура поселений, застраивавшихся круглоплановыми жилищами, становится почти стандартной. Дома укреплялись контрфорсами, пилястрами, в строительном деле широко используется обработанный камень. Неожиданно высоким оказался уровень развития строительного дела в Приморском Дагестане, где использовался не только сырцовый, но и жженный кирпич. Достаточно сказать, что этот строительный материал был известен в ту эпоху только в некоторых раннегородских центрах Древнего Востока (Шумер, харраппа).

Важнейшим фактором культурного и экономического прогресса общества раннебронзового века Северо-Восточного Кавказа было активное развитие производства металла и его обработка. Находки орудий и приспособлений, связанных с горнорудным делом (молоты, топоры – клевцы, тигельки, литейные формы, слитки выплавленной из руды меди), многочисленных металлических изделий демонстрируют высокий профессиональный уровень развития металлургии и металлообработки, превратившихся в ремесла. Заметное место занимают ювелирное дело, обработка бронзы и других цветных металлов.

Весьма показательным является уровень развития гончарного ремесла. Гончарные мастерские были локализованы на окраинах поселений, где располагались горны. Прогресс наблюдается во всей технологии производства керамики, начиная от приготовления глиняного теста до выработки устойчивых типов изделий и их термической обработки.

Технология обжига керамики, особенно высококачественной, была доведена почти до совершенства. Значительная часть керамики изготовлялась на гончарном круге. На поселении Великент II керамика, изготовленная на гончарном круге, составляла ок. 10-15%. Этот факт заслуживает особого внимания потому, что гончарный круг появляется и используется широко только на определенном этапе исторического развития, в обществах формирующихся цивилизаций.

Выделение ремесел стимулировало развитие обмена и торговли. Вообще надо сказать, раннеземледельческие общества на этом этапе своего развития становятся более коммуникабельными, чему не в малой степени способствовали изобретение и широкое распространение колесного

транспорта, использование лошади для верховой езды. Это было время весьма активных и широких культурно-исторических связей как с сопредельными областями, так и отдаленными территориями.

Стремительный прогресс в экономическом развитии раннеземледельческих общин приводит к накоплению прибавочного продукта, к имущественному и социальному расслоению общества. Показательны в этом отношении появление больших зернохранилищ, монументальных погребальных сооружений – катакомб, отражающих имущественные различия семей, общинников, распространение знаков власти вождей, старейшин.

В эпоху ранней бронзы происходят определенные изменения в духовной культуре. Широко распространяются различные культы, появляются символы, божества, олицетворяющие культ плодородия, запечатленные в глиняной скульптуре, изображающей женщин (Великент, Катарач-тепе, Карацан). Замечательными образцами декоративно-прикладного искусства, художественного литья являются бронзовые украшения. Яркими памятниками искусства являются наскальные изображения, в которых запечатлены разнообразные сюжеты – “древо жизни”, солярная символика, изображающие засаженное поле, реалистические бытовые сцены, отражающие различные стороны труда земледельцев. Многие изображения на керамике, на скалах несут определенную идеологическую нагрузку, но вместе с тем в них можно видеть попытки передачи важной информации.

Данный период культурно-исторического развития раннеземледельческого общества Северного Кавказа соответствует уровню развития сопредельных областей Кавказа и Передней Азии, находившихся на этапе формирования цивилизаций.

Однако процесс становления на Северо-Восточном Кавказе классового общества и формирования цивилизации не получил закономерного завершения. Прогрессивное развитие общества, протекавшего в условиях полного сохранения культурной преемственности на всех этапах своего развития, было неожиданно прервано в III тыс. до н.э. Произошел закат высокоразвитой куро-аракской культуры, распалось прежнее культурное единство региона, возникли новые археологические культуры среднебронзового века, мало связанные с предшествующей культурой. Снизились темпы экономического развития общества, пришли в упадок ремесла, в обществе наметились признаки застоя, упадка, регресса.

В конечном итоге, раннеземледельческое общество Северо-Восточного Кавказа, развивавшееся на протяжении около четырех тысячелетий поступательно, прогрессивно, было отброшено далеко назад.

Эта трансформация первоначально произошла в северном Дагестане на стыке степей и гор. Наиболее ярко она отразилась на памятниках бронзового века, расположенных в долине р. Сулак. В эпоху ранней бронзы район Сулака входил в ареал куро-аракской культуры.

Характерными для этой культуры памятниками являются Чиркейское и Сигитминское поселения, расположенные в труднодоступных местах: на останце древней террасы высотой 70-100 м с обрывистыми крутыми склонами (Чиркейское) и на гребне горы с крутыми или обрывистыми склонами (Сигитминское). Само расположение поселений уже свидетельствует о тревожной обстановке, сложившейся в этом районе в эпоху ранней бронзы.

Первым предвестником грядущих перемен было исчезновение керамики, изготовленной на гончарном круге, следующим - появление на этих и других прикаспийских поселениях совершенно не характерной для куро-аракской культуры грубой керамики с обмазанной жидкой глиной поверхностью, которая хорошо сопоставляется с кухонной керамикой культуры Триполье-Кукутени с шероховатой специально огрубленной поверхностью и некоторых других культур бронзового века Центральной и Восточной Европы [Мунчаев Р.М., 1975. С. 188-189; Энеслит СССР, 1982. С. 130, 182, 187, 192, 198]. Керамика с грубо обмазанной поверхностью в дальнейшем стала определяющим признаком древних культур Северо-Восточного Кавказа на протяжении длительного времени с середины III тыс. до н.э. до рубежа I тыс. н.э.

Другим признаком культурной переориентации Северного Дагестана стало появление на памятниках раннебронзовой эпохи Приморского Дагестана ранее здесь не известной керамики со шнуровым орнаментом, характерным также для степных европейских культур. На Сулаке подобная керамика появляется на позднем этапе обживания Сигитминского поселения (последние века III тыс. до н.э.).

Вероятно, подобная керамика в Прикаспийском Дагестане появилась в результате проникновения или вторжения с севера степного населения. Жители долины р. Сулак были вынуждены внезапно покинуть свои поселения. Здесь были вскрыты жилища, в которых хорошо представлена картина, свидетельствующая о том, что они оставлены внезапно. В них сохранились наполненные зерном ямы-хранилища, сосуды-хранилища, большое количество целых и раздавленных рухнувшей крышей глиняных сосудов, обнаружены бронзовые предметы (орудия труда, оружие, украшения), которые обычно редко встречаются при раскопках поселений, покинутых в результате постепенного загухания в них жизни.

Следующий этап развития культуры долины Сулака представлен памятником совершенно иного типа. Его характеризуют Чиркейский и Миатлинский могильники, расположенные вдоль реки Сулак и состоящие из многочисленных курганов. Изучение материалов многолетних их раскопок позволило выделить в бассейне среднего Сулака новую археологическую культуру эпохи средней бронзы (последние века III – I-я половина II тыс. до н.э.), названную присулакской. Материалы, относящиеся к этой культуре, выявлены также к югу от р. Сулак до р. Манас-озень и к северу до р. Акташ.

Для присулакской культуры характерны подкурганые захоронения

в грунтовых ямах и каменных гробницах с преимущественно одиночными скорченными, реже вытянутыми костяками, ориентированными на юг. Гладкостенная грубообмазанная керамика серого и красноватого цветов представлена разнообразными горшками, кувшинами, кружками, сосудами с яйцевидными и реповидными туловами, характерными, с одной стороны, для горных районов Северо-Восточного Кавказа, а с другой стороны – для степных культур. Наряду с резными и рельефными узорами, в орнаментации керамики широко применялись узоры, нанесенные оттисками крученого шнура. Редкие бронзовые изделия – ножи, браслеты, височные подвески в полтора оборота, подвески с литым шнуровым орнаментом обычны для северокавказских и степных культур. В погребениях встречаются также разнообразные бусы и подвески из бронзы, камня, кости, сердолика, граната, стекловидной пасты, каспийских раковин.

Присулакская культура эпохи средней бронзы, сменившая в долине Сулака куро-аракскую культуру эпохи ранней бронзы, отражает радикальные изменения, происшедшие в культурно-историческом развитии Северного Дагестана на рубеже эпохи ранней и средней бронзы. Высокоразвитое оседло-земледельческое общество, базировавшееся на интенсивном земледельческо-скотоводческом хозяйстве, на ремёсла, выделившиеся в самостоятельные отрасли производства, находившиеся на пути к формированию цивилизации, сменилось обществом присулакской культуры, которое стояло на более низком уровне социально-экономического и культурного развития. Коренные изменения произошли почти во всех областях. Население присулакской культуры вело более подвижный образ жизни. В хозяйстве повысилась роль скотоводства, сменилась архитектурная традиция (круглоплановая архитектура сменилась прямоугольной), сменились погребальные сооружения и обряд (появление курганного обряда с одиночными захоронениями в грунтовых ямах и гробницах). Керамика стала более грубой, изменились ее формы, она мало связана в типологическом отношении с керамикой предшествующей эпохи, изменилась ее орнаментация, получила распространение неизвестная прежде керамика со шнуровым узором. Шнуровые мотивы стали использоваться также при изготовлении литых бронзовых украшений.

Затухайот связи с югом – Закавказьем, Передней Азией. Северный Дагестан все теснее связывается со степным миром.

Население присулакской культуры было мало дифференцировано в имущественном и социальном отношении по сравнению с населением предшествующей куро-аракской культуры.

Таким образом, материалы раскопок памятников бронзового века Северного Дагестана свидетельствуют о том, что закономерный процесс поступательного, прогрессивного социально-экономического и культурного развития Северо-Восточного Кавказа в раннеземледельческую эпоху не получил естественного завершения. Оно было прервано на рубеже эпохи ранней и средней бронзы. Дальнейшее историческое

развитие населения Северного Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом приобрело затяжной характер.

Причину такого неожиданного исхода прогрессивного культурно-исторического процесса на Северо-Восточном Кавказе, который следует рассматривать как феномен прерванной или не состоявшейся цивилизации, по-видимому, следует искать в комплексе различных факторов – естественно-географического, природно-исторического характера. К их числу относятся рост населения и ограниченные возможности поливного земледелия, на котором преимущественно базировались ранние цивилизации. Имели место также экологические кризисы, связанные с изменением климатических условий. К III–началу II тыс. до н.э. относятся наиболее продолжительная в голоценовой истории Каспия избербашская регрессия (ок. 1500 лет), с чем связано продолжающееся иссушение климата каспийского региона [Гаджиев М.Г., 1985. С. 17,18; 1991. С. 239].

Одной из главных причин культурно-исторической трансформации Северо-Восточного Кавказа был, очевидно, прессинг подвижно-скотоводческих степных племен на оседло-земледельческие центры, их прямые вторжения. Они привели к закату в Северном Дагестане куро-аракской культуры и формированию новой присулакской культуры, определяющими признаками которой являлись характерные для степных культур курганный обряд захоронения и керамика со шнуровым орнаментом [Гаджиев М.Г., 1974. С. 15, 16; 1984. С. 23-26; 1991 б. С. 8-10]. Проникновением населения с Севера можно объяснить и тот факт, что смена культур первоначально произошла в Северном Дагестане, на границе степей и гор и значительно позднее в более южных областях Прикаспийского Дагестана [Гаджиев М.Г., 1996. С. 8,9].

Однако следует подчеркнуть, что Северо-Восточный Кавказ в этом отношении не является исключением. Сходными были пути культурно-исторического развития всего Северного Кавказа, где переход от ранней бронзы к средней, от майкопской культуры к северокавказской также отмечен культурной трансформацией, упадком и регрессом [Иессен А.А., 1950; Киселев С.В., 1965. С. 28].

Глубокие этнокультурные сдвиги отмечены и в Балкано-Дунайском регионе, где в период перехода от неолита к бронзовому веку была нарушена стабильность развития раннеземледельческих культур и произошло его полное культурное переоформление [Мерперт Н.Я., 1978. С. 5-56].

Представляется вполне вероятным, что закат куро-аракской культуры в Закавказье и культурное переоформление данного региона в эпоху средней бронзы также являются звеньями в общей цепи развития палеометаллических культур [Джапаридзе О.М., 1976. С. 23].

Таким образом, рассмотрение проблемы взаимодействия оседло-земледельческих обществ и подвижных скотоводческих племен в широком плане свидетельствует о том, что культурно-исторические процессы, протекавшие в Северном Дагестане в бронзовом веке не являются

узколокальными, а отражают общие закономерности исторического развития оседлоземледельческих обществ на северной окраине раннеземледельческой ойкумены.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Х.А., 1987. – Чохское поселение: человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.

Вавилов Н.И., 1936. – Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. № 2.

Вавилов Н.И., 1957. – Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна, их использование в селекции. М. – Л.

Вавилов Н.И., 1965. – Учение о происхождении культурных растений после Дарвина // Вавилов Н.И. Избр. тр. М. – Л. Т. 5.

Гаджиев М.Г., 1974. – Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы. // Древности Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1984. – Горы и степи в эпоху раннего металла (по данным Северо-Восточного Кавказа) // Душетская научная конференция 1984 г., посвященная взаимоотношениям между горными и равнинными регионами. Тбилиси.

Гаджиев М.Г., 1985. – Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнографическая область. // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1991. – Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.: Наука.

Гаджиев М.Г., 1991б. – Горы и равнины Дагестана в эпоху раннего металла. // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1996. – О соотношении археологических культур эпохи средней бронзы Прикаспийского Дагестана // Новые исследования дагестанских историков. Материалы научной конференции, посвященной итогам научно-исследовательской деятельности Института ИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала.

Джапаридзе О.М., 1976. – К этнической истории грузинских племен. Тбилиси.

Иессен А.А., 1950. – К хронологии “Больших кубанских курганов” // СА. XII.

Кисилев С.В., 1965. – Бронзовый век // Новое в советской археологии. М.

Мерперт Н.Я., 1978. – О племенных союзах древнейших скотоводов степи Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М.

Мунчаев Р.М., 1975. – Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука.

Энеолит СССР, 1982. – Энеолит СССР. Археология СССР. М.: Наука.

И.Г. Нариманов
(Инс-т ИА АН Азербайджана, Баку)

КИСТОРИИ ПЛЕМЕН АЗЕРБАЙДЖАНА В III ТЫС. ДО Н.Э.

Достаточно хорошо известно обитание племен куро-аракской культуры на территории Азербайджана в III тыс. до н.э. Памятники этой культуры территориально и хронологически отражают несколько культурных напластований. Эпоха куро-аракской культуры отражает более высокий развитый уровень ее носителей по отношению к предшествующим культурам на Кавказе. В данный период бурно развивалась металлургия. Почти на всех поселениях Азербайджана выявлены материальные данные, непосредственно связанные с металлургическим производством. Это глиняные сопла, формы для отливки топоров и др. В свете сказанного особо заслуживают внимания выявленные на поселениях второго холма Бабадервиш металлургических горнов, относящихся к III тыс. до н.э. Высокое развитие металлургии и металлообработки положительно влияло на развитие других производственных отраслей. В частности, это более ярко выражено в деревообрабатывающем ремесле. Так, например, исходя из имеющихся данных, можно говорить о производстве колесного транспорта, требующего значительных навыков деревообработки. С возникновением колесного транспорта связано и использование быков в качестве тягловой силы. Исследователями давно высказано убедительное мнение о том, что глиняные фигурки быков, найденные на памятниках куро-аракской культуры, имеющие отверстия на шею, указывают на использование быков в упряжке. Использование колесного транспорта в III тыс. до н.э. подтверждается также находками глиняных модулей колес на многих поселениях куро-аракской культуры.

По всей вероятности, в это время начинается возникновение плужного земледелия с использованием тягловой силы быков. Косвенным доказательством, подтверждающим это, является факт полного отсутствия на памятниках куро-аракской культуры мотыг (жестяных, роговых), в отличие от неолитических памятников, на которых их выявлено большое количество.

В период куро-аракской культуры дальнейшее развитие получает гончарное дело. Становятся более разнообразными типы сосудов. С этого времени возникает традиция – снабжение сосудов ручками. Правда, единичные, очень массивные и грубые ручки встречаются на неолитическом поселении Аликемек-тепеси на Мугани в Азербайджане.

Одним из атрибутов в керамическом производстве куро-аракской

культуры являются ручки т.н. “полушарного” типа. Прототипами этих ручек можно считать массивные экземпляры, зафиксированные на отдельных памятниках Нахичеванской зоны Азербайджана, в частности, на поселении Овчулар-тепеси. В то же время в этой зоне на хорошо известном поселении Кюльтепе I с мощными культурными отложениями эпохи неолита вообще нет сосудов с обычными ручками. Следовательно, памятники с отмеченными грубыми ручками в Нахичеванской зоне следует отнести ко времени начала сложения куро-аракской культуры.

Известно, что у исследователей нет единого мнения о месте и времени возникновения куро-аракской культуры. В связи с данным вопросом следует напомнить те элементы, которые имеются в памятниках до куро-аракского этапа, в частности, на Лейлатепе в Азербайджане и на Бериклдеби в Грузии. На поселении Лейлатепе среди светлой керамики встречаются единичные образцы черно- и сероошпанных сосудов. На Лейлатепе также найдены конусовидные пряслица, изготовленные из камня, глины и кости.

Пряслица такой формы из кости широко стали применяться в период куро-аракской культуры. На поселении Бабадервиш, относящегося к этой культуре, вместе найдены пряслица, изготовленные как из камня, так и кости.

Приведенные материалы дают основание говорить о том, что в сложении куро-аракской культуры в разной степени присутствуют различные истоки.

У племен куро-аракской культуры наблюдается сильное развитие скотоводства. С этого времени возникает маслособное дело, о чем свидетельствуют керамические маслособки (нехра), хорошо известные из поселений Азербайджана. Заслуживает внимания тот факт, что формы керамических маслособок в Азербайджане бытуют до современности и имеют одно и то же назначение.

С куро-аракскими племенами связано хозяйственное освоение горных альпийских зон и возникновение яйлажного скотоводства. Так, например, в высокогорном Хачбулагском яйлаге Дашкесанского района исследован курган с куро-аракской керамикой, в частности типичным трехручным кувшином красного обжига, идентичным обнаруженному в культурном слое куро-аракского поселения Бабадервиш. В Хачбулагском кургане обнаружены и кольцевидные серьги, одна из золота, другая из серебра. В кургане совершенно труположение.

Поселения куро-аракской культуры в Азербайджане широко известны, главным образом, на равнинах и имеют значительные культурные напластования. В единичных случаях они встречаются и в горной зоне со слабыми слоями.

В отличие от поселений, погребальные памятники куро-аракской культуры в Азербайджане пока известны в единичных случаях, причем

в отдаленных друг от друга районах. На всех памятниках обнаружены труположения. По не вполне объяснимым причинам куро-аракская культура приблизительно в середине – третьей четверти III тыс. до н.э. теряет свой выразительный облик. Однако присущие ей отдельные элементы традиционно переходят в последующие культуры (имеются в виду элементы керамики). Весьма примечателен тот факт, что в какой-то период, вероятней всего, в конце бытования куро-аракской культуры, в Азербайджане наблюдается появление иных этнокультурных элементов. Мы имеем в виду захоронения с труположением под курганами, как в зоне Малого, так и Большого Кавказа, а также в долине Куры.

Материальные данные этих курганов по образцам отдельных типов изделий имеют параллели в памятниках куро-аракской культуры. Так, например, в керамическом комплексе одного из курганов Ханкенди (Степанакерт) с обрядом трупосожжения, имеющего совершенно иной облик, выявлен куро-аракский тип сосуда. Он черного обжига, имеет биконический корпус с двумя ручками. То же самое выявлено в Мутани - в одном из подкурганых захоронений в грунтовой яме среди зольных остатков трупосожжения находился сосуд куро-аракского типа, имеющий биконический корпус, опоясанный выявленными зигзагами, с одной ручкой, имеющей ямку на верхней площадке.

Известны также курганы в долине Куры, в районе Гянджи – Ханлара. Из одного кургана происходит дисковидная черноошпанная глиняная крышка с полушарной ручкой на центре верхней поверхности. Такие крышки, как известно, являются одним из выразительных признаков куро-аракской культуры.

Эти примеры дают основание утверждать, что тут мы имеем хронологически смыкающиеся элементы двух различных этнокультурных явлений. Новыми, конечно, являются племена, заселившие Азербайджан и практиковавшие обряд трупосожжения. Носители этого обряда обитали в Азербайджане вплоть до начала эпохи железа.

В Ханларском поселении I эпохи поздней бронзы, расположенном на берегу р. Ганджчай, был зафиксирован случай, когда тела умерших подверглись сожжению и прах их погребли в могилах поблизости. Пока не поддается объяснению, каким образом и откуда этот обряд, который, как нам кажется, чужд куро-аракским племенам, появился в III тыс. до н.э. в Азербайджане. В это время племена куро-аракской культуры широко распространяются на Северном Кавказе. Однако они обошли Абшерон. Но обитатели Абшерона все же имели какие-то контакты с этой культурой, о чем свидетельствует находка в одном из курганов Абшерона - глиняная кружка, аналогичная описанной находке из Мутани.

В.Г. Майсурадзе
(Центр АИ АН Грузии, Тбилиси)

О ПРОТОТИПАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЗАКАВКАЗСКОГО ТОПОРА

В центральных районах Закавказья в последнее время участились находки переднеазиатских бронзовых топоров с разветвленным обухом в форме полумесяца (Иджеван, Кудурлу, Карапшамб, Бедени). Прямые их аналоги существуют в Уре и датируются 2600-2400 гг. до н.э., кавказские же экземпляры некоторые исследователи датируют XVIII-XVII вв. до н.э. (А. Мартиросян и др.). Можно допустить, что эти топоры являются принадлежностью значительного этнического потока, проникшего в Центральное Закавказье на финальной стадии средней бронзы. Именно эти переднеазиатские “новшества” влияют на местную культуру в конце первой половины II тыс. до н.э., в значительной мере изменяют ее облик, в конечном итоге, становятся одним из источников дальнейшего ее развития. На наш взгляд, генезис бронзовых топоров в Закавказье можно выстроить таким образом: следующей ступенью развития топоров типа Грмагеле-Шамшадин являются топоры кироваканского типа. Но мы считаем, что в ряд развития центрально-закавказского бронзового топора необходимо поместить переднеазиатский полумесяцевидный топор с разветвленным обухом, являющийся частой находкой на кавказских памятниках. Не исключено их параллельное бытование в Закавказье наряду с кироваканским топором, где они способствуют формированию типично кавказской формы топора. Кавказские мастера взяли их за основу своего творчества, как наиболее легкие, удобные и эффективные в употреблении, но применяли не безоговорочно, отмечая лишние детали.

В научной литературе они называются по-разному: восточно-грузинские, иберийские, восточно-кавказские, кавказские. К.Н. Пицхелаури считает, что топоры этого типа характерны для всего Центрального Закавказья, не имеют региональных отличий по каким-либо признакам, а потому их можно именовать центрально-закавказскими. К этому определению присоединимся и мы.

С учетом топографии находок, границы распространения топора центрально-закавказского типа представляются таким образом: на востоке – Нуха-Мингечаур; на западе – Сурамский хребет; на севере – Южный Кавказ; с юга – р. Аракс.

Окончательное становление формы топора этого типа мы считаем законченным в XV-XIV вв. до н.э.

Г.Г. Гамбашидзе
(Центр АИ АН Грузии, Тбилиси)

ГРУЗИНСКИЕ ЛАПИДАРНЫЕ НАДПИСИ ИЗ ХРИСТИАНСКОГО ХРАМА НА ГОРЕ АКАРО НАД ХУНЗАХОМ (ДАГЕСТАН)

При изучении остатков храма X-XIV вв. Дагестано-грузинской археологической экспедицией (ДГАЭ) выявлено множество поломанных каменных крестов разнообразных форм и изображения крестов на каменных квадратах. На большинстве из них имеются надписи, молебное-мемориального содержания, исполненные на грузинском языке древнегрузинскими шрифтами “асомтаврили” и “нусхури”. По своим палеографическим признакам (очертание букв, титлов в их крашении, разделительные знаки, отделение слов друг от друга, сокращения, влияние письма “нусхури” на “асомтаврили”, смешение букв “нусхури” и “асомтаврили”, двухлинейное и четырехлинейное письмо и т.д.) они датируются X-XI вв.

Выявленные тексты даются с раскрытием титлов в переводе на русский язык:

Надпись №1: “Крест Христа. Святые Двенадцать...”

№2: “Крест Христа”

№3: “...Апостолов помилуй(те) Болдои”

№4: “Крест Христа...”

№5: “Господи Иисус Христос помилуй. Аминь. Крест Христос...”

№6: “...Вы, Иаков. Аминь. И будь”

№7: “Крест Христа. Святые Апостолов...”

№8: “Святые...”

№9: “... Двенадцать Апостолов Охожон помилуй(те). Аминь”

№10: “Крест Христа. Двенадцать Апостолов...”

№11: “...Иисус Христос. Аминь. Господи”

№12: “Крест Христа...”

№13: “...Святой Петр...”

№14: “...помилуй Бор...”

№15: на 5 обломках отдельные буквы “асомтаврили”: “Е”, “Л”, “И”, “Х”, “Дж”.

№16: “...Двенадцати...” “святой...” “...апостолов...”

Найденные во время раскопок храма на горе Акаро древнегрузинские лапидарные надписи нужно рассматривать в контексте существования христианской религии и культуры в истории средневековой Аварии. В определенном смысле они являются ключом для осмысления происхождения в большинстве своем случайных находок древнегрузинских надписей из Аварии. Они показатели языка

богослужения, широкой распространенности грузинского языка и письменности, высококвалифицированности местных мастеров-каллиграфов, представляют ценные сведения о местной исторической орнаментике и, что в данном случае важно, частое упоминание в надписях “Двенадцати Апостолов”, дает основание полагать, что храм на горе Акаро был освящен (как и мцхетский собор “Светицховели”) во имя “Святых Двенадцати Апостолов”.

Г.Г. Пхакадзе, М.В. Барамидзе
(Центр АИ АН Грузии, Тбилиси)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТАЛЛУРГИИ БРОНЗЫ ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

Западная Грузия (Колхида) является одним из ведущих металлургических очагов всего Кавказа. Металлические предметы известны здесь уже с конца IV тыс. до н.э.

Бронзовая металлургия достигает высокого развития в III тыс. до н.э., фиксируются все основные формы орудия и оружия, характерные для Колхиды.

В эпоху ранней и средней бронзы (III – перв. пол. II тыс. до н.э.) на Колхидской низменности появляются первые литейные мастерские (Пичори, Эргета, Анаклия, Испани, Намчедури), работающие на привозном сырье (медь) с южных склонов Кавказского хребта, где обнаружены и частично изучены металлодобывающие штольни (Рача, Сванети, абхазская Сванетия).

Со временем металлодобывающее дело резко увеличивается, и в Рачинских рудниках добывается несколько десятков тысяч тонн меди, снабжающих сырьем не только западное Закавказье, но и весь Кавказ; исследователи предполагают экспорт сырья и даже готовых изделий в более отдаленные страны (Анатолия, Сирия).

Исследования археологических материалов Западной Грузии дают возможность проследить определенное передвижение населения с юга на север в середине II тыс. до н.э.; часть людей достигает горных районов и с этого периода отмечается интенсивное заселение богатых медной рудой областей. Экономической основой этого процесса является как раз резкое увеличение и прогресс металлургии и бронзы.

С появлением железных предметов (конец II тыс. до н.э.) бронзовые изделия не теряют своей значимости, хотя меняется ассортимент, продолжают функционировать ранее существующие металлодобывающие и металлообрабатывающие мастерские и появляются новые (Мзиури, Аскана).

М.П. Абрамова, Г.Г. Пятых
(ИА РАН, Москва)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТЕПНЫХ КОЧЕВНИКОВ И ОСЕДЛЫХ ПЛЕМЕН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

*(На материалах Северного Дагестана
позднесарматского времени)*

Степи Предкавказья издревле были заняты кочевыми племенами, сменявшими друг друга. Одни из них не задерживались здесь надолго, другие при благоприятных условиях – экологических, политических и др. переходили к стабильному кочеванию в определенных районах. При этом они несомненно устанавливали тесные связи с соседним оседлым населением Северного Кавказа. В результате длительных контактов культура кочевников, в первую очередь, материальная культура, претерпевала изменения и приобретала определенное своеобразие.

Это хорошо подтверждается имеющимися археологическими материалами сарматского времени. Расселение в III-II вв. до н.э. на территории Северо-Западного Кавказа сарматов привело к сложению в Восточном Приазовье сиракского союза племен. В результате сильного влияния культуры соседних меотозов здесь сформировалась совершенно обособленная в культурном отношении группа сарматов, материалы которой, по справедливому заключению А.С. Скрипкина, не могут приниматься во внимание при общей характеристике сарматской культуры прохоровского времени [Скрипкин А.С., 1997. С. 186].

Такую же своеобразную группу составляют, как представляется, и материалы курганных могильников Северного Дагестана, раскопки которых в течение ряда лет проводила экспедиция под руководством Г.Г. Пятых. Проведенные им предварительные разведки (1986 г.) зафиксировали здесь, на левобережье Нижнего Сулака, многочисленные курганные могильники, содержавшие около 1700 курганных насыпей. Из них было раскопано более 200. Подавляющее их большинство относится к позднесарматскому времени.

Следует отметить, что курганные могильники в первых веках н.э. распространяются в разных районах Северного Кавказа – западном, центральном и восточном. Курганы Северо-Восточного Кавказа – одни из немногих, которые подверглись систематическим раскопкам.

В основной своей массе курганы принадлежали рядовому населению и не содержали эффектных находок, однако их материалы очень важны при изучении тех процессов, которые проходили в результате контактов пришлых кочевых и местных оседлых племен Северного Кавказа.

Именно с этой целью здесь будут рассмотрены материалы двух

могильников, расположенных у сел. Львовский Первый – ЛП-2 и ЛП-4, дублирующие названия Разрушаемый I и Разрушаемый II. За три года работ на этих могильниках было раскопано 156 курганов.

Все погребения, за исключением отдельных случаев, являются в курганах основными. То же самое наблюдается и в синхронных могильниках других территорий Северного Кавказа. Главная особенность львовских курганов – это господство в них подбойных могил, которые были мало характерны для памятников Северного Кавказа первых веков нашей эры, за исключением западных его районов.

Этот обряд был известен у сарматских племен с раннесарматского времени, однако наиболее распространение он получает в позднесарматской культуре, когда подбой становятся ведущим типом погребальных сооружений. На раннем периоде позднесарматской культуры у сарматов преобладала южная ориентировка, которая позже заменяется на северную [Скрипкин А.С., 1984. С. 70–73].

Все подбойные могилы львовских могильников довольно стандартны по своему устройству: входные ямы овальной формы имели преимущественно меридиональную ориентировку; камеры примыкали ко входным ямам с запада, отделяясь в ряде случаев ступенькой. Камеры содержали индивидуальные, реже парные захоронения. Погребенные лежали на спине и имели южную, иногда с отклонениями, ориентировку (рис. 1).

Таким образом, и тип погребального сооружения и ориентировка погребенных находят близкие аналогии у сарматских племен. Наибольшее сходство прослеживается с сарматскими материалами Калмыкии, что закономерно, учитывая территориальную близость двух групп памятников.

На втором месте по распространенности стоят могилы в виде обычных ям, что также находит аналогии в сарматских могильниках. А.С. Скрипкин, анализируя позднесарматские материалы, выделил два типа характерных для сарматов ям – узкие и широкие [Скрипкин А.С., 1984. С. 62–63], оба они представлены в львовских курганах (рис. 2). В одном из курганов найдена широкая яма с диагональным положением скелета (рис. 2, 5), что также является известным признаком сарматского погребального обряда, характерным, в частности, для памятников Калмыкии [Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1985. С. 43–68].

Последнюю группу погребальных сооружений составляют катакомбы. Такие могилы нельзя считать характерными для сарматов, тем более для памятников позднесарматской культуры, где найдено лишь единичное число подобных могил [Скрипкин А.С., 1984. С. 64]. Катакомбы распространяются в последних веках до н.э. и в первых веках н.э. разных районах Северного Кавказа, однако в данном случае катакомбы львовских могильников вряд ли можно связывать с проникновением каких-то новых этнических элементов. Скорее всего, речь может идти об определенных внутренних процессах. К примеру,

большую группу погребений в могильнике ЛП-2 составляют катакомбы типа IV (по К.Ф. Смирнову), у которых камера и входная яма расположены параллельно друг от друга, соединяясь узким отверстием (рис. 3). Еще К.Ф. Смирнов отмечал близость подобных катакомб и подбоев, считая, что подбой был для этих катакомб исходным типом [Смирнов К.Ф., 1972. С. 78]. Материалы львовских могильников подтверждают это.

Особенность рассматриваемых материалов – это неустойчивость многих признаков погребального обряда. В первую очередь, это прослеживается при рассмотрении катакомбных могил. Если погребения в подбоях довольно стандартны, то у катакомб представлено столько вариантов их форм, что можно проследить вероятную их последовательность – от подбойных могил к катакомбам типа IV: входное отверстие постепенно сужается и удлиняется (рис. 3, 1-6). Камеры, в отличие от подбоев, здесь не строго параллельны входным ямам, а постепенно отклоняются от длинной ее оси, так что форма катакомбы приближается к Т-образной (рис. 3-4, б; 4, 5), переход от подбоев к Т-образным катакомбам наблюдается и в тех случаях, когда входные ямы резко укорачиваются, но постепенно становятся шире (рис. 4, 2-4).

Исходя из этого, можно сказать, что наличие разных типов катакомб в пределах одного могильника не обязательно, как иногда считают, может свидетельствовать о пестроте этнического состава населения. Хотя необходимо отметить, что в целом, в отличие от эпохи бронзы, когда катакомбы разных типов часто сосуществовали на одном могильнике и даже в одном кургане, в сарматское время у различных этнических группировок часто преобладали однотипные могилы с камерами – подбой у сарматов, катакомбы типа II (камера находится на одной оси со входной ямой) у сираков, Т-образные катакомбы у северокавказских алан.

В тех случаях, когда мы наблюдаем многообразие форм катакомб (как в курганах Сулака, а также в Нижне-Джулатском и Чегемском могильниках Кабарды II-I вв. до н.э.), то это свидетельствует о проходящих здесь процессах формирования новых типов погребальных сооружений.

В Львовских могильниках к числу сарматских относятся и некоторые другие черты обряда: наличие в могилах глена от подстилки, а также костей животных, чаще всего барана, связанных с обычаем класть в могилу напутственной пищи.

Несомненно с сарматами связана еще одна черта – преобладание в могилах кухонной посуды в форме горшков. Этот обычай совершенно не характерен для северокавказских племен первых веков н. э. В могилу обычно ставили столовую керамику хорошей выделки, часто лошеную, представленную, главным образом, кувшинами, а также кружками и мисками.

Иную картину мы видим у сарматов, которые при изготовлении

керамики не использовали гончарный круг, у них в погребениях господствовала лепная посуда, чаще всего в форме горшков. Столовая гончарная посуда встречалась реже и была импортной.

В погребениях Львовских курганов горшки составляли до 45-50% от числа всех сосудов. На втором и третьем месте были кувшины и миски, лишь незначительный процент составляли кружки.

Такое соотношение разных групп керамики совершенно не характерно для синхронных северокавказских памятников, однако у сарматов, если суммировать данные А.С. Скрипкина [Скрипкин А.С., 1984. С. 24-29], в погребениях первых веков н. э. горшки составляли до 50%, на втором месте были кувшины, преимущественно импортные, значительно реже встречались миски и единичными экземплярами представлены кружки, т.е. картина, аналогичная рассматриваемым материалам.

Таким образом, данные погребального обряда двух Львовских могильников свидетельствуют о близости их к сарматским материалам.

Совершенно иную картину мы видим в рассмотрении вещевого материала. При этом, прежде всего, надо отметить тот факт, что в первых веках н. э., благодаря процессу сарматизации, происходит значительная нивелировка культуры кочевого сарматского населения и оседлых племен разных районов. Поэтому основные категории могильного инвентаря этого времени (оружие, пряжки, зеркала, фибулы и др.) выполняют единственную роль хронологических показателей и не могут быть использованы при решении задач, связанных с этническими проблемами.

Влияние культуры оседлого населения на культуру кочевников значительно лучше прослеживается на материалах более раннего периода – последних веков н. э. Так, у сираков, живших на побережье Средней Кубани, влияние культуры меотов на сиракскую прослеживается не только на керамических, но и на других материалах. В курганах сираков, помимо сарматских типов мечей, зеркал и т.д., встречаются местные мечи синдо-меотского типа, характерные для Прикубанья удила с крестовидными псалями, меотского типа зеркала [Марченко И.И., 1996. С. 14-17, 48-49, 72-74].

При этом несмотря на безусловно тесные контакты меотских и сарматских племен, в меотских грунтовых могильниках нет сарматских зеркал прохоровского типа. Исключение составляет лишь оружие – сарматские мечи были известны и у меотов [Кожухов С.П., 1994. С. 7-8].

В этом плане интересны материалы Центрального Предкавказья II-I вв. до н.э., где не только оружие, но и другие сарматские изделия, в частности зеркала прохоровского типа, получают широкое распространение в памятниках оседлого населения, которое здесь, очевидно, было подвержено сарматскому влиянию в значительно большей степени, чем население западных и восточных районов, где были достаточно сильны традиции местного населения. Это

объясняется тем, что в сарматское время на территории Северного Кавказа находилось два крупных культурных центра: один, обусловленный близостью Боспора, локализовался в Прикубанье, другой, связанный с возникновением Кавказской Албании, – на территории Дагестана.

Чем выше культура оседлого населения, тем более влияние она оказывает на культуру соседних кочевников, что закономерно.

Т.М. Кузнецова, исследуя скифские зеркала, пришла к выводу, что все они были греческими или их подражаниями, своих зеркал у скифов не было [Кузнецова Т.М., 1991. С. 97].

В первых веках н.э. локальные особенности сохраняются главным образом в керамике. Рассмотрение с этой точки зрения керамических материалов Львовских могильников показывает, что все они, включая и кухонные горшки (рис. 5), местного, северокавказского, а преимущественно дагестанского производства. Есть, правда, несколько экземпляров лепных горшков, которые могли быть изготовлены и сарматами. В целом же основная масса сосудов находит ближайšie аналогии в дагестанских памятниках. Подавляющее большинство этих сосудов сероглиняные. Выразительную группу составляют красно- или светлоглиняные, часто ангобированные кувшины своеобразных форм, которые находят аналогии среди керамики Кавказской Албании – кувшины со сливами, с зооморфными ручками, часто ориентированными (рис. 6).

Кроме того, среди керамики выделяется группа сероглиняных сосудов (кувшинов, кружек и мисок – рис. 7), ближайšie аналогии которым имеются в синхронных курганных могильниках Затеречья – Братское, Октябрьский, Виноградное, Алхан-Кала, Беслан, Зилги. Возможно, появление их здесь вызвано установлением экономических связей сарматов Нижнего Сулака с населением не только южных, но юго-западных территорий.

Так или иначе, можно говорить о том, что керамика Львовских курганов была северокавказского производства. Как отмечалось, основной инвентарь могил – мечи, зеркала, фибулы (рис. 8, 1-4, 6-9) определяет их дату – в пределах конца II – III-IV вв. н.э. Большая часть могил относится, по-видимому, ко второй половине III-IV в., хотя ярко выраженных материалов IV в. здесь мало. Это найденные в некоторых погребениях янтарные грибовидные привески (рис. 8,5), однако характерные для IV в. прогнутые фибулы и пряжки с признаками этого времени здесь отсутствуют, что, возможно, объясняется тем, что вместо них использовались застёжки и пряжки местных типов (рис. 9,1-6). При этом следует отметить, что найденные в ряде могил пряжки-скольгамы не были поясными, а выполняли роль фибул, служа для скрепления одежды: их находят обычно в верхней части груди, у плеча. Все эти пряжки находят многочисленные аналогии в позднеалбанских и раннесредневековых памятниках Дагестана. Наличие их в материалах

Львовских курганов подтверждает факт влияния культуры оседлого населения, в том числе этнографических особенностей костюма древних дагестанских племен, на культуру кочевников.

С другой стороны, здесь же найдены фрагменты нагрудных украшений, состоявших из бронзовых спиралей, сердоликовых 14-гранных бус и привесок-лунниц (рис. 9,8-9), которые хорошо известны в позднесарматской культуре.

В целом, по некоторым особенностям, в первую очередь, погребального обряда можно говорить о том, что оба Львовских могильника оставлены переселившимися на Нижний Сулак из более северных районов, по-видимому, с территории Калмыкии, группировками позднесарматских племен. Необходимо отметить, что имеются и существенные отличия рассматриваемых материалов от позднесарматских. Для последних были наиболее характерны три признака: господство подбойных могил, северной ориентировки погребенных и обычая деформации черепов. Два последние признака представлены в рассматриваемых курганах единичными случаями.

Это связано, по-видимому, с тем, что расселение сарматов проходило раньше окончательного оформления позднесарматской культуры, т.к. на раннем ее этапе, по данным А.С. Скрипкина, господствовала южная ориентировка, как и на Сулаке, и обычай деформации черепов не получил еще своего распространения.

Поскольку большая часть могил датируется поздним временем (вторая половина III-IV вв.), можно говорить о том, что переселившаяся группировка сарматов не была многочисленной. Резкое увеличение населения этого региона связано, очевидно, с теми благоприятными условиями – и климатическими и в первую очередь политическими, которые сложились здесь в III в., в отличие от более западных районов Предкавказья, бывших ареной активных действий аланских племен.

Таким образом, постоянные контакты кочевников степи и оседлых северокавказских племен сказываются в первую очередь на культуре кочевников, которые, сохраняя особенности своего погребального обряда, в материальной культуре испытывают значительное воздействие традиций соседнего оседлого населения. С течением времени определенные изменения наблюдаются и в погребальном обряде, причем далеко не всегда они связаны с проникновением новых этнических элементов.

Однако отмеченные процессы можно зафиксировать лишь в тех случаях, когда кочевники стабильно проживали на определенной территории, поддерживая длительные контакты с определенными группами оседлых племен.

У кочевников, ведущих более подвижный образ жизни (некоторые группировки алан, гуннов и др.), контакты с оседлым населением были менее тесными, поэтому и результаты этих контактов были менее ощутимыми и проследить их значительно труднее.

ЛИТЕРАТУРА

Кожухов С.П., 1994. – Вооружение и конское снаряжение у племен Закубанья меото-сарматского времени (III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кузнецова Т.М., 1991. – Этюды по скифской истории. М.

Марченко И.И., 1996. – Сираки Кубани. Краснодар.

Синицын И.В., Эрднеев У.Э., 1985. – Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста.

Скрипкин А.С., 1984. – Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.

Скрипкин А.С., 1997. – Анализ сарматских погребальных памятников III-I вв. до н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура. М.

Смирнов К.Ф., 1972. – Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1.

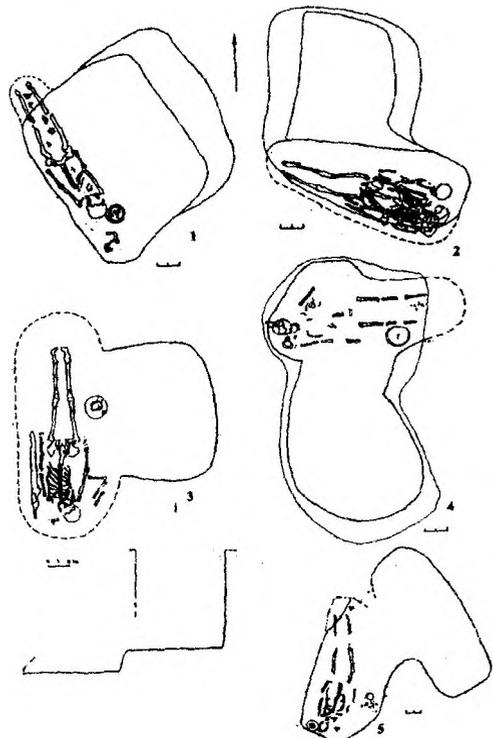

Рис. 1. Подбойные могилы. 1-5- Львовский Первый. 1 — к. 69; 2 — к. 44; 3 — к. 19; 4 — к. 7; 5 — к. 6.

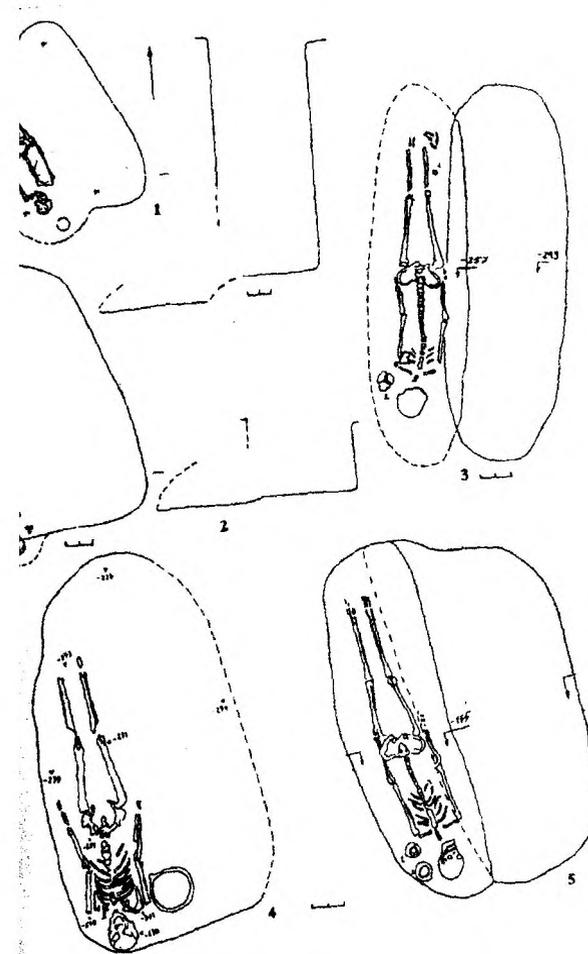

Рис. 2. Погребения в ямах. 1-3, 5 – Львовский Первый – 2: 1 к. 25; 2 – к. 21; 3 – к. 62; 5 – к. 49, п. 2; 4 – Львовский Первый – 4, к. 50.

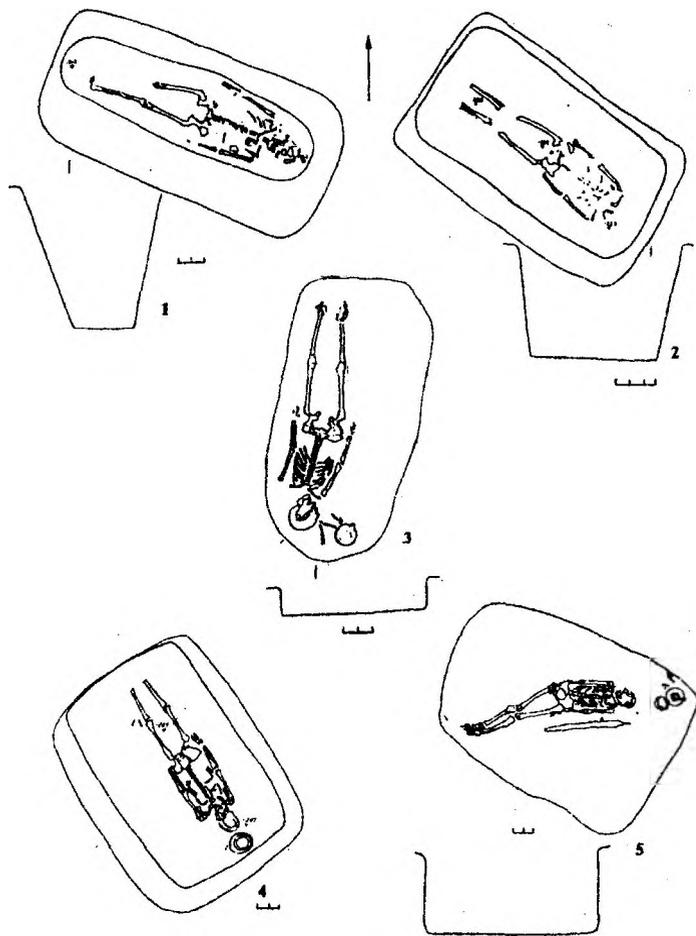

Рис. 3. Катакомбные могилы. 1 – 6 – Львовский
Первый – 2: 1 – к. 57; 2 – к. 27; 3 – к. 24; 4 – к. 70; 5 – 35;
6 – к. 50

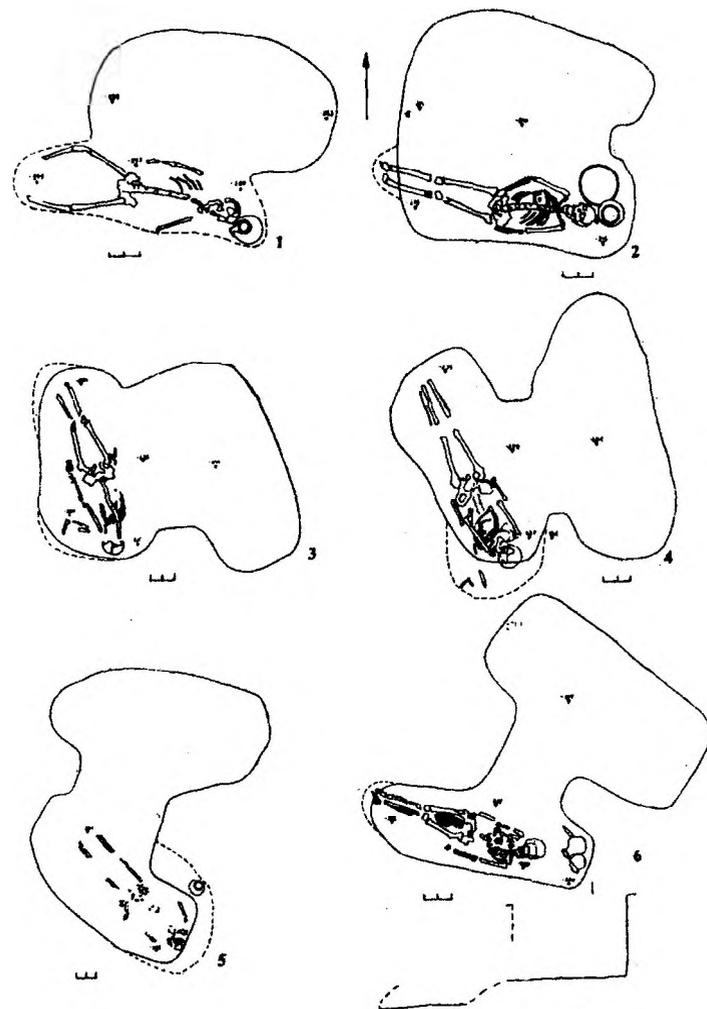

Рис. 4. Подбойные и катакомбные могилы. 1 – 3, 5 – Львовский
Первый – 2: 1 – к. 26; 2 – к. 28; 3 – к. 61; 5 – к. 38;
4 – Львовский Первый – 4, к. 54

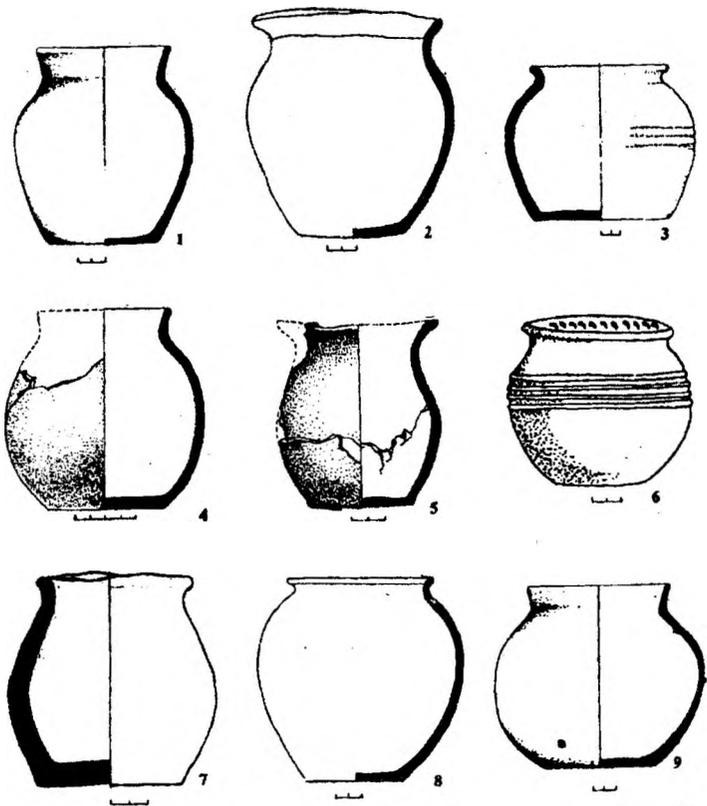

Рис. 5. Горшки. 1, 4 – 6, 9 – Львовский Первый – 2: 1 – к. 35; 4 – к. 15; 5 – к. 17, п. 2; 6 – к. 12; 9 – к. 27; 2, 3, 7, 8 – Львовский Первый – 4: 2 – к. 25, п. 2; 3 – к. 39; 7 – к. 33; 8 – к. 50

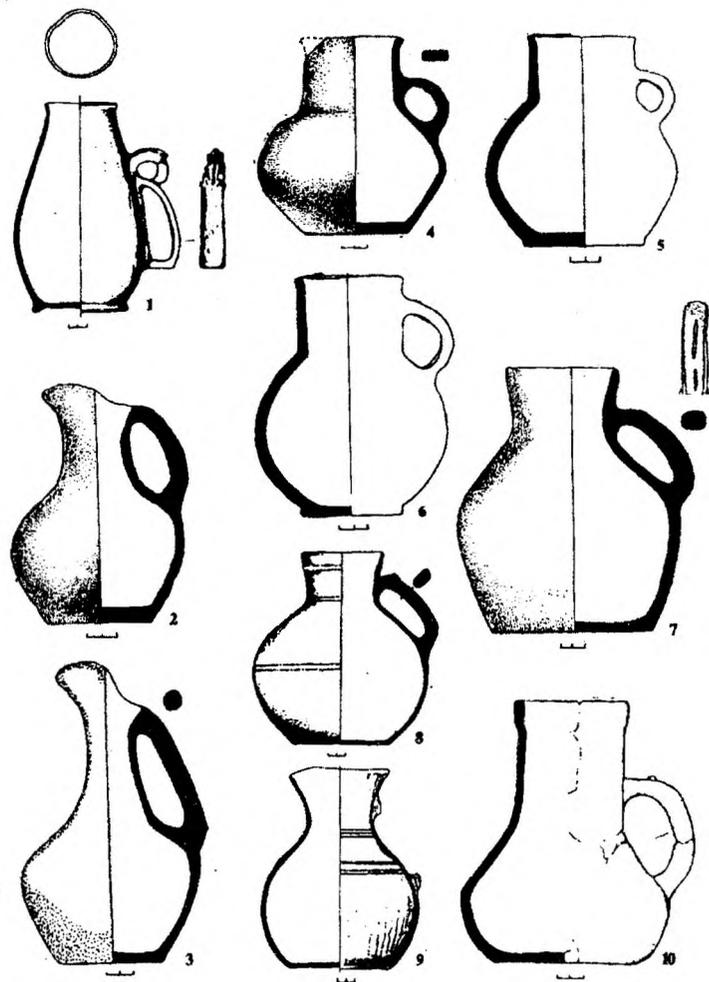

Рис. 6. Кувшины. 1 – к. 25, п. 2; 4 – к. 2; 5 – 36; 6 – 35; 7 – к. 19; 9 – к. 51, п. 1; 2, 3, 8, 10 – Львовский Первый – 2: 2 – к. 17, п. 2; 3 – к. 42; 8 – 61; 10 – к. 80

Рис. 7. Кувшины, кружки, миски. 1, 3, 5, 8 – Львовский Первый – 4: 1 – к. 8; 3 – к. 24; 5 – 31; 8 – 12; 2, 4, 6, 7, 8, 9 – Львовский Первый – 2: 2 – к. 62; 4 – к. 6; 6 – к. 27; 7 – к. 17, п. 2; 9 – к. 4.

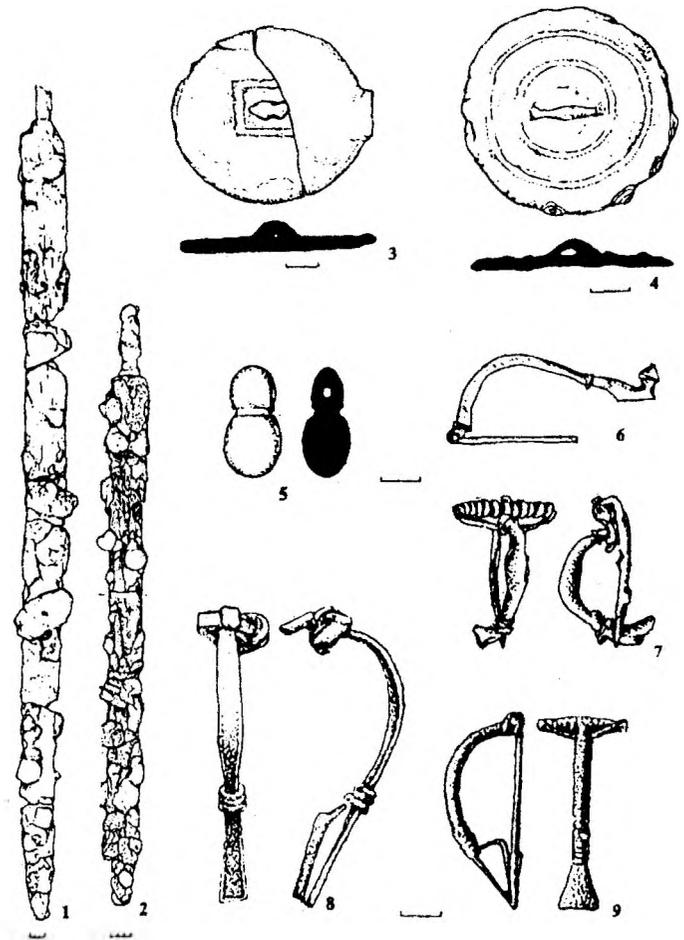

Рис. 8. Печи, зеркала, фибулы, привеска. 1 – 7 – Львовский Первый – 4: 1 – к. 32; 2 – к. 39; 3 – к. 31; 4, 5 – к. 30, п. 2; 6 – к. 24; 7 – к. 7; 8, 9 – Львовский Первый – 2: 8 – к. 27; 9 – к. 47

М.Г. Магомедов (ДГУ, Махачкала),
С.А. Каспаров (ИГ ДНЦ РАН, Махачкала),
Н.В. Тупик (ЦОП МК РФ, Махачкала)

ЦИРКУМКАСПИЙ В ГОЛОЦЕНЕ

На пороге третьего тысячелетия воздействие человека на окружающую среду достигло значительных размеров и стало приводить к локальным изменениям климата. Широко ведущиеся исследования экологов в этом направлении со всей очевидностью показали, что климатические условия даже на протяжении нескольких последних тысячелетий не оставались неизменными. Изменение температуры и влажности приводило к значительному изменению окружающей среды, водности рек, уровня стояния открытых и грунтовых вод, существенному изменению береговой черты. В рамках экологических исследований резко возрос интерес к палеоклимату и стали разворачиваться соответствующие работы.

Широко ведущиеся исследования палеоклимата показали сильную изменчивость климата даже в относительно коротких промежутках времени. Изменение климата оказывает значительное влияние на развитие человечества. Особенно велико это влияние было в прежние времена, когда энергетические возможности человека были значительно ниже, чем сегодня. В то время люди были вынуждены в значительно большей степени приспосабливаться к окружающей среде, чем приспосабливать окружающую среду под себя. Возможно, именно климатическая составляющая была одной из основных причин "неолитической революции" в голоцене и постоянно сопутствовала коренным изменениям в историческом развитии человечества. Авторы попытались учесть влияние этого фактора на историю развития человека в циркумкаспийском регионе.

По современным оценкам, история развития человека насчитывает более 2 миллионов лет. Наиболее ранние находки выявлены в Олдувайском ущелье в Африке и в долине Омо в Эфиопии [Палеолит СССР, 1984. С.18]. Поскольку древние люди были всеядными, не боялись огня и пользовались орудиями труда (галечная техника), они постепенно стали расселяться по всем материкам. Особенно тяготели они к речным долинам, где в изобилии находили воду и пищу. Подобные долины были наиболее развиты в низменностях, которые в Африке составляют 6% от территории (2 млн. кв.км), а в Европе и Азии – более 30% (18 млн. кв.км) [Проблемы ..., 1982. С.28]. К таким низменностям относятся Восточно-Европейская, Русская, Причерноморская, Прикаспийская, Туранская, Западно-Сибирская, Таймырская, Яно-Колымская, Восточно- и Южно-Китайские, Гандская, Индская, Персидская. На этих территориях уже 50-40 тыс. л.н. (мустьерская эпоха) существовали

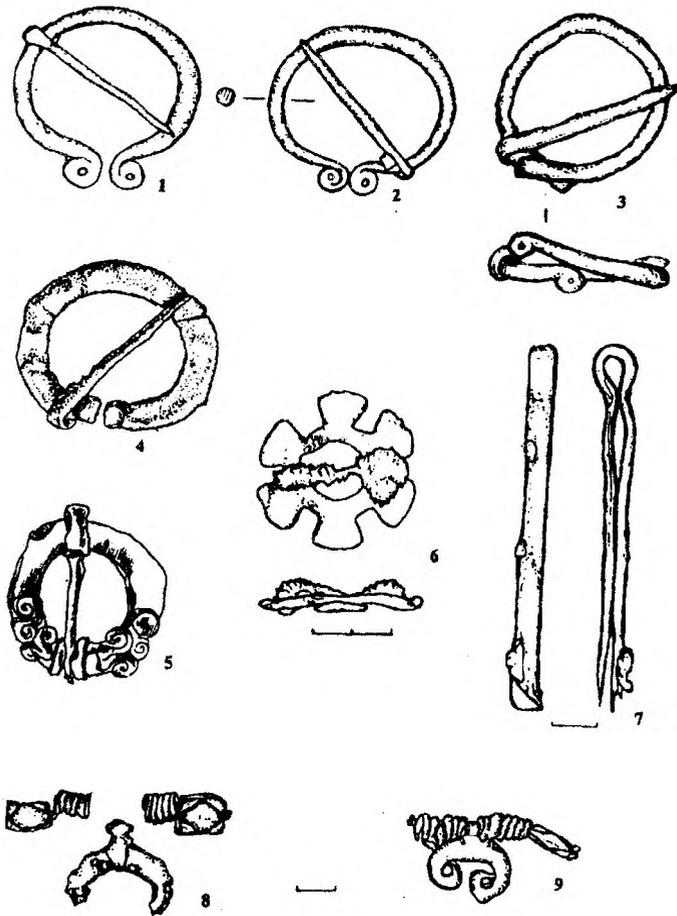

Рис. 9. Пряжки, пинцет, нагрудные украшения. 1 – 3, 5 – 9 – Львовский Первый – 4: 1, 2, 6, 7 – к. 36; 3 – к. 29; 5 – к. 2; 8 – к. 22; 9 – к. 24; 4 – Львовский Первый – 2, к. 25.

стоянки человека (Палеолит СССР, 1984. С. 28, 44, 147, 225), приуроченные к прарекам, которые были значительно больше современных (Проблемы ..., 1982. С. 120). Климат здесь был теплым и влажным (гумидным), что обеспечивало древнейших людей стабильным питанием, добываемым путем охоты и собирательства (присваивающий тип хозяйствования). Они охотились на оленей, копытных, мамонтов и шерстистых носорогов, занимались рыболовством и собирательством, изготавливали одежду из шкур и шатры из костей крупных животных. Таким образом, ареал распространения людей каменного века был широким, они находились в динамическом равновесии со средой обитания, и их распространение изменялось синхронно с изменением площади низменностей. Расширение территории их обитания приводило к количественному росту первобытных коллективов, развитию навыков охоты и собирательства, совершенствованию приемов изготовления каменных орудий труда.

Изменение размеров низменностей происходило в результате колебаний уровня Мирового океана, вызванных оледенениями, которые за последние 2 млн. лет периодически повторялись с примерным интервалом в 250 тыс. лет (штауфенбергское – 920 тыс. л.н., оттоберийское – 820 тыс., гюнцское – 570 тыс., миндельское – 450 тыс., рисское – 200 тыс., вюрмское – 75 тыс. лет) [Назаров Г.Н., 1971. С. 7]. Колебания уровня океана были значительными (порядка сотен метров), что приводило к изменениям размеров низменностей на 40 млн. кв.км [Назаров Г.Н., 1971. С. 43]. Свидетельством таких колебаний уровня океана может служить карта Европы [Назаров Г.Н., 1971. С. 23] с зафиксированными древними продолжениями русел основных рек, ныне находящихся под водами Северных морей, а также динамика изменения уровня океана (рис. 1а) за последние 20 тыс. лет [Глобальный водообмен, 1975. С. 9]. При опускании уровня океана открывались значительные по величине проходы между материками, по которым древние люди мигрировали между континентами.

Зарождение оледенений связывают с периодами существенных летних похолоданий, а время интенсивного их роста, окончательного созревания и разрушения – с периодами относительного потепления [Назаров Г.Н., 1971. С. 29]. В периоды потепления и разрушения ледников древние люди мигрировали в северном направлении, осваивая новые территории (кости теплолюбивых животных – макак, дикобразов и др. – найдены на стоянках древнего человека на Кавказе) [Палеолит СССР, 1984. С. 28]. При наступлении ледника на сушу (покровные оледенения) первобытные коллективы и животный мир откочевывали в южном направлении, поэтому кости типично северных животных (мамонт, шерстистый носорог и др.) находят на обширной территории, в т.ч. и в районе Белиджи и Андрейяула в Дагестане.

Такое расширение и сужение ареала распространения древнейших

коллективов повторялось неоднократно. Начало последнего, вюрмского, оледенения относят к 100 тыс. лет т.н. Оледенение имело несколько стадий развития, приуроченных к периодам 115-100, 75-55, 25-12 тыс. лет [Назаров Г.Н., 1971. С. 30]. Между максимумами существовали периоды относительно теплого климата и отступления кромки ледника. На рис. 2 приведены границы различных стадий существования кромки ледника. Около 50 тыс. л.н. длительное время держался теплый влажный климат, что способствовало широкому расселению древних людей на низменностях Европы и севера Азии. После этого периода, который длился почти 30 тыс. лет, наступило резкое похолодание – валдайская стадия покровного оледенения, которая началась 26 тыс. л.н. и длилась 16 тыс. лет. Ее максимум пришелся на 18 тыс. лет и длился почти 6 тыс. лет [Баранов И.А., 1990. С. 14-20]. Исследователи отмечают суровый характер этой стадии оледенения и возможное широкое распространение “мертвого” льда (зоны деградации), не оставляющего за собой следов (морен) [Назаров Г.Н., 1971. С. 21]. Граница ледникового покрова опустилась до линии современных Париж–Прага–Киев–Волгоград–Алтай [Палеолит СССР, 1984. С. 21; Назаров Г.Н., 1971. С. 77]. Высота ледника превышала 1,5-2,5 км, и он переваливал через горы в Скандинавии [Назаров Г.Н., 1971, с. 20].

Как показали наблюдения академика Л.С. Берга [Аноллов Б.А., 1959. С. 5], суровые зимы в Арктическом бассейне (север Евразийского континента и Северный Ледовитый океан) закономерно приводят к повышению уровня Каспийского моря, а теплые зимы – к его понижению. Таким образом, Каспийское море чутко отзывается на климатические изменения путем изменения уровня стояния своих вод. Это подтверждают и инструментальные наблюдения, ведущиеся с 1860г. Наблюдения за период с 1830 по 1978 гг. отмечают четкую тенденцию к понижению уровня моря. С 1978 г. начинается повышение уровня моря. Одновременно, с 1960 г. отмечено общее глобальное понижение температуры атмосферы Земли и незначительное понижение уровня океана. Инструментальные наблюдения за уровнем Каспийского моря приходится на климатический период, который считается теплым. За последние 100 лет в Каспийском бассейне происходит постепенное потепление воздуха и уровень моря неуклонно снижается [Гюль К.К., 1956. С.312]. О потеплении свидетельствует и постоянно сокращающаяся площадь оледенения в Горном Дагестане [Ахмедханов К., 1998. С. 86]. Сокращение площади горного оледенения приводит к снижению уровня паводковых вод на реках и смещению времени “большой воды” на более ранние месяцы (на весну по сравнению с летними периодами, описанными в источниках начала нашей эры). Непосредственно перед началом инструментальных наблюдений за уровнем Каспийского моря в климате II тыс. н.э. выделяется малый ледниковый период (длился с XIII-XIV вв. до середины XIX в.) [Борисенков Е.П., Пасечный В.М., 1988. С. 62], и, согласно выявленной тенденции, уровень моря в это время повышался. После середины XIX в. он стал понижаться.

За период с 1860 по 1978 гг. при общем повышении температуры атмосферы на 0,8°, повышение температуры в Арктическом бассейне составило более чем 10° [Зенкевич Л.А., 1947. С. 17], а повышение температуры в Каспийском бассейне – 1,9° и площадь освобожденной морем территории достигла 46 тыс. кв.км. В основном это территории в Северном Каспии, Приморском Дагестане, в низовьях Куро-Аракской низменности (Азербайджан), на территории Мисрианской равнины (район р. Атрек в Узбекистане) и незначительные площади в южной части моря вдоль Иранского побережья с городами Астрабад и Астара. Если столь незначительные колебания общей температуры атмосферы приводят к столь значительным колебаниям уровня моря и, соответственно, значительному изменению его береговой черты и зеркала, то при более существенных колебаниях температуры, вызванных покровными ледниками, уровень колебания моря будет более значительным, как и занимаемые или освобождаемые им прибрежные площади.

Высокое стояние уровня Каспийского моря не является для него чем-то необычным. Согласно С.И. Варушенко [1987. С. 36], уровень Каспийского моря бывал ранее и гораздо выше современного (на 1999 г. составляет 26,6 м ниже у.м.). Например, Акчагыльский бассейн простирался далеко в сторону верховий палеорек Волги и Урала, Терека и Куры [Касымов А.Г., 1987. С. 37].

Постоянные короткопериодические (с периодами 100-200 лет [ENCYCLOPEDIA, 1990, р. 48]) колебания уровня Каспийского моря не приводят к выработке устойчивых береговых форм, которые могут быть зафиксированы стандартными геоморфологическими методами, что резко затрудняет выявление таких колебаний и их хронологическую привязку. О постоянном колебании уровня моря говорит и отсутствие проработанных дельт у всех рек, впадающих в Каспийское море, в т.ч. и у Волги, дающей до 80% всего речного стока в море. Большинство рек Иранского побережья дельт не имеют и на конечном участке текут параллельно берегу моря, создавая значительные непроходимые прибрежные болотистые места. По инструментальным наблюдениям за последние 60 лет дельта реки Сулак ведет себя очень динамично. Следует отметить, что письменные источники свидетельствуют о судоходности не только рек Волги и Урала, но и рек Терека, Самура, Куры, Узбоя (последней реки сегодня на карте не существует) [Гаджиев М.С., 1997. С. 103].

Отмечено, что при относительно низкой солёности прибрежные воды моря практически не имеют растительности (зарастают лишь дельты рек), хотя значительная часть побережья Каспийского моря имеет низинный спокойный рельеф и очень незначительный уклон дна (особенно в северной части).

Из исторических примеров, свидетельствующих о резком колебании уровня моря, можно привести земледельческую

джейтунскую культуру, которая существовала на восточном побережье Каспийского моря в VI-IV тыс. до н. э. и интенсивно использовала приемы примитивной ирригации. Единственным источником воды могла быть р. Атрек, которая сейчас течет в глубоком ущелье (в тот период, возможно, ущелья еще не было) [Ставинский Б.Я., 1966. С. 20].

С наступлением валдайской стадии последнего из оледенений древние люди, обитавшие на азиатских и европейских низменностях, начали смещаться на юг, в сторону Средиземного, Черного и Каспийского морей, Средней Азии, как это уже происходило неоднократно. В результате значительные массы древних людей, ранее проживавших на территории Восточной и Западной Сибири и Среднерусской полосы, откочевали на юг и оказались блокированы на ограниченной территории Средней Азии (современная территория республик Казахстан, Узбекистан, Туркмения без их горных районов). Размер этой территории – примерно 3,5 млн. кв.км.

Северной границей этой замкнутой территории была кромка “мертвого” льда значительной высоты, проходившая по линии Приволжская возвышенность – Сырт – Тургайская ложбина – Алтай. Эту кромку называли Гиперборийскими горами, т.к. она представляла собой перемешанные обломки горных пород, почвенного покрова и льда.

Южной границей этой области служили горные ледники на Алтае, Тянь-Шане, Памире, Копетдаге, Эльбурсе и Кавказе [Палеолит СССР, 1984. С. 48], кромка которых опустилась ниже отметки 1,5-2,0 тыс. м [Палеолит СССР, 1984. С. 56], что сделало эту границу практически непроходимой.

Западной границей этой области служило Каспийское море, которое, питаемое подледниковыми водами, имело значительно большие размеры и заполнило собой всю Прикаспийскую низменность до краев, а избыток воды сливался через Кумо-Манычскую впадину в замкнутый бассейн Черного (Эвксинского) озера [Варушенко С.И. и др., 1987. С. 154]. В то время Эвксинское озеро было на 60 м ниже современного уровня Черного моря [Назаров Г.Н., 1971. С. 22] и не имело связи с океаном.

Древние люди и животный мир оказались блокированы на длительное время (порядка 12 тыс. лет) на ограниченной территории Туранской низменности и создали ту критическую массу, которая впоследствии обеспечила переход от присваивающего хозяйства к производящему.

Как видим, высокий уровень стояния вод Каспийского моря сыграл роль преграды, захлопнувшей “котел”. Других объемов, кроме Каспийского моря, для накопления сточных вод на территории от Кавказа и Приволжской возвышенности до Алтая нет. Нет и связи этой территории с океаном. Согласно последним исследованиям, Каспийское море представляет собой зону глубинных разломов земной коры (рифтовая зона) [Хаин В.Е., 1995], где близко к поверхности залегает

мантия и выделение глубинного тепла в 2-3 раза превышает таковое для обычной земной поверхности [Ушаков С.А., Ясаманов Н.А., 1994. С. 23]. Очевидно, этим можно объяснить то, что валдайская стадия юрмского оледенения не захватила Каспийское море.

В результате таяния подошвы ледника мощные водные потоки устремились в Каспийское море, как со стороны Волги, так и со стороны Тургайской ложбины. Следы русел этих больших рек и сейчас прослеживаются в современном рельефе и представляют собой часть бассейна Каспийского моря со стороны Средней Азии. Отметим, что в районе плато Устюрт выявлены останцы с крутыми берегами, явно выработанные в результате действия мощных водных потоков. В крутых берегах останцев на значительной высоте выявлены пещеры, расположенные группами. Именно эти реки и вносили основной вклад в водный баланс Каспия в рассматриваемое время (20-15 тыс. лет н.). Одним из элементов этой водосборной системы было и сегодняшнее Аральское море. Такие реки, как Амударья, Сырдарья, Узбой, хотя и вносили определенный вклад в водный баланс Каспийского моря, но в это время не являлись решающими.

Смещение границ покровных ледников на юг более чем на 2 тыс. км от их современного уровня вызвало соответствующее смещение и сжатие климатических поясов. Климатические условия в “котле”, начиная с 14 тыс. л.н., были умеренными, при которых среднегодовые температуры составляли 3-5°С, среднелетние – 20-25°С [Ушаков С.А., Ясаманов Н.А., 1984. С. 83], а количество осадков – 250-700 мм/г. Наличие двух-трех засушливых месяцев в году приводило к деградации лесной растительности в высокоотравную [Ушаков С.А., Ясаманов Н.А., 1984. С. 67].

Основным местом обитания древних людей в “котле”, равном по площади Западной Европе, были берега многоводных рек, берущих начало у Гиперборийских гор и в верховьях Тянь-Шаня, Копетдага, Памира. В таких климатических условиях, когда леса заменяются лесостепью и степью, прежние способы хозяйствования, в связи с ухудшившимися внешними условиями, начинают постепенно смещаться в сторону более производительных, чтобы обеспечить прожиточный минимум населения данной территории. Одним из самых существенных изменений данного периода явились значительные промежутки времени (по два-три месяца), в которые внешние условия настолько ухудшались, что требовали создания запасов питательных веществ. В результате от охоты человек стал переходить к созданию запасов питательных веществ в живом весе. Для этого вместо охотничьих ям строились загоны, в которые животных загоняли, а затем, по мере необходимости, использовали для пропитания. Подтверждением этого могут служить выявленные с вертолета на плато Устюрт в Восточном Прикаспии следы уникальных и, видимо, очень древних каменных сооружений, интерпретируемых как загоны для копытных, с помощью которых стало возможно их одомашнивание.

Эти загоны аналогичны тем, которые использовались для приручения уже в исторически близкое к нам время азиатских слонов в Индии.

Опыт коллективной охоты на стадных животных (мамонтов, оленей, копытных и т.д.) с применением ловчих чм или естественных обрывов у людей к этому времени уже был. Оборудование загонов для животных, поиск и загон стад требовали объединения усилий значительного количества людей и тесного их взаимодействия между собой. Это способствовало установлению более тесной общности между многочисленными коллективами людей. Коллективы носили достаточно постоянный характер, т.к. операция загона животных была относительно кратковременной и требовала значительных человеческих ресурсов, а последующее использование результатов растягивалось на более длительный срок. Отловленных животных невыгодно было убивать сразу, а перемещать их в живом виде из одного загона в другой было крайне тяжело. Поэтому вокруг загонов формировались родовые стоянки, связанные кровными узами.

Поскольку размеры загонов были относительно невелики, то держать большое количество животных в них длительное время было невозможно. Попытка более длительного использования загонив привела к интенсификации собирательства, причем уже не в интересах человека, а для прокорма животных, которых человек пытался максимально долго сохранить в живом виде. Использование загонив способствовало одомашниванию животных, что позволяло отказаться от строительства больших по размеру загонив и перейти к кочевому способу ведения хозяйства и, соответственно, привлечению меньшего количества людей. Такой способ хозяйствования обеспечивал стада обильным кормом, способствовал их быстрому росту, требовал меньшей численности людей для производства того же количества продуктов питания, обеспечивал легкость смены места обитания без потери пищевой базы (сезонные перекочевки). К этому времени относится одомашнивание копытных, усовершенствование методов передвижения с использованием животных в качестве тягловой силы. Наверное, неоднократно предпринимались попытки одомашнивания и хищных животных, но как и сейчас, они чаще всего заканчивались гибелью владельцев и всего его рода. Эти попытки удались только в отношении мелких хищных животных (собака, кошка).

В результате произошел переход от присваивающих форм хозяйствования к производящим (скотоводство, использование животных в качестве средства передвижения). Это в свою очередь привело к формированию новых отношений между родо-племенными объединениями.

Возрастание сухости климата и как следствие повышение температуры воздуха (аридность климата) привели на рубеже 15 тыс. л.н. назад к отступлению ледника. С отходом границы ледника в Западно-Сибирскую равнину сток вод из-за Урала уменьшился и резко

сократилась водность речной сети Средней Азии. Многие реки перестали впадать в Каспийское море, образовав малые водоемы (Аральское, Сарыкамышское и др.). Водность прАволги в то время была значительно меньше современной, дающей сегодня 80% речного стока в Каспийское море [Глобальный водообмен, 1975. С. 87]. Причиной этого был малый размер водосборного бассейна, т.к. большая его часть имела изостатический прогиб под действием покровного ледника, и его сток был направлен в сторону северных морей. Приледниковые озера Рамзая в начальный (А) и конечный (Б) период развития показывают современные высоты местности, цифры в скобках показывают высоты в период существования приледниковых озер. При отступлении ледника сток приледниковых озер был преимущественно в западном направлении [История Ладожского..., 1990. С. 20]. В результате приток воды в бассейн Каспия резко сократился и его уровень значительно упал (до отметок в минус 75 м от современного уровня океана).

На рис. 3 приведены размеры Каспийского моря в период отступления ледников. На обнажившейся от воды территории Северного Каспия (площадь которой порядка 92 тыс. кв.км [Касымов А.Г., 1987. С. 8]) показаны древние русла рек того времени.

Н. А. Хотинский отмечает, что граница между дриасом-3 и предбореалом (10,5-10,3 тыс. л.н.) является наиболее важным рубежом, отражающим значительные изменения физико-географической обстановки в умеренной зоне Евразии и характеризуется переходом от почти безлесных ландшафтов позднего дриаса к лесным формациям послеледниковья (вызвано коренным улучшением климатических условий умеренного пояса Евразии), за исключением районов, еще занятых убывающими ледниковыми покровами. Этот переход синхронен по всей территории от Англии до восточных склонов Урала и от западной Финляндии до центральных районов Русской равнины [Хотинский Н.А., 1997. С. 147].

Такое изменение климатических условий привело к образованию трех ветвей движения древних людей из "котла". Основная их масса вместе со своими стадами смещалась в сторону все время уменьшающегося в размерах Каспийского моря. Сокращающийся ареал распространения человека потребовал более интенсивных способов ведения скотоводства. Произошла трансформация кочевого способа ведения хозяйства с высвобождением части трудовых ресурсов, которые переключились на собирательство, обеспечивая кормом стада домашних животных в зимние месяцы. В низменностях Северного Каспия, освободившихся от воды, люди нашли богатые гумусом почвы, на которых обильно произрастали злаковые. Переход древнего человека от использования травянистых растений к злаковым был вызван более высокой их питательной ценностью и

возможностью длительного хранения.

Очевидно, в это же время наметился переход от собирательства к целенаправленному выращиванию злаковых (сначала для нужд прокорма стада, а потом и для собственного питания). Древние люди с развитыми навыками скотоводства и зачатками земледелия продолжали распространяться по берегам мелеющего Каспия, постепенно совершенствуя навыки земледелия. Заниматься земледелием можно было на территории Северного Каспия. В Куро-Аракской низменности и в Юго-Западной Туркмении. Подтверждением этому могут служить поиски академиком Н.И. Вавиловым древнейших сортов злаковых культур, которые привели его в Дагестан, где и была локализована одна из областей их изначального культивирования.

Существующий в этой зоне климат с сухим и теплым летом, обилием речной воды создал голоценовый оптимум (золотую середину) между уходящим на север континентальным оледенением и сухостью (аридностью) Южного Каспия и способствовал притоку скотоводов в шельфовые равнины Северного Каспия. По данным В. А. Вронского [1980], это время соответствует мангышлакскому периоду падения (регрессии) уровня Каспийского моря, наиболее сухому климату в голоцене, которое относят к 10-8 тыс. л.н.

Обнажившаяся от воды территория Северного Каспия была самой обширной, на которой 10-8 тыс. л.н. и сложилась общность людей с относительно развитыми навыками ведения скотоводства и зарождающимся земледелием. Природные условия, предшествующий опыт, тесное сотрудничество и взаимное общение разноплеменных групп, обитавших на этой территории, способствовали возникновению новых приемов хозяйствования и как следствие – общих для всех понятий (названия орудий труда, предметов быта, культа и т.д.). Все это позволило за исторически короткое время сформировать значительную по количеству общность древних людей, носителей новых трудовых навыков, языка и быта.

Другой подобной областью был юго-запад Туркмении. Б.Я. Ставинский отмечает, что к югу от дороги на Ашхабад лежит небольшая железнодорожная станция Анау, где выявлено несколько замечательных древних культур Средней Азии [Ставинский Б.Я., 1966. С. 12].

Расписная керамика Анау напоминает глиняную посуду, характерную для многих древнейших земледельческих цивилизаций Ближнего и Среднего Востока, а также юго-восточной Европы (включая распространенную на территории Молдавии и Украины знаменитую трипольскую культуру). Открытие в Туркестане культур расписной керамики (древнейшую отнесли к IX тыс. до н.э.) [Ставинский Б.Я., 1966. С. 13] позволило некоторым ученым видеть в культуре Анау прародину племен, создавших все земледельческие цивилизации Древнего Востока. Выявлен целый ряд последовательно сменявшихся

древнеземледельческих культур южной Туркмении (от зарождения в VI или V тыс. до н.э. самой ранней из них, джейтунской культуры до упадка в конце II тыс. до н.э. т.н. третьей культуры Анау). Грандиозные и уникальные по своему историческому значению холмы Анау на самом деле были лишь двумя небольшими и сравнительно бедными поселениями, которые к тому же отражали далеко не все этапы развития древнеземледельческих культур южной Туркмении. Сейчас выявлено много древних поселений. Самое раннее из известных древних поселений Средней Азии затерялось среди песчаных барханов Каракумов, в 30 км северо-западнее Ашхабада. На вершине песчаного холма выявлена серия каменных орудий и черепок с примитивной росписью (первый сигнал о существовании Джейтунского поселения, названного так по имени близлежащего урочища). Все поселение умещалось на плоской вершине песчаного холма (не более 0,5 га) [Ставинский Б.Я., 1966. С. 14].

Поселение содержало 40-50 небольших домиков с плоскими крышами. Домики сооружены из высушенных на солнце удлиненных кусков глины, перемешанной с рубленой соломой (по виду эти строительные вальки напоминали булку). Каждое жилище состояло из отдельного однокомнатного домика (в среднем около 25 кв.м) и располагавшихся близ него подсобных загоронок и клетушек. В одной из стен (обычно южной или восточной) жилого джейтунского дома помещался узкий входной проем, который завешивали, вероятно, плетеной циновкой или шкурами. Справа от входа (у стены комнаты) помещался массивный прямоугольный очаг, рядом с ним – огороженная площадка [Ставинский Б.Я., 1966. С. 16].

Исследователи считают, что в каждом жилом домике Джейтуна помещалась отдельная семья, а весь поселок принадлежал родовой группе, состоявшей примерно из сорока таких семей. Они вели общее хозяйство и имели единое хранилище продовольствия, а возможно, и необходимого рабочего инвентаря [Ставинский Б.Я., 1966. С. 16].

Сравнение материалов из Джейтунского поселения с другими древнейшими памятниками Средней Азии и близлежащих областей и стран позволило датировать джейтунскую культуру V или даже VI тыс. до н.э. (временем, когда не существовало еще ни древнеегипетских пирамид, ни ирригационной сети древнего Двуречья, ни древнеиндийских городов, ни древнейшей цивилизации долины Хуанхэ). Джейтун – древнейший открытый на территории СНГ поселок оседлых земледельцев, а район распространения джейтунской культуры – своеобразная колыбель древнейших земледельцев [Ставинский Б.Я., 1966. С. 18]. Джейтунская культура – первая из культур анауского круга, начальный этап истории древнеземледельческих обществ южной Туркмении [Ставинский Б.Я., 1966. С. 22].

Вторая ветвь древних людей откочевывала вслед за уходящим ледником в сторону Западной Сибири (Барабинская низменность,

Кулундинская равнина), Алтая, Енисея, Дальнего Востока. Оказавшись в подобных условиях, эти люди стали первыми из отколовшихся от прародины народов, которые в своем развитии остановились на уровне относительно развитого скотоводства.

Третья ветвь древних людей сконцентрировалась вокруг ограниченных и быстро высыхающих внутренних водоемов Средней Азии (Аральское море, Балхаш и др.). Отколовшись от основной прародины на этапе относительно развитого скотоводства, они вынуждены были самостоятельно осваивать в дальнейшем приемы земледелия в неблагоприятных условиях постоянно уменьшающейся водности рек (Амударья, Сырдарья, Узбой и др.) и вынужденной откочевки к их верховьям. По всей видимости, эти народы создали высокоразвитые культуры Средней Азии с орошаемым земледелием и заселили Ферганскую долину.

Согласно палеоклиматическим исследованиям, проводимых на основе пыльцевого анализа отложений торфяников в атлантическом периоде (с VI по III тыс. до н.э.) [Хотинский Н.А., 1997. С. 13] отмечено максимальное послеледниковое потепление климата на Евразийском континенте. Этот период отмечен значительным сдвигом природных зон в северной части Евразии. Смещение границы между лесом и тундрой в северном направлении достигло 200-400 км (возможно, относится ко второй половине атлантического периода), на что указывают находки в торфяниках ныне безлесной тундры макроостатков древесных пород, травянистой растительности и мхов, ареал распространения которых расположен ныне значительно южнее. Ареал широколиственных лесов на Русской равнине наиболее развит и значительно расширился в северном и северо-восточном направлении (вяз и липа распространились на Средний Урал и в юго-западный сектор Западно-Сибирской равнины). В северных областях Западной Сибири во второй половине атлантического периода снова начали преобладать еловые леса. В Восточной Сибири в атлантическое время укрепилась роль древесной растительности, а на Камчатке и Сахалине граница лесов переместилась в горах на более высокие уровни [Хотинский Н.А., 1997. С. 162]. Граница “лес-степь” на юге Русской равнины и в Западной Сибири осталась относительно стабильной. Около 5,5 тыс. л.н. в областях Евразии и Северной Америки (расположены севернее 54–55° с.ш.) зимние и летние температуры были выше, чем в настоящее время. Южнее прослеживается “нейтральная” полоса, где температурный режим мало отличался от современного, а далее на юг (примерно от 40° с.ш.) зимние и летние температуры понижались [Хотинский Н.А., 1997. С. 163].

К этому периоду приурочены на болотах ярко выраженные “пограничные горизонты” разложившегося мха. Находки крупных стволов и пней, погребенных в этом слое говорят о пересыхании болота на это время. Пограничный горизонт охватывает значительную часть

лесной зоны на Русской равнине и Урале, в Западной Сибири и на Сахалине. Аналогичные слои известны в Японии и на Аляске [Хотинский Н.А., 1997. С. 166]. Некоторые болота имеют несколько пограничных горизонтов. Несомненно, что пограничный горизонт возник в результате пересыхания торфяников, чему свидетельствуют погребенные остатки лесов сухолюбивого типа, ботанический анализ торфа и приуроченные к пограничному горизонту стоянки древнего человека [Хотинский Н.А., 1997. С. 168]. На пограничном горизонте возможны перерывы в торфонакоплении (за счет выветривания), т.к. на уровне контакта пограничного горизонта с вновь образующимся торфом отмечены разрывы в 800 и 1400 лет [Хотинский Н.А., 1997. С. 176].

К атлантическому периоду относится и подъем уровня вод мирового океана на 5 м выше современного. Естественно, что столь благоприятные условия были использованы человеком для расширения своего ареала обитания и служили одним из направлений миграции древнего человека с шельфа Каспийского моря. Миграция шла в направлении верховий рек Волги, Урала, Эмбы. Отмечено максимальное продвижение на север стоянок древнего человека и их многочисленность (Мезолит. 1989. С.12, 22).

Граница бореального и атлантического периодов (ВО/АТ) соответствует переходу от анциловой к литориновой стадии Балтики (начало литориновой трансгрессии в южной Швеции датируется 7990 ± 160 (St-732) и 7895 ± 115 (St-720) лет назад [Хотинский Н.А., 1997. С. 149]. Литориновой трансгрессии предшествовала (около 8,0-7,2 тыс. л.н.) фаза низкого стояния уровня вод Балтийского моря. Переход к этой регрессивной фазе фиксируется значительным изменением характера пыльцевых спектров торфяных залежей в Прибалтике и Ленинградской области. Выше этой границы (датируется 8 тыс. лет назад) отмечается резкое увеличение содержания пыльцы широколиственных пород и ольхи, выявлен максимум пыльцы сосны, который и определяет границу ВО/АТ в голоцене Северо-Запада Русской равнины и датируется 7790 ± 265 (Mo-321). Максимум пыльцы сосны, приуроченный к 8 тыс. л.н. и соответствует началу предлиториновой фазы низкого стояния уровня вод на Балтике (эта регрессия, вызвав изменение гидрологического режима обширной территории, привела к одновременному и массовому распространению сосновых лесов на рубеже ВО/АТ). Максимум пыльцы сосны прослеживается и восточнее в центральной части Русской равнины, Приуралья и Среднем Урале [Хотинский Н.А., 1997. С. 150]. Климат наиболее теплый (средние температуры выше современных на 2-3°), влажность чуть меньше современной. К концу периода становится прохладнее, влажность увеличивается [История Ладожского ..., 1990. С. 52].

Проведенные археологами исследования надежно установили

наличие тесных культурных параллелей восточнокаспийскому мезолиту в комплексах янгельской культуры Южного Урала [Матюшин Г.Н., 1961]. Отмечалось распространение в эпоху мезолита и неолита северокаспийских элементов культуры вверх по течению Волги [Мишаев Т.М., 1955] и на территорию Волго-Уральского междуречья.

К числу дальних миграций в этом направлении следует отнести также последующее расселение угро-финских, индоевропейских и других племен по Уралу и Волге вплоть до Северных морей. Эта ветвь расселения существовала значительно раньше средиземноморской и поэтому заслуживает большего внимания.

Последующий в VII-VI тыс. до н.э. подъем уровня Каспийского моря произошел в результате изостатического подъема территории современного бассейна р. Волги и увеличения ее водности. Одновременно произошел сдвиг климатических зон на Север, и Каспий оказался в субтропической зоне со средним количеством осадков до 1000 мм/г. Подъем уровня вод Каспия привел к резкому сокращению освоенной человеком территории и вынудил людей перейти с насиженных мест на более бедные земли, расположенные на возвышенностях.

В результате появились хорошо стратифицированные стоянки древнего человека на территории Дагестана, Устьурта, северных отрогов Эльбурса, приуроченные к VI-IV тыс. до н.э. с относительно развитым производящим хозяйством. Примечательно, что подобные стоянки не имеют подстилающих их археологических корней. Носители этой культуры поселились, как считают исследователи, в горах лишь после конца последнего ледникового похолодания.

Этим можно объяснить отмеченную исследователями каменного века Туркменистана [Борисковский П.И., 1947; Окладников А.П., 1951, 1953, 1956а, 1956б; Марков Г.Е., 1966] и Дагестана [Котович В.Г., 1957, 1961, 1964; Амирханов Х.А., 1987] взаимосвязь комплексов мезолитических и неолитических памятников больших и зачастую весьма обширных территорий вокруг Каспия. В результате этих работ в Юго-Восточном Прикаспии был открыт ряд древних стоянок, изучение которых привело исследователей к выводам о культурном единообразии памятников этого района и об их вхождении в каспийский вариант финально-палеолитической и мезолитической культуры [Борисковский П.И., 1947, с. 8; Окладников А.П., 1951. С. 104]. Эти выводы были еще более обоснованы и подтверждены последующими изысканиями и открытиями новых памятников к востоку от Туркменистана (Узбекистан, Таджикистан) [Окладников А.П., 1966; Ранов В.А., 1965].

Благодаря этим работам, гипотеза о культурном единообразии известных в настоящее время мезолитических памятников Юго-Восточного Прикаспия точно так же, как и взгляд о вхождении их в кавказско-переднеазиатскую зону развития культур, остаются непоколебленной.

Широкий ареал и относительная общность хронологического рубежа возникновения, а также приуроченность их в основном к морским побережьям Туркменистана, Северного Ирана и Дагестана свидетельствуют о неслучайном характере близости памятников очерчиваемого ареала. Очевидное сходство мезолитических комплексов прикаспийских областей объясняется исследователями наличием общей для них культурной подосновы.

Любопытные факты дает топонимика важнейших географических элементов Прикаспия и смежных ареалов, которая полностью утратила связь с языками ныне населяющих эту территорию различных этносов. В то же время эта древняя топонимика, по-видимому, содержит элементы древнейшей языковой праосновы, поскольку включает в себя различные варианты слов, содержащие слог “ра” (Арал, Урал, Туран, Иран, Кура, Аракс, Евфрат, река Ра – древнее название Волги), который, очевидно, связан с фундаментальными понятиями или явлениями того времени.

Вторым направлением миграции людей от наступающих вод Каспийского моря было отступление в пески Средней Азии, на плато Устюрт и т.д. Это направление, по всей видимости, дало подпитку развитию среднеазиатских культур, которые затем сошли на нет из-за неблагоприятных природных условий мест обитания. Вот почему исследователи отмечают, что культурные связи неолитических памятников степей Восточного и Северного Прикаспия “по кремниевому инвентарю сближаются со стоянками кельтеминарской культуры к югу от Казахстана и в Хорезме”. Этим можно объяснить и то, что много общего отмечается и в мезолитических комплексах горного Дагестана и Западного Закавказья. Памятники этой обширной территории также имеют тесные типологические параллели с Юго-Восточным Прикаспием (культуры, распространенные по долинам рек Атрека, Теджены, Мургаба) [Лисицына Г.Н., 1978].

Детальное изучение памятников приводит исследователей к заключению, что между хронологически сравнимыми культурными слоями туркменских пещер и дагестанскими памятниками больше общих черт, чем между последними и памятниками других культур Кавказа. Причиной, обусловившей указанное выше сходство, может быть, как отмечают исследователи, наличие у них единой культурной подосновы. Еще большее их единообразие прослеживается и в неолитическое время

Третье направление – это миграция вдоль западного берега Каспийского моря на юг в поисках аналогичных шельфу Каспия условий существования в низовьях больших рек (Кура, Аракс, Евфрат, Тигр, Нил, Ганг, Инд), благо перевалы Кавказа, Эльбурса и Копетдага в это время были легкопроходимыми. Может быть, отсюда и идет библейская легенда о потопе (подъеме уровня Каспийского моря) и Ноевом ковчеге. Исследователь А. А. Формозов отмечает общее сходство прикаспийских памятников с кавказскими и указывает на более тесную, даже

генетическую связь их с Ближним Востоком. Свидетельством таких связей может служить обнаруженная на дне зерновой ямы в Дербенте глиняная статуэтка, символизирующая культ плодородия, которая вполне сопоставима с аналогичными статуэтками шумерского происхождения (Месопотамия), но более ранняя.

Любопытны также наскальные рисунки, выявленные в Кобыстане (Южный Прикаспий). Согласно экспертной оценке, проведенной самим Туром Хейердалом, тростниковые суда на Каспии существовали на несколько тыс. лет раньше, чем они появились в Персидском заливе и на Красном море.

Столь дальние и быстрые миграции людских общностей были успешными, благодаря изобретению колеса и повозок и использованию животных в качестве тягловой силы.

Археолог Г.Ф. Коробкова в своей обобщающей статье “Мезолит Средней Азии и Казахстана” пришла к выводу, что мезолитические культуры Восточной Европы, Западной Сибири и Средней Азии почти идентичны, только имеют разные варианты [Коробкова Г.Ф., 1989]. По ее убеждению, ошибаются те ученые, которые утверждают, что эта высокая культура пришла в названные регионы из Передней Азии, в частности из Северного Ирана и Северного Афганистана, хотя сходство между ней и культурами Среднего Востока имеются. “Но в целом, – пишет она, – индустрия Восточного Прикаспия, обладая целым рядом особенностей, представляет собой самобытное явление” [Коробкова Г.Ф., с. 152]. Г.Ф. Коробкова полагает, что прикаспийская культура “генетически восходит к местному верхнепалеолитическому пласту”. Она справедливо считает, что племена – носители прикаспийской мезолитической культуры – имели известные культурные контакты с племенами Передней Азии, и именно этим объясняется наблюдаемое в отдельных чертах сходство между культурами племен Восточного Прикаспия и Передней Азии в эпоху мезолита [Коробкова Г.Ф., 1989, с. 152 – 154].

Направления миграции людей из “котла” связаны с особенностями изменения климата в смежных регионах. На рисунке 16 приведены зависимости климатических колебаний в голоцене для трех регионов Евразии (построенные по экологической интерпретации голоценовой истории растительности) из которых следует, что для основных переходов между периодами (кроме SB/SA) наблюдаются значительные климатические переломы [Хотинский Н.А., 1997. С. 180].

Теплообеспечение выявляет глубокую температурную депрессию в конце последнего оледенения и переход на повсеместное потепление, увеличение теплообеспечения с последующим спадом (продолжается по настоящее время). Период нарастания температуры соответствует первой половине последникового, а период спада начался 5,0-4,5 тыс. л.н. Для лесной зоны северной Евразии выявлено три термических максимума: бореальный (8,9-8,3 тыс. л.н.), атлантический (6,0-5,0 тыс. л.н.), суббореальный (4,2-3,4 тыс. л.н.). Самый

первый термический максимум (бореальный) яснее всего проявился в Сибири и на Дальнем Востоке, следующий за ним атлантический и суббореальный – на Русской равнине [Хотинский Н.А., 1997. С. 180].

Для влажности отмечается всеобщий перелом в сторону относительного увеличения на поздне-последледниковом рубеже, далек на Русской равнине и Тихоокеанской окраине России (Сахалин, Камчатка) первая половина выделяется как умеренная и недостаточная влажность, а гигротическая фаза приходится на вторую половину последледниковья. В континентальных районах Сибири гигротическая фаза приходится на бореальный и отчасти атлантический периоды, а фаза умеренной и недостаточной влажности на вторую половину последледниковья [Хотинский Н.А., 1997. С. 182].

Выделяется три основных типа последледниковой динамики Северной Евразии: атлантико-континентальный (Русская равнина, характеризуется двумя термическими максимумами в атлантическом и суббореальном периодах и гигротической фазой в последледниковое время); континентальный (Сибирь с двумя термическими максимумами и гигротической фазой в бореальном и атлантическом периодах); океанический (Тихоокеанский) тип (Камчатка, Сахалин с двумя термическими максимумами в бореальном и атлантическом периодах и гигротической фазой в послебореальное время). Для Северо-Западной Европы характерен атлантический тип (близок к атлантико-континентальному типу и отличается повышенной увлажненностью в течение всего последледниковья) [Хотинский Н.А., 1997. С. 182].

Отмечено, что при увеличении влажности и потепления в Сибири (бореальное и атлантическое время) в атлантиконтинентальных и океанических районах климат был сравнительно прохладный и сухой (Русская равнина) или сухой и теплый (Тихоокеанская окраина России). Увеличение влажности в океанических областях севера Евразии (вторая половина голоцена) сопровождалось уменьшением влажности в Сибири. Причиной могло быть колебание (уменьшение) площади полярного ледяного покрова в бореальном периоде [Хотинский Н.А., 1997. С. 182] и теплое морское течение из Атлантического океана проникало в Баренцево море (пра-Гольфстрим), возникло интенсивное северо-западное перемещение влажных воздушных масс, огибающих Фенноскандию и “орошающих” Сибирь [Хотинский Н.А., 1997. С. 183].

С понижением уровня Каспийского моря часть древних людей возвращалась в прежние места обитания. Каждый раз с поднятием уровня Каспия они вынуждены были покидать благодатную территорию и переселяться в другие области, не занятые водой. Для Европейской части России датировка падения кривой пыльцы вяза (соответствует похолоданию и ухудшению климатических условий) приурочено к 4,6 тыс. л.н. [Хотинский Н.А., 1997. С. 151]. Учитывая динамику уровня Каспия (рис. 1в) [Касымов А.Г., 1987. С. 112], подобные волны расселения людей, ранее компактно проживавших на территории

Северного Каспия, были неоднократными. Каждое расселение приводило к тому, что они приобретали или усовершенствовали свои производственные навыки на его низменностях.

Примером второй волны расселения могут служить культуры Мисрианской равнины на восточном побережье Каспийского моря с широко развитой сетью оросительных каналов, существующих и обновляющихся в течение нескольких тысячелетий, начиная с ... по X в. н.э., когда население окончательно покинуло эту территорию [Лисицына Г.Н., 1978]. Другим примером может служить усиление и падение Хазарского каганата [Магомедов М.Г., 1994], происходившее синхронно с падением и подъемом уровня моря. Резкое изменение уровня, происходящее на наших глазах, делает не столь невероятным и его высокое стояние в начале нашей эры (во времена Кавказской Албании), а так же низкое – во второй половине I тыс. н.э.

В разновременных исторических источниках приводятся крайне противоречивые сведения о Каспийском море. Географы Греции считали Каспий состоящим из 2 замкнутых водоемов, соединенных проливом; Страбон изображал Каспий вытянутым по параллели с запада на восток; по Эратосфену Каспий связан с океаном, и это мнение, возможно, связано с обилием талых вод ледников, что привело к распространению моря далеко на север и через Манычский пролив соединения с Черным морем. Изображение моря, близкое к настоящему, приведено на картах Птолемея. Карты 1320, 1367, 1375 гг. дают изображение моря, далекое от действительности, карта 1459 г. весьма правдоподобна. На всех картах Аму-Дарья впадает в Каспийское море, связь с Черным морем отсутствует. Достоверные данные изображены на картах 1636 г. В 1558 г. англичанин совершил путешествие через Москву и Астрахань в Хиву и Бухару, но составленная им карта и описания неверны [Гюль К.К., 1956. С. 14]. Арабские источники изображают Каспийское море круглым, продолговатым, вытянутым по параллели. Ученые 951-1000 гг. н.э. показывают Каспий в виде круга и называют его Бахру-Хазар, по берегам расположены государства, в середине 2 острова, на картах ученого 1099–1165 гг. море вытянуто с севера на юг; на карте Казвини море круглое [Гюль К.К., 1956. С. 15]. Такой разницей в представлениях о Каспийском море, видимо, только подтверждает его очень большую динамику, приводящую к значительному изменению береговой черты и площади зеркала за исторически короткие сроки.

Свое название Каспийское море получило по имени древних племен — каспиев (коневонов!), населяющих западное побережье моря в I тыс. до н.э. Арабы называли море Гирканским (по названию прибрежной страны Гиркании (страна волков), Абескунским (по прибрежному городу Абескун), Дайлемским, Джурджанским, Кользумским, Хазарским (по имени хазар). Восточные писатели XIII в. Хазарским называли Черное море, а Каспийское называли

Тейлесанским, Иберийским, Гузским (по имени народа гузов). Китайцы называли его Си-хай (Западное море), турки называли Кучук-Дениз, татары – Аг-Дениз, по названию прилегающих стран его именовали Мазандаранским, Табаристанским, Кюльсумским, Гилянским, Персидским, Пехлеванским, Русским, Астраханским, Сарийским, Бакинским, Сальянским, Ширванским, Муганским, Албанским, Дербентским [Гюль К.К., 1956. С. 15], русские называли море Хвалынским (по названию народа, жившего в устье Волги) [Гюль К.К., 1956. С. 15].

Поэтому археологические исследования как на суше, так и на шельфе Каспия приобретают особую значимость в плане расшифровки наиболее древних пластов истории народов земли. Учет воздействия климата на исторические события, происходящие вокруг такого динамического образования, как Каспийское море, вполне может стать тем недостающим звеном, которое позволит разрешить многие тупиковые проблемы истории древних народов, не случайно тяготеющих к Каспию со всех сторон.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х.А., 1987.* – Чохское поселение. М.: Наука.
Аполлов Б.А., 1959. – Каспийская проблема и пути ее разрешения // Проблемы Каспийского моря. М.
Ахмедханов К., 1998. – Горный Дагестан. Очерки природы. Махачкала.
Баранов И.А., 1990. – Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев.
Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988. – Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М.: Мысль.
Борисковский П.И., 1947. – Палеолитические местонахождения в Туркменистане // КСИМК. Вып. 18. М.
Варущенко С.И. и др., 1987. – Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.: Наука.
Вронский В.А., 1980. – Голоценовая история Каспийского моря по палинологическим данным // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Гаджиев М.С., 1997. – Между Европой и Азией: (Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период). Махачкала.
Глобальный водообмен, 1975. – Глобальный водообмен. М.
Гюль К.К., 1956. – Каспийское море. Баку: Азнефтеиздат.
Зенкевич Л.А., 1947. – Фауна и биологическая продуктивность моря. М.: Советская наука.
История Ладожского ..., 1990. – История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки // История озер СССР. Л.: Наука.

- Касымов А.Г., 1987.* – Каспийское море. Л.
Коробкова Г.Ф., 1989. – Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М.
Котович В.Г., 1957. – Чохская стоянка – первый памятник каменного века в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 3. Махачкала.
Котович В.Г., 1961. – Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Т. 2. Махачкала.
Котович В.Г., 1964. – Каменный век Дагестана. Махачкала.
Лисицина Г.И., Массон В.М., 1977. – Изменение природной Среды и хозяйства древних племен Юго-Восточного Прикаспия в VI-I тысячелетиях до н.э. // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М.
Лисицина Г.И., 1978. – Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении (опыт исторического анализа материалов комплексных исследований на юге СССР и Ближнем Востоке). М.: Наука.
Магомедов М.Г., 1994. – Хазары на Кавказе. Махачкала.
Марков Г.Е., 1966. – Грот Дам-дам-чешме 2 в Восточном Прикаспии // СА. №2.
Матюшин Г.Н., 1961. – Стоянка Мурат на озере Узун-куль // СА. №1.
Мезолит СССР, 1989. – Мезолит СССР // Археология СССР / Под ред. Л.В. Кольцова. М.
Минаев Т.М., 1955. – Стоянка с микролитическим инвентарем на черных землях // КСИМК. Вып. 59. М.
Муравьев С.Н., 1986. – Пять античных свидетельств в пользу “птолемеевской” трансгрессии Каспия (IV – II вв. до н. э.) // Древнейшие государства на территории СССР. М.
Назаров Г.Н., 1971. – Оледенение и геологическое развитие Земли. М.
Окладников А.П., 1951. – Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова // Тр. ЮТАКЭ. Т. 2. Ашхабад.
Окладников А.П., 1953. – Изучение памятников каменного века в Туркмении // Изв. АН Туркменской ССР. Ашхабад.
Окладников А.П., 1956а. – Древнейшее прошлое Туркменистана // Тр. ИИАЭ АН Туркменской ССР. Ашхабад.
Окладников А.П., 1956б. – Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийской Туркмении // Тр. ЮТАКЭ. Т. 7. Ашхабад.
Окладников А.П., 1966. – Верхнепалеолитическое и мезолитическое время // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.
Палеолит СССР, 1984. – Палеолит СССР // Археология СССР / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.
Проблемы ..., 1982. – Проблемы системно-информационного подхода к познанию рельефа // СО АН СССР. Новосибирск.

Ранов В.А., 1965. – Каменный век Таджикистана. Душанбе.

Стависский Б.Я., 1966. – Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности). М.: Наука.

Ушаков С.А., Ясаманов Н.А., 1984. – Дрейф материков и климаты Земли. М.

Федоров П.В. Плейстоцен Понго-Каспия. М., 1978.

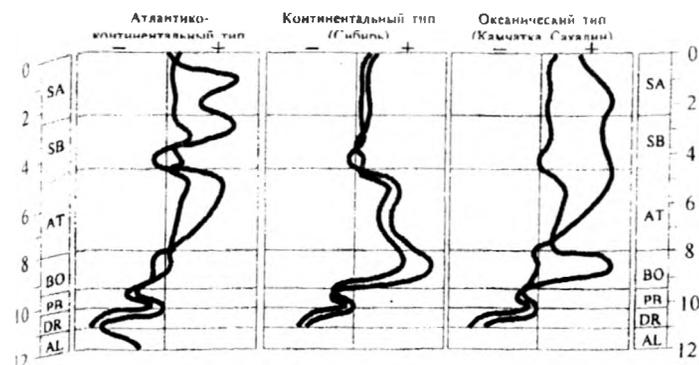
Хаин В.Е., 1995. – Волга великая и древняя (история одной гипотезы) // Природа. 1995.

Хотинский Н.А., 1997. – Голоцен северной Евразии: (Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата) М.: Наука.

ENCYCLOPEDIA, 1990. – ENCYCLOPEDIA IRANICA. Vol. V Fascicle 1. Mazda Publishers Costa Mesa, California.

а

б

в

Рис. 1. Динамика изменения уровня мирового океана за последние 20 тыс. лет (а), климатические колебания в голоцене (б). Периоды регрессий и трансрегрессий Каспийского моря (в) I - раннемахакалинская, II - шинговская, III - позднемахакалинская, IV - багвацкая, V - сартасская, VI - куллинская (мангышлакская), VII - дагестанская, VIII - жиландинская, IX - гоусанская, X - избербашская (махакалинская), XI - гуралинская, XII - александровская, XIII - уллучайская, XIV - ибескунская, XV - позднейшая, XVI - современная. Уровень Каспия * - по данным Муравьева С.Н. (Муравьев, 1986). † - по данным Федорова П.В. (Федоров 1978)

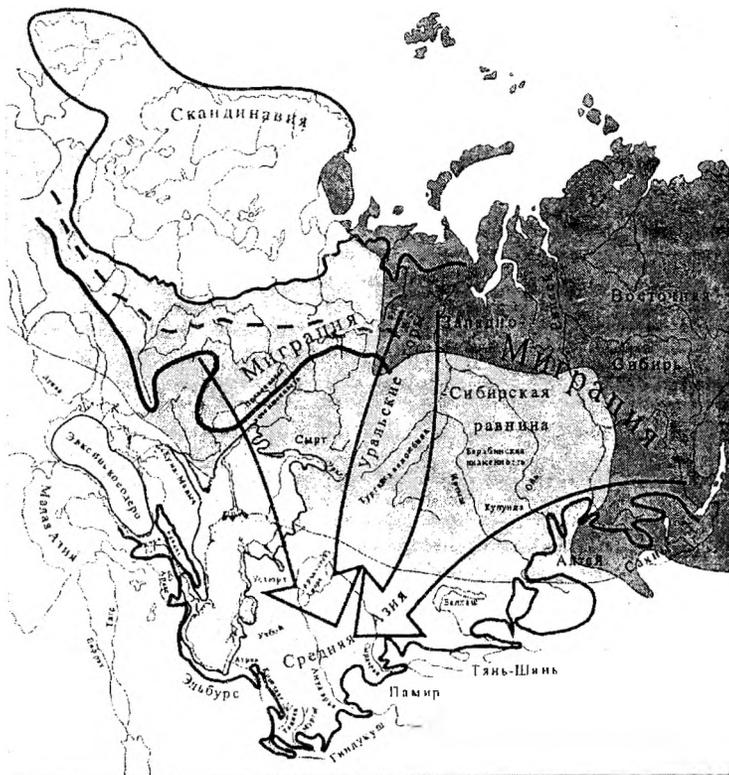

Рис. 2. Эволюция региона вокруг Каспийского моря:

- предпологаемая граница Валдайской стадии Вюрмского оледенения на суше и в горных районах;
- - граница московской стадии оледенения;
- граница днепровского оледенения;
- зона деградации на суше;
- современная зона "вечной" мерзлоты;
- Эвксинская и Каспийская акватория.

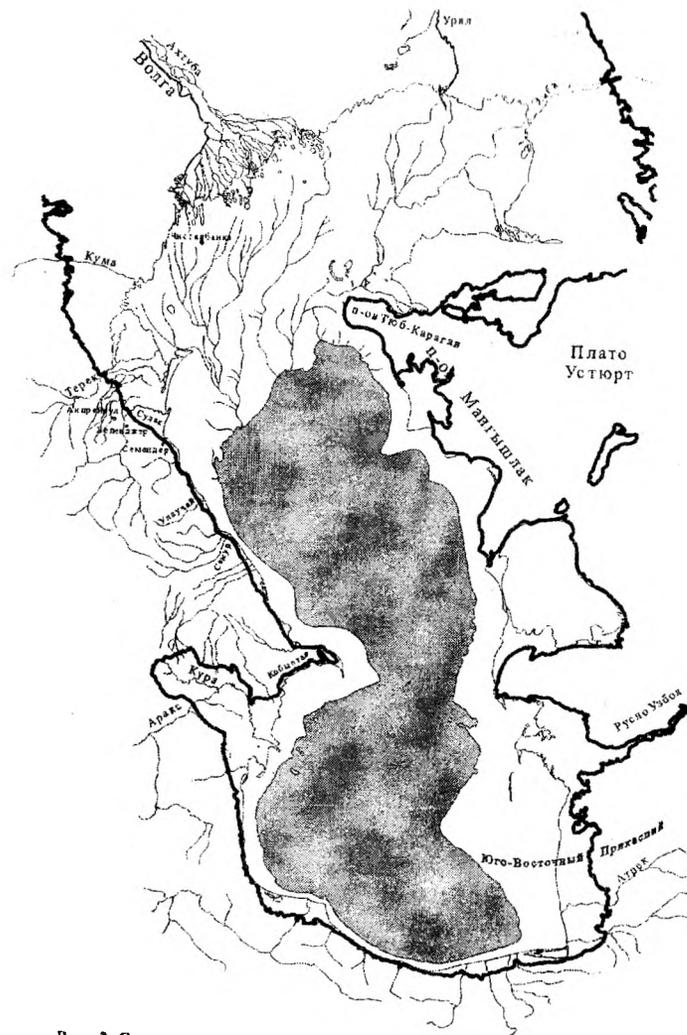

Рис. 3. Сокращение размеров акватории Каспийского моря: жирной линией показана первоначальная граница моря; тонкой линией — современная граница; цветом выделена акватория моря при уровне в минус 75 метров относительно современного уровня океана.

Т.И. Ахундов
(Инс-т ЛЭ АН Азербайджана, Баку)

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ И ВОСТОЧНЫЙ РЕГИОНЫ
ЮЖНОГО КАВКАЗА В V I-III тыс. до н.э.
(Климат, культура, расселение)**

Культура в хозяйственной основе связана с определенными геоклиматическими условиями и в своем расселении непременно стремится занять природные ниши, обладающие необходимыми ресурсами для ведения этого хозяйства. Рост технологического потенциала увеличивает иммунитет культуры на климатические изменения, расширяет спектр благоприятных ниш. Нарушение соответствия культуры окружающей среде приводит к кризису, и если она не обладает достаточным этническим и технологическим потенциалом для преодоления проблемы, то сходит с исторической арены. Все это непременно выражается в постоянном движении видоизменяющегося расселения этнокультурных образований.

По данным палеогеографии центрального и восточного регионов Южного Кавказа начиная с XIII тыс. до н. э. постепенное потепление в VIII-VI тыс. до н. э. (бореальный период) достигает климатического оптимума голоцена, то есть это время характеризуется наиболее благоприятными климатическими условиями – высокими за указанный период температурами и одновременно довольно большим количеством осадков. Но уже в VI-III тыс. до н. э. (атлантический период) в этом регионе одновременно происходит как понижение температур, так и уменьшение осадков. Это время отмечено увеличением предгорных лесов за счет некоторого вытеснения тепло-влажнлюбивых пород растительности более холодо-сухнлюбивыми. В тоже время площади низменных лесов сокращаются и на равнинах устанавливается аридное редколесье, когда степная растительность сочетается с отдельно стоящими древесными породами. Конец атлантического периода отмечен некоторым потеплением, но оно уступало потеплению бореального времени [Велиев С.С., 1994].

Во второй половине VI - начале V тыс. до н.э. (начало атлантического периода) в центральном регионе Южного Кавказа складываются оседло-земледельческие шомутепе-шулаверское и кюльтепинское культурные образования. Первые расселяются на предгорных равнинах у правобережных притоков среднего течения Куры, вторые – на предгорной равнине у левобережных притоков среднего течения реки Аракс. То есть оба образования сложились в однотипных условиях тугайных лесов в зоне аридного редколесья.

Генезис этих культурных традиций дискусионен. Вероятно, сложение их связано с проникновением на Южный Кавказ носителей

переднеазиатских этнокультурных традиций, привнесших сюда не только традицию круглоплановой архитектуры, керамическое производство, но и domestцированных животных и окультуренные злаки. Войдя в контакт с южно-кавказскими этнокультурными традициями (?), они стимулировали (инициировали) сложения новых этнокультурных образований.

Но развитие и, наконец, уход с исторической арены этнокультурных традиций, процесс сложный и в каждом отдельном случае оригинальный. В нем участвует совокупность закономерных и случайных факторов. При этом совокупность в каждом отдельном случае различна. Независимо от состава и количества факторов, в них непременно присутствует этнос – живой бионоситель традиций (биопамять). Наличие в различных по времени или пространству традициях общих элементов, индикатор наличия определенной этногенетической преемственности (в различных по времени традициях) или общности части этно-генетических корней (и в единых по времени но различных традициях, и в различных по времени традициях) (рис. I, II).

Единство принципов расселения и домостроительства, однотипное оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство в обоих образованиях, вероятно, отражение единого этнокультурного импульса, попавшего на Южном Кавказе в различную этно-культурную среду и в результате, стимулировавшего сложения различных по облику этнокультурных образований.

В то же время, различия, главным образом в керамике и месте захоронения покойников, а, возможно, и ареал расселения - отражение роли южно-кавказского элемента в сложении этих образований.

К середине V тыс. до н. э. носители традиции Кюльтепе расселяются к востоку на Мильско-Карабахскую равнину, а во 2-ой половине V тыс. до н. э. - далее на Мугань. В результате, в южной полосе центрального и восточного регионов Южного Кавказа складываются довольно близкие по облику этнокультурные образования: Западное – Нахичеванское, Центральное – Миль-Карабахское, Восточное – Муганское. Каждое из них, наряду с общими кюльтепинскими особенностями, обладало специфическими особенностями, отражающими различные компоненты сложения этих образований.

В конце V – начале IV тыс. до н.э. шомутепе-шулаверская традиция претерпевает кризис, возможно, связанный с некоторыми климатическими изменениями, когда технологический потенциал ее традиционного хозяйства не позволил вписаться в новые условия окружающей среды.

Нельзя исключить и определенные давления со стороны западных и, возможно, южных (наличие саманной керамики, характерной для южных регионов) соседей, присутствие которых прослеживается в памятниках этого времени, а также появление в ее ареале памятников иных традиций, хотя и расселенных в иной топографии (Цопи, Сиони, Кечили).

Во всяком случае, это время отмечено перемещениями на Южном Кавказе. Это освоение Мугани, появление саманной керамики в Гобустане [Мурадова Ф.М., 1988. С. 6-8], перемещение “шомутепе-шулаверцев” к северу от Куры, где в Иоро-Алазанском бассейне и горном Дагестане, вероятно, при участии западно-кавказских элементов, складываются новые этнокультурные образования с ведущей ролью скотоводства.

Одновременно с отмеченным с Юга на Южный Кавказ перемещается новый этнокультурный элемент. Он наиболее ярко выражен в традиции Лейлатепе на Карабахской равнине, где представлен долговременными оседлыми поселениями и высоко технологическим ремеслом. Генезис его в значительной мере восходит к убейдским племенам, переместившимся на Кавказ [Нариманов И.Г., 1985. С.271-272], и стимулировавшим сложение нового этнокультурного образования культуры Лейлатепе.

Несмотря на относительно короткое время существования, главным образом в первой половине IV тыс. до н.э., признаки этой культуры в различной степени представлены на всем Южном Кавказе, в среде иных синхронных культурных образований от Черного до Каспийского моря и в Горном Дагестане.

В середине IV тыс. до н.э. лейлатепинская традиция в центральных и восточных регионах Южного Кавказа сходит с исторической арены и, переместившись на Северный Кавказ, стимулирует сложение ряда новых этнокультурных образований майкопской традиции.

Во второй половине IV – первой половине III тыс. до н.э., когда на завершающем этапе атлантического периода наблюдается некоторое потепление климата, в центральном и восточном регионах Южного Кавказа расселяются носители совершенно новой традиции. Генезис ее дискусионен. На ранних этапах носители этой традиции, видимо, освоили равнины Центрального, а далее и южные районы Восточного регионов, где с их участием сложился ряд родственных, оседлых, земледельческо-скотоводческих этнокультурных образований, объединяемых под названием куро-аракская культура (общность).

К середине III тыс. до н.э. у носителей этой традиции, видимо, повышается роль скотоводства, происходит значительное перемещение в горы и ко второй половине III тыс. до н.э. они почти полностью теряют свой облик, на Южном Кавказе сходят с исторической арены и ареал их расселения занимает ряд новых этнокультурных образований подвижных скотоводов, частично сложившихся с участием “куро-аракцев” [Ахундов Т.И., 1996. С. 38-41]. Это время соответствует суббореальному периоду, когда в этих регионах отмечается возрастание температур и количества выпадающих осадков.

Новые образования, сложившиеся во второй половине III тыс. до н.э. в ареале ранее, в основном, занимаемом носителями куро-аракской традиции, в соответствии со спецификой подвижно-

скотоводческого хозяйства освоили как равнину, так и горы. Ареал каждого из них в отдельности значительно уступал ареалу предшествующей традиции и, возможно, соответствовал ареалам ее локальных этнокультурных образований.

Совокупность генетических компонентов сложения каждого из новых образований оригинальна. В них, наряду с южно-кавказскими признаками, хорошо выражены (главным образом в появлении курганного обряда) элементы, указывающие на активное культурообразующее северное начало, а также на связи с ближневосточными цивилизациями.

Вероятно, во второй половине III тыс. до н.э. те же климатические изменения, послужившие одной из причин затухания на Южном Кавказе куро-аракской традиции, толкнули подвижные племена Северного Кавказа (Восточной Европы) к активному перемещению на Южный Кавказ, где они в новых условиях стимулировали сложение новых этнокультурных образований.

ЛИТЕРАТУРА

Ахундов Т.И., 1996. – К этно-культурной ситуации на Южном Кавказе во второй половине III тыс. до н.э. // ТД конф., посвящ. 120-летию Иване Джавахишвили. Тбилиси.

Велиев С.С., 1994. – Палеогеография Восточного Закавказья и сопредельных областей в позднем плейстоцене и голоцене: Автореф. дис. д-ра геогр. наук, Баку, 1994.

Мурадова Ф.М., 1988. – Энеолитические находки в Гобустане // ГД конф. “Великий Октябрь и развитие археологической и этнографической наук в Азербайджане”. Баку.

Нариманов И.Г., 1985. – Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // ТД конф. “Достижения Советской археологии в XI пятилетке”. Баку.

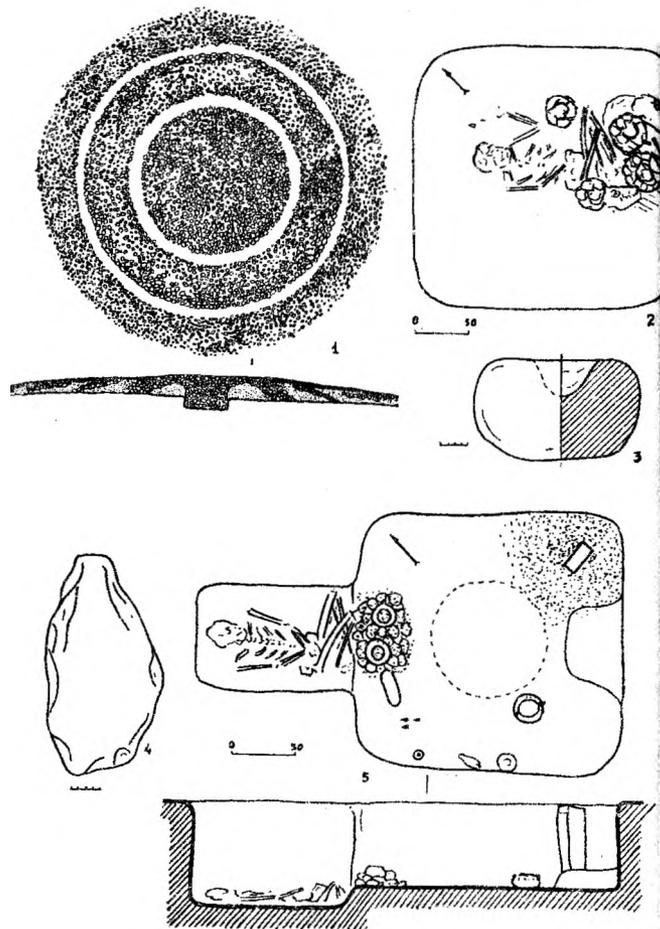

Рис. 1. Курган и подкурганные сооружения Северо-Западного Азербайджана.

Рис. 2. Керамика из подкурганных сооружений Западного Азербайджана.

ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (1991-1997 гг.)
В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

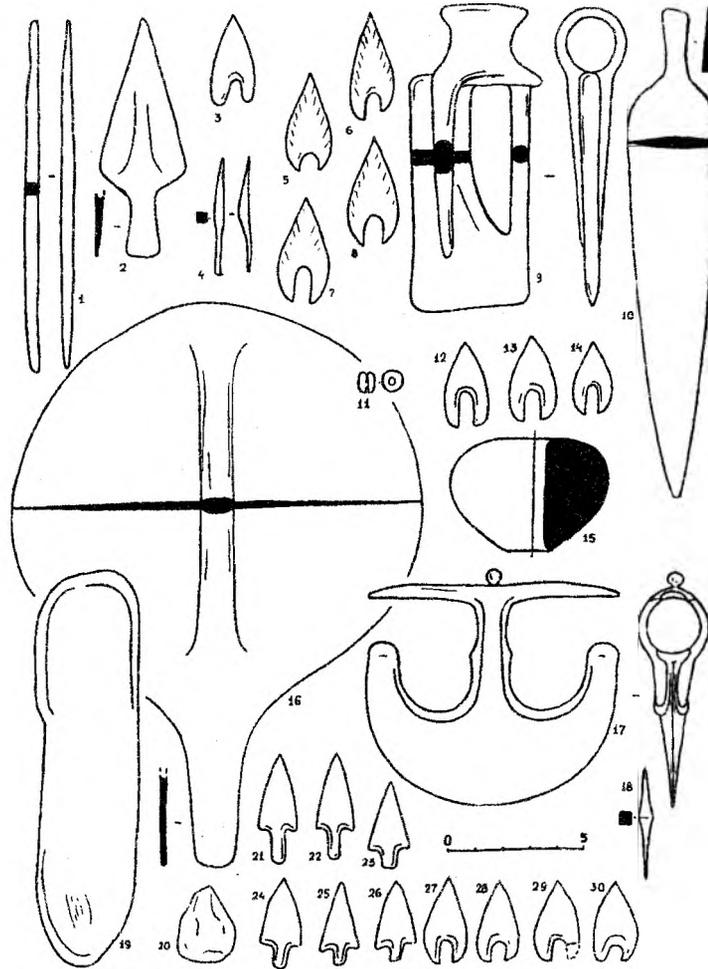

Рис. 3. Материалы из подкурганых погребений.

Наша страна переживает довольно трудное время, — происходит ломка всех прежних устоев, перестройка в мышлении в связи с трансформациями в осмыслении прошлого и настоящего всего мира. Хотели мы этого или нет, но реальности сегодняшнего дня нашли свое отражение и в историко-археологическом изучении всей страны. Если раньше не было ни одной работы, которая до выхода из печати не подверглась бы тщательному научному рецензированию, то теперь возникла “вольница”. Стало возможным издать самую беззащитную подисторическую ложь, выдавая ее за последнее слово науки. Трудности с финансированием государственных учреждений и легкость издания любой продукции за наличный расчет привели к появлению массы псевдонаучных изданий, они наводнили книжный рынок, стали обычным явлением и, к сожалению, такое чтиво получило популярность. К тому же и некоторые достаточно известные ученые сообразились дешевым успехом и в своих новейших работах перешли от академически строгой доказательности к малоубедительным построениям. Теперь можно встретить труды, в которых вполне произвольные начертания рассматриваются как знаки древней письменности, целые тома посвящаются ритуальным деталям степных курганов, которые вольно интерпретируются в эротическом плане в качестве провозвестников ведической мифологии и т.д. (Ю.А. Шилов и др.).

На Северном Кавказе подобные так сказать новации особенно остро ощущаются, ибо затрагивают порой непосредственных предков живущих ныне народов. Обзор подобной литературы лучше всего начать с Чечни.

Можно удивляться не только шквалу беспардонного бандитизма, захлестнувшего Ичкеррию, но и полному разгулу в печати антинаучных версий. В них без всякой элементарной логики решаются вопросы происхождения вайнахского населения — чеченцев и ингушей. Создается впечатление, что в Чечне не осталось ученых, которые могли бы дилетантщине противопоставить строго научные данные. Так, некто А. Измаилов объявляет вайнахов выходцами из Египта. Основанием для такого исторически ответственного утверждения служат чеченские средневековые петроглифические изображения. Он их без всякого анализа, а на глазок сравнивает с древнеегипетскими петроглифами. Для большей убедительности привлекаются даже некоторые

фонетические созвучия, а христианский храм Тхаба-Ерды грузинской постройки XI-XII вв., стоящий на р. Ассе, становится местом, откуда египтоносные вайнахи оттеснили христиан и затем заселили горы, привнеся вместе с собой языческие верования. А вот нечто другое. Ю. Хадзиев в газетной заметке, а затем Р. Плиев в небольшой книге попытались представить все тех же вайнахов на этот раз потомками этрусков. Ключом к такому неожиданному мнению явились некоторые языковые натяжки и относительные совпадения типа тушины Кавказа - это туски Апеннин и т.д. Стоит ли здесь говорить о полном отличии духовной и материальной культуры этрусков от культуры вайнахов. Не выдерживает критики и еще одна ничем не обоснованная версия о том, что вайнахи - основные наследники не только некоторых языковых форм (по Ю. Дешериеву), но и всей культуры хуррито-урартов (версия Х. Бакаева и др.). Здесь снова полная путаница между известным сходством в строе языков и полным различием во всем комплексе исторически сложившихся культурных достижений [См. Марковин В.И., 1994. С. 51-56; 1996. С.92. В этих работах библиография, особо выделю — Плиев Р.С., 1992]. И ни одного замечания со стороны местных специалистов по поводу всего сказанного. Даже в новейшей книге М. Мужухоева, посвященной культуре ингушей, ни слова не говорится об этих псевдонаучных мнениях [Мужухоев М.Б., 1995. С.7-21]. Этнической истории коренных народов Дагестана менее всего коснулось бездумное перо подобных историков. Прежде всего оно прошло по Кавказской Албании (книга Г.Абдурагимова) [Абдурагимов Г.А., 1995], скомкав исследования таких классиков науки как М.И. Артамонов, В.Г. Минорский, К.В. Тревер и новейшие работы О.М. Давудова [Давудов О.М., 1997. С. 168-170; 1996.]. К сожалению, даже Б. Бутаев и Р. Маршаев не избежали искушения прибегнуть к сомнительным лингвистическим сопоставлениям, чтобы утверждать месопотамское происхождение лакцев [Маршаев Р., Бутаев Б., 1992. С.10-12].

Очень усложнился вопрос о происхождении тюрко-язычного населения Северного Кавказа. Все началось с того, что ныне покойный И. Мизиев объявил шумеров предками балкарцев и карачаевцев, а затем с его легкой руки тюрками стали скифы, сарматы и аланы и, наоборот, кыпчаки были совершенно исключены из становления местного тюрко-язычного населения [Мизиев И.М., 1986. С. 32, 65 и др.]. Вся историческая картина Северного Кавказа приобрела единый тон, окрашенный тюркоязычием древних жителей, начиная с возникновения майкопской культуры. Если же вспомнить возникшие вслед за тем построения К. Кадыраджиева о том, что не просто какие-то тюркские племена, а конкретно прототюрки в лице протокумыков с X тысячелетия до н.э. (с эпохи мезолита - !!!) занимали огромные пространства (Анатолию, Месопотамию, Кавказ, Иран, Среднюю Азию) [Кадыраджиев К. С., 1992. С.151], то взгляды И. Мизиева просто тускнеют. Если можно было бы как-то обосновать это утверждение К.Кадыраджиева, то мы стояли бы

перед важным этнологическим открытием. Представляет, протокумыки уже ощущали себя будущими кумыками в период, когда не было в обиходе никаких металлов, даже керамики, когда люди радовались каждому удачно сколотому кремню, когда на небосклоне истории не появились еще египтяне, греки и те же самые шумеры... Увы, антропологи для X тысячелетия до н.э. стараются не говорить о расах, а лингвисты - о конкретных семьях языков.

Таким образом, в современной литературе ареал расселения прототюрков не только в пространстве, но и во времени приобретает огромные габариты. Их можно было бы считать даже безмерными, если к сказанному добавить, что А. Кифишину удалось “прочитать” с прототюрмерского наскальные начертания Каменной могилы под Мелитополем (Украина). Как он считает, здесь повествуется о божествах Ану, Энлиле и Инанне. Правда, о тюркоязычии шумеров и их предков А. Кифишин умалчивает [Нечипоренко В., 1996]. Доклад на эту тему был сделан А.П. Кифишиным на заседании Отдела эпохи бронзы Института археологии РАН в 1996 г. Мне показались доводы докладчика малоубедительными в возможности прочтения местных наскальных изображений [см. также: Рудинский М., 1961; Формозов А.А., 1969. С.135-140]. Но даже и без открытия А. Кифишина указанные тюркские версии, сконструированные разными авторами (К. Лайпанов, М. Джургубаев и др.), сильно разрослись. Все эти труды вызвали критические выступления в печати [Марковин В.И., 1990. С.110-113, Он же, 1994. С. 58-60; Он же, 1996. С.95, 100, 101; Чеченов И.М., 1990. С.148-151, Магомедов Р.Г., 1995. С.126-142 - там же библиография] и серию докладов на конференции, проходившей в Махачкале в 1997 г. Она была специально посвящена состоянию и перспективам исторической науки на Кавказе. Таковы выступления И. Чеченова, Г. Федорова, Х. Биджиева, М. Биджиевой и др. (см. тезисы). Думаю, что хорошо аргументированная монография о генезисе тюркоязычных народов Северного Кавказа пришлось бы сейчас и ко времени и к месту. Ее должны писать специалисты не только знающие историю, но и обладающие теоретическими знаниями в области лингвистики.

Как видим, целый ряд сложных вопросов порождено последними “новациями” в тюркологии. И если почти на государственном уровне балкарский и карачаевский языки в некоторых печатных органах (газеты “Терек” и “Балкарский форум”) стали называть аланскими языками, то соседняя ираноязычная республика - Северная Осетия приобрела второе название - Алания. Здесь давно уже идут споры вокруг двуприродности в происхождении осетин - древней местной, кавказской племенной основы (“яфетического” субстрата) и более позднего включения в нее ираноязычного компонента (суперстрата) в лице скифов и сармато-алан. Эта наиболее вероятная теория удовлетворяла далеко не всех. Почему-то хотелось подчеркнуть свою историческую исключительность, видимо, забывая, что каждый народ

в своем роде исключителен.

Прежде всего появилась тенденция утверждать глубокую древность местного ираноязычия (М.Блиев, Т.Тургиев и др.). Для этой цели стало использоваться мнение В. Сафронова о связях майкопской культуры III тысячелетия до н.э. с европейскими культурами шнуровой керамики и шаровидных амфор, к которым несколько позже была добавлена культура воронковидных кубков (А. Резепкин). Носителей этих пришлых северных культур языковеды обычно относят к индоевропейцам (Г. Гамкрелидзе, В. Иванов и др.). Данное утверждение, как и некоторые другие, непосредственно связанные с майкопской археологической культурой, плохо согласуются с конкретным материалом [Марковин В.И., 1996. С. 95, 100 - 101 — там же библиография]. В итоге получается, как замечает Р. М. Мунчаев, “в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской” [Мунчаев Р.М., 1994. С. 165].

Сейчас, помимо “увлечения” вращением северо-европейских племен эпохи бронзы в почву Кавказа, в построениях осетинских археологов возникает нечто новое. Так, известный археолог Б.В. Техов высказал такое мнение: в центральной части Кавказа в III тыс. до н.э. жили индоевропейцы - хетты, которые и остались здесь - в теснинах Терека, между Эльбрусом и Казбеком. На их ираноязычие наслоилося ираноязычие племен катакомбной культуры (?), киммерийцев, скифов и сармато-алан. Так возникли осетины.

Аргументы в пользу сказанного очень бледны: 1. Герои осетинского нартского эпоса говорят на хаттском языке (замечу, язык хаттов, в отличие от хеттского, не индоевропейской структуры, он связан с древнейшими жителями Малой Азии); 2. Женские украшения кобанских могильников в Тли, Стырфазе и др. схожи с украшениями современных народов Индии; 3. Змеи часто упоминаются в верованиях осетин, что характерно для индоевропейцев, их изображения известны на кобанских топорах; 4. Свастика, характерна для индоиранцев и ни у кого более не встречается (доводы 2-4 очень сомнительны).

Общий “неоспоримый” вывод из версии, предложенной Б. Теховым: археологическая культура (имеется в виду кобанская культура), создававшаяся на северных и южных склонах Центрального Кавказа (Кобань - Тли) во второй половине II и первой половине I тысячелетий до н.э., принадлежит обосновавшимся здесь индоиранским племенам, только им и никому более [Техов Б.В., 1993. С.24; 1993. С. 4, 5; 1994. С.5-15].

У Б. Техова нет грандиозных картин, подобных рисуемому И. Мизиевым. Все очень скромно. Во II тысячелетии до н.э, хетты, кроме тех, что остались в центральной части Кавказа, уже начали спускаться в Малую Азию (каким путем они шли - ?), где и осели. Остальное должен домысливать читатель. Вероятно, после малопродуктивного кавказского периода в их жизни они только в Азии развернули все возможности

своей культуры, при этом не оставив по горным дорогам Кавказа ни одного своего памятника (могильника, поселения, надписи). Естественно, в реальной жизни такого не могло быть - следы движения хеттов сохранились бы [Герни О.Р., 1987; Гиндин Л.А., 1993]. В Малой Азии их не выдуманная, а настоящая история становится известной только с 1900 г. до н.э.

Мнение Б.В. Техова ничего не вносит положительного и в решение многих, еще неясных вопросов, связанных с кобанской культурой. Однако сказанное не умоляет заслуги Баграта Виссарионовича в изучении кобанских древностей. Без его трудов в этой области никакому специалисту не обойтись.

Уточнение ряда положений по происхождению осетин было вынесено на страницы газет в виде интервью с В.А. Кузнецовым, затем открытого и очень грубого письма Б.В. Техова по этому поводу и достаточно корректного ответа В. Кузнецова на данное выступление Б. Техова. Оставим за рамками моего обзора все частности. В.А. Кузнецов, придерживаясь “двуприродности” в происхождении осетинского народа, замечает, что хорошо известных скифов, сарматов и алан нельзя полностью отождествлять с осетинами и их историю считать историей осетин, они лишь компонент сложного осетинского этноса. Далее, не следует, как это делает Б.В. Техов, приписывать скифам, после эллинов, самую высокую цивилизацию, забывая о культурных достижениях таких стран как Египет, Двуречье, Китай и др. [Баскаев В., 1995]. Б.В. Техов не согласен с оценками В.А. Кузнецова. У него, Б.В. Техова, скифы являются жителями не только степей, но и нагорий центрального Кавказа. Они творцы “весьма высокой культуры”, своеобразным показателем чего являются изделия из бронзы, покрытые гравировками, которые заменяли им письменность. “Осетинский народ - продолжатель традиций создателей центральнокавказской этнокультурной общности вообще, кобанской культуры в частности, их наследник, приемник и продолжатель” [Техов Б.В., 1995]. Совершенно прав В. Кузнецов, заметив значительные “эволюции во взглядах Б. Техова [Кузнецов В.А., 1996]. Еще в 1980 г. он писал о “длительных” контактах горцев Центрального Кавказа со скифами [Техов Б.В., 1980], теперь же и они, эти горцы, рассматриваются как скифы, а скифы - осетинами, и в угоду этой тенденции “омолаживаются” отдельные археологические предметы и т.д. Подобная бездоказательная смена исторических ориентаций к научной истине не ведет. Наверно, ученым Осетии не мешало бы провести на подобную тему специальную конференцию, пригласив на нее ведущих скифологов и сарматологов.

Еще относительно недавно вопросы истории религии находились в основном под запретом или разрешались к изучению с позиций воинствующего атеизма. Теперь, слава Богу, бери перо и пиши. Но вот что писать, как писать, кому писать и для чего? Это вопросы вопросов.

Просматривая, литературу последних лет, диву даешься, - сколько же пишется в этой области чуши! И пишут в основном или бывшие атеисты, теперь считающие себя сугубо верующими, или полные неучи. Вот пример: некто С. Плачинда утверждает в своем словаре древне-украинской мифологии, что волхвы, спешившие поклониться только что родившемуся Иисусу Христу, были украинцами [Королев А., 1993]. Это-то в древней Палестине?! А вот осетинские “богословы-историки” В.Л. Хамицев и А.Ч. Балаев в своем печатном труде торжественно провозглашают Деву Марию скифянкой (мы уже знаем, что скифы это осетины), все древние жители Палестины - осетины, а с ними и Иисус Христос. “Названия северных колен израильского народа - Асир, Махир, Дан легко переводятся с осетинского языка, языка скифов - алан” [Хамицев В.Л., Балаев А.Ч. Давид, Сослан, Фридрих Барбаросса., 1992].

Совсем недавно появился еще один богословский экскурс, на этот раз связанный со святым великомучеником Георгием Победоносцем (память 23 апреля - 6 мая). Речь идет о месте его смерти и захоронении. В интервью дагестанской газете “Новое дело” (публикация 17 мая 1996 г.). Мурат Аджи (Аджиев), автор книг “Мы - из рода Половецкого” и “Полынь Половецкого поля”, заявил, что захоронение св. Георгия находится в Прикаспии, несколько южнее Дербента. Совершенно прав дагестанский археолог М.С. Гаджиев, который в двух газетных заметках [Гаджиев М.С., 1996; 1997], говорит о путанице, которую допустил в своей версии маститый писатель М. Аджи, спутав житие армянского епископа - св. Григороса (умер в 30-х г. IV в.) с житием каппадокийца св. Георгия Победоносца (убит в 303 г.). Такое бывает. М. Аджи не принял замечания М.С. Гаджиева, хотя и не оставил их без ответа. Судя по статье М. Аджи в “Независимой газете”, у него действительно имеет место совмещение двух житий [Аджи Мурат, 1997]. Я бы сказал больше, судя по этой заметке, как и некоторым другим его газетным публикациям, не будь горков-кыпчаков, то и христианство со всеми его религиозными атрибутами не состоялось бы. Будем ожидать дальнейших откровений в данной области.

Но как появилась указанная версия? Досужий читатель может подумать, что Мурат Аджи вел большие самостоятельные исследования в области христианской агиографии. Ничего подобного. Его “исследования” пустая компиляция из классического труда К.В. Тревер, посвященного Кавказской Албании [Тревер К.В., 1959. С. 189-196] и какого-либо популярного жития св. Георгия. Дилетанство нашего автора выдает и безапелляционная манера изложения - ему все ясно в жизни святого, а вот таким исследователям как А.И. Кирпичников, П. Васильев, И. Крачковский, А. Веселовский, А. Хаханов и др. далеко не все было понятным в агиографии, появившейся вокруг личности св. Георгия Победоносца [Васильев П.П., Кирпичников А.И., 1993. С. 406-407 — там же библиография].

История религии не из легко научно исследуемых дисциплин. Это только с позиций пустого атеизма она кажется пустяковой. Если же перелистать хотя бы труды П. Флоренского и А. Меня, то можно заметить, что каждое слово у них тщательно обдуманно, обосновано и ненужные эмоции подавляются силой логики.

Затянувшийся обзор показывает, что в научном кавказоведении на сей день возникли серьезные проблемы. Их можно исправить только публикацией хорошо обдуманных работ монографического порядка, газетных статей на актуальные темы, открытых выступлений и диспутов. Любой народ Северного Кавказа прошел огромный исторический путь, и он заслуживает не анекдота, а вдумчивой летописи своей жизни. Конечно, трудно пресечь тенденции писать на потребу дня и тем более закрыть доступ к читателям тем авторам, которые уже проторили путь к сердцам людей своими сенсационными “открытиями”. Жаль, что современное финансирование - гранты, специальные фонды с псевдо-специалистами (“экспертами”) и т.д. не способствуют, а только мешают и настоящим плодотворным исследованиям и публикации их результатов. Все эти трудности нам еще предстоит преодолеть.

ЛИТЕРАТУРА

Абдурагимов Г.А., 1995 — Кавказская Албания. Лезгистан. История и современность. СПб.

Аджи Мурат, 1997 — Бесстрашный до безрассудства // Независимая газета. 22 января. № 10 (1335).

Баскаев В., 1995 — История не воспринимает амбициозности (беседа с В.А. Кузнецовым) // Газ. Отчизна. № 5 (36). Владикавказ.

Васильев П.П., Кирпичников А.И., 1993 — Георгий Победоносец // Энци. словарь “Христианство”. Т.1.

Гаджиев М., 1996 — Могила Святого Георгия Победоносца в Дагестане - миф, а не открытие // Новое дело. 7 июня 1996. № 23. Махачкала.

Гаджиев М., 1997 — Блеф о Святом Георгии // Дагестанская правда. 22 мая.

Герни О.Р., 1997 — Хетты (Очерк истории и культуры хеттов). М.: “Наука”.

Гиндин Л.А., 1993 — Население гомеровской Трои (историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии). М.

Давудов О.М., 1997 — О спекуляции вокруг этногенеза и этнической истории // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. Тез. докл. научн. конф. - Махачкала.

Давудов О.М., 1997 — Материальная культура Дагестана и Албании в раннем средневековье. - Махачкала, 1996.

Кадыраджиев К.С., 1992 — Загадки кумыкской и тюркской

истории от Эгейского до Каспийского морей. Махачкала.

Королев А., 1993 — Украина как родина слонов, а также всего живого на Земле // Независимая газета, 10 октября.

Кузнецов В.А., 1996 — Какую истину мы ищем? (О статье Б.В.Техова) // Отчизна. февраль. № 1 (138). Владикавказ.

Магомедов Р.Г., 1995 — По поводу одних историко-лингвистических загадок // Алародии. Этногенетические исследования. Махачкала.

Марковин В.И., 1994 — Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // РА. № 1.

Марковин В.И., 1996 — Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность // РА. № 3.

Марковин В.И., 1990 — Спорные вопросы в этническом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура) // СА. № 4.

Маршаев Р., Бутаев Б., 1992 — История лакцев. Махачкала.

Мизиев И.М., 1986 — Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус.

Мужухоев М.Б., 1995 — Ингуши (страницы истории, вопросы материальной и духовной культуры). Саратов.

Мунчаев Р.М., 1994 — Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука.

Нечипоренко В., 1996 — Самый древний текст на земле (Открыто единое информационное пространство каменного века) // Независимая газета. № 86 (1165). 14 мая.

Плиев Р.С., 1992 — Нахские языки - ключ к этрусским тайнам. Грозный.

Рудинский М., 1969 — Кам'яна могила. Київ.

Техов Б.В., 1980 — Скифы и Центральный Кавказ в VII - VI вв. до н.э. М.: Наука.

Техов Б.В., 1993 — Тайна Кобани // Эхо Кавказа. № 1. М.

Техов Б.В., 1993 — Осетины древний народ Кавказа (Истоки, культура, этнос). Цхинвал: Иристон.

Техов Б.В., 1994 — К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов и до осетин (материалы по осетиноведению). Вып. 1.

Техов Б.В., 1995 — В. А. Кузнецов - мне друг, но истина дороже / Южная Осетия. 5 ноября. № 80 (318). Цхинвал.

Тревер К.В., 1959 — Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л.

Формозов А.А., 1969 — Очерки по первобытному искусству. М.: Наука.

Хамицев В.Л., Балаев А.Ч. Давид, Сослан, Фридрих Барбаросса, 1992 — Алания от Палестины до Британии. Владикавказ.

Чеченов И.М., 1990 — К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА. №4.

М.Г. Гаджиев, Ш.М. Гаджиев
(Инс-т ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКЕНТ II В 1999 Г.*

Поселение Великент II находится в 25 км к СЗ от г. Дербента, в 700 м к югу от селения Великент Дербентского района Республики Дагестан. Оно является одним из объектов Великентского комплекса памятников бронзового века. Этот комплекс состоит из 5 памятников, расположенных близко друг от друга на естественных холмах. На двух холмах расположены поселения бронзового века, а на остальных трех – могильники того же времени. Великентские холмы, как археологические памятники, известны с XIX в. Первые сведения о них были получены в период подготовки V археологического съезда в Тифлисе, когда по поручению Подготовительного комитета съезда в 1980 году Дагестан обследовал А.А. Русов [1982. С. 515]. Ограниченные раскопки здесь проводились в 50-х гг. [Мунчаев, 1958. С. 51 – 52, Котович, 1959. С. 121 – 136] в конце 70-х – начале 80-х гг. [Давудов О.М., 1985. С. 116 - 117; Магомедов Р.Г., 1986. С. 100; Гаджиев, 1991. С. 129 – 140]. Они были возобновлены в 1994 – 1995 гг. Дагестано-Американской археологической экспедицией [Gadzhiev et al, 1995. P. 139 – 147; 1997. P. 181 – 222].

Благодаря финансовой поддержке ФЦП “Интеграция” с 1997 г. работы на Великентском комплексе памятников приобрели масштабный характер, стало возможным более широкими площадями провести раскопки, как поселений, так и могильников. Это позволяет полнее изучить материальную и духовную культуру древнего населения Западного Прикаспия в пределах Северо-Восточного Кавказа, определить место и роль этого региона в древнейшей истории Кавказа и юга России в целом.

Поселение Великент II расположено на естественном холме овальной формы с подтреугольной плоской верхней площадкой. Современные размеры холма по основанию – 180 x 160 м, верхней площадки 120 x 100 м. Высота холма составляет около 8 м. Он возвышается над окружающей его древней морской террасой на высоту около 4 м, что объясняется нарастанием здесь культурного слоя в результате интенсивной человеческой деятельности в древности и в средние века.

Первые раскопочные работы разведочного характера на поселении Великент II были произведены Прикаспийской археологической экспедицией Института истории языка и литерату-

* В 1999 г. археологические работы на поселении Великент II финансировались ФЦП “Интеграция” (проект № 778 “Полевые археологические исследования в Прикаспийском Дагестане”).

ры Дагестанского научного центра РАН в 1979 г. В шурфе размером 1х1 м в том году здесь были выявлены культурные отложения толщиной более 3 м, относящиеся к эпохе ранней бронзы. В 1994 г. в разведочном раскопе, исследованном Дагестано-Американской археологической экспедицией, были получены новые археологические материалы, позволившие датировать памятник в пределах 3360-2945 гг. до н.э. [Gadjiev M. et al, 1995].

В 1995 г. на восточном краю поселения был заложен раскоп ПС, размером 6х6 м, где был выявлен комплекс хранилищ для продуктов, состоявший из нескольких ям-погребов, получены новые материалы для культурно-исторической интерпретации памятника.

Работы на поселении Великент II, прерванные из-за финансовых проблем, были возобновлены в 1997 г. и продолжены в 1998 г. Это стало возможным благодаря финансовой поддержке ФЦП "Интеграция" РГНФ и Международной программы антропологических исследований на Кавказе (США).

В 1999 г. раскопки поселения были продолжены. Работы финансировались фондом ФЦП "Интеграция". Исследования проводились на трех раскопах: ПС, ПД, ПЕ.

Раскоп ПС был заложен на восточном краю поселения еще в 1995 г. Работы здесь были продолжены в 1997, 1998 гг. Общая площадь раскопа составляет около 170 кв.м.

В 1998 г. работы велись на двух прирезках к раскопу ПС: на северной и южной. На северной прирезке они были завершены, а на южной, в кв. 5, 6, 7, 8 F,G культурные напластования были выбраны только до глубины - 2,20 м.

В 1999 г. на южной прирезке раскопки были продолжены до глубины 2,08–2,20 м. (рис. 1) В процессе раскопок на разных горизонтах культурных напластований здесь были выявлены остатки жилищ как наземных, так и землянок, развал печи, погребение, обнаружена керамика (обломки сосудов и изделий специального назначения), орудия из камня и кости.

На пересечении 4 х квадратов 6,7 FG на глубине 2,08–2,33 м были расчищены костные остатки человеческого захоронения. Костяк лежал на левом боку в сильно скорченном положении, головой на юго-восток. Ноги и руки были сильно согнуты. Кисти рук лежали у черепа (рис. 3, 4). Примечательно, что это пятое по счету погребение, найденное на одном и том же месте, на стыке 4-х квадратов – 6,7 FG. Четыре погребения, которые располагались над данным погребением, были исследованы в полевом сезоне 1998 г.

Форму погребального сооружения не удалось выяснить из-за того, что оно было совершено в рыхлом культурном слое поселения. Следует отметить, что на уровне данного погребения вокруг него располагались по овалу отдельные камни, булыжники. Возможно, они были уложены по контуру могильной ямы, в которой было совершено захоронение.

Погребальный инвентарь отсутствовал, как и в ранее исследованных погребениях. Это обстоятельство затрудняет определить время совершения здесь захоронения. К тому же в процессе исследования погребений не удалось получить сколько-нибудь определенных данных для точной увязки захоронений со стратиграфией поселения. Единственное наблюдение стратиграфического характера, которое было сделано при расчистке погребений в прошлом году, заключается в том, что при совершении захоронений был срезан утрамбованный глинобитный пол позднего этапа функционирования поселения. На этом основании можно предположить, что захоронения могли быть совершены на позднем этапе существования поселения, когда возможно, на какое-то время эта часть поселения не обживалась и использовалась для могильника. Такие ситуации имели место и в древности и в средние века, когда на какой-то период отдельные участки поселения (обычно окраины) переставали обживаться и их использовали для иных целей. Так, например, на соседнем поселении – Великент I восточная его окраина на позднем этапе его функционирования не обживалась и использовалась для размещения гончарных мастерских.

Обычай хоронить людей на территории поселения, между домами и под домами был распространен у раннеземледельческих племен Евразии в эпоху энеолита. Подобные захоронения известны на энеолитических поселениях Восточного Закавказья (Кюльтепе, Аликемектепеси, Бабадервиш), Северо-Восточного Кавказа (поселение Гинчи в горном Дагестане), Передней и Средней Азии. Однако в последующие периоды эпохи раннего металла на обживаемой территории поселения захоронения людей уже не производились. Могильники стали размещать за пределами поселений. Это связано с изменениями идеологических представлений ранних земледельцев, связанных с погребальными ритуалами, на обширной территории раннеземледельческой ойкумены, в том числе и на Кавказе. С эпохи ранней бронзы захоронения производились не на территории обживаемых поселений, а на специальных могильниках, вынесенных за пределы поселений. Подобные могильники имеются и в Великенте, где они занимают 3 из 5 холмов Великентского комплекса памятников.

В западной части прирезки, в кв. 5 FG на глубине - 2,25–2,50 м был расчищен развал двухчастной печи (рис. 3,1). Она состояла из топочной камеры-ямы длиной 0,80 м, шириной 0,20–0,30 м и обжигательной камеры – глиняной площадки. Обе камеры обожжены докрасна. Над камерами и вокруг них находились куски обожженной толстой глиняной массы от рухнувшего свода. Остатки печи полностью не были расчищены ввиду того, что большая часть обжигательной камеры находилась за пределами прирезки, уходила под западную стенку прирезки.

К юго-востоку от печи в южной части квадратов 5,6 G на глубине

– 2,07 м были обнаружены остатки стены дугообразной формы из сырцовых кирпичей и глинобита. Ширина стены 0,20–0,30 м. Она расчищена до глубины 2,98 м. Далее она уходит ниже материкового слоя (рис. 1; 3,3). Стена хорошо прослеживается в профиле южной стенки раскопа. Как это видно в профиле раскопа, она служила в качестве облицовки землянки, вырытой в толще рыхлого культурного слоя на одном из поздних этапов обживания этой части поселения. Судя по вскрытой части, землянка в плане имела овальную форму. Как видно на профиле, по мере углубления она суживается. Большая часть землянки находилась за пределами раскопа.

К северо-востоку от печи, в кв. 5,6 F на глубине – 2,63 было расчищено основание стены, построенной из сырцового кирпича. Ширина стены 0,40 м, сохранившаяся высота около 0,40 м, длина около 2 м. Направление стены СЗ-ЮВ. Она имеет незначительный изгиб в северо-восточном направлении. Северо-западным концом она опирается в стенку раскопа и уходит частично под нее. Стена возведена из кирпичей разной длины, толщина их около 7-8 см. Кирпичи сложены на глиняном растворе темно-серого цвета (рис. 1).

Юго-восточный конец сырцовой стены был срезан землянкой, контуры которой были выявлены только на уровне материкового слоя. Поэтому насколько она находилась выше материка или с какого уровня культурного слоя она была сооружена, трудно установить. Возможно, она была вырыта с глубины 2,25 м. На этой глубине на небольшом участке культурного слоя в кв. 7F как будто бы фиксируется его срез, совпадающий с контуром землянки на уровне материка. Судя по этому контуру, на глубине – 3,10 м. землянка имела круглую в плане форму. В 0,70 м к востоку от него в кв. 8FG на глубине – 3,04 – 3,08 м был выявлен западный край еще одной землянки (рис. 1). Заполнение землянок состояло из рыхлого культурного слоя.

В ходе работ, проводившихся на раскопе ПС в 1999 г., получены новые данные для изучения стратиграфии поселения, в особенности его жилой архитектуры. Они полностью подтверждают вывод о смене строительной традиции на протяжении времени существования поселения. Первоначально здесь строились наземные круглоплановые жилища из сырцового кирпича с использованием также жженного кирпича. На более позднем этапе произошла смена этой строительной и архитектурной традиции. Она была сменена более примитивными сооружениями – землянками, ямами вырытыми в толще культурного слоя, накопившегося в предшествующие периоды функционирования поселения. При этом рыхлые стенки землянок (срезы культурного слоя) для предотвращения их обвалов облицовывались толстым слоем глиняной обмазки или кладкой из сырцового кирпича.

В процессе раскопок, произведенных в 1999 г. на южной прирезке к раскопу ПС, получено значительное количество вещественного археологического материала, в том числе орудия труда из камня и кости,

очажные подставки и керамика.

Каменные орудия труда состоят из кремневых серпов с двусторонне обработанными поверхностями, ножевидных пластин без ретуши и с ретушью по краям (рис. 2, 1-4), клиновидного топора с желобчатым перехватом из булыжника (рис. 2, 11), а также зернотерок (целых и в обломках) из крупных плоских булыжников. Необходимо отметить, что существование кремневых орудий на пластинах и двусторонне обработанных вкладышей весьма характерно для наиболее ранних памятников раннебронзового века. Дело в том, что в эпоху ранней бронзы еще сохраняется традиция пластинчатой кремневой индустрии, характерной для предшествующей эпохи. Однако в это время уже широко была распространена техника двусторонней обработки, использовавшаяся особенно для изготовления кремневых вкладышей составных серпов, пил и других инструментов.

Из кости изготовлены пряслице, игла (рис. 2, 5,14), а также инструменты, использовавшиеся, судя по этнографическим параллелям, в ткацком деле. Последние изготовлены из проксимальных частей костей передних конечностей мелкого скота (“ульна”). Рабочие их концы хорошо заполированы и загуплены (рис. 2, 6,7,12,13). Эти изделия, считается, применялись в ткацком деле для уплотнения нити-основы.

В коллекции костяных предметов имеются также астрагалы, использовавшиеся в качестве игральные кости. Боковые плоскости некоторых экземпляров имеют ровные, специально выточенные поверхности (рис. 2,10).

Основной вещественный материал состоит из керамики. Вся керамика представлена обломками, целые сосуды не обнаружены.

Керамика подразделяется на кухонную, столовую и тарную. Имеются также фрагменты высококачественной керамики. Обычная керамика изготовлена из глины с примесью дресвы, хорошо обожжена, имеет лощенную или заглаженную поверхность и разноцветную окраску: от черного до красного.

Кухонная керамика представлена обломками толстых плит-жаровень (сковороды) большого диаметра без бортиков или с низкими бортиками. Жаровни служили, как свидетельствуют этнографические параллели, для обжаривания зерна или выпечки хлеба. Они устанавливались на очаги, для чего использовались специальные переносные глиняные очажные подставки. Из южной прирезки происходят очажные подставки двух разновидностей: цилиндрические и подковообразные. Обе разновидности представлены фрагментами.

Цилиндрические очажные подставки на раннебронзовых поселениях Северо-Восточного Кавказа встречаются в большом количестве. В Закавказье на памятниках куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы они встречаются довольно редко. Здесь широкое распространение имели подковообразные подставки. Великентская находка является частью массивной подковообразной подставки. На

верхней площадке имеются желобки, а на краю – специальное углубление для переноса.

Подобные очажные подставки, в отличие от цилиндрических, не очень характерны для Дагестана и северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры в целом. Кроме Великента, они найдены здесь только на одном поселении Шаракун в южном Дагестане.

Столовая керамика представлена обломками мисок, горшков с цилиндрическими горловинами с уступами, баночных сосудов.

К гарной керамике относятся обломки крупных сосудов с толщиной стенок более 1 см.

Высококачественная керамика также представлена обломками. Она изготовлена из чистой тщательно промешанной глины, отлично и равномерно обожжена на всю толщину черепка. Она характеризуется красной, оранжевой, розовой расцветкой и лощеной поверхностью. На отдельных черепках имеется орнамент, нанесенный зубчатым или гребенчатым штампом. Особенностью этой керамики является также то, что она изготовлена на гончарном круге. На поселении Великент II в разных слоях она составляет 10–15% от общего количества керамики. Подобная керамика в эпоху ранней бронзы, кроме Великента II, известна на расположенном близко от Великента поселении Кабаз-кутан, раскопки которого производились в полевом сезоне 1998 г. К этому же кругу памятников, по видимому, следует отнести и оградки на Великентском могильнике, трактуемые как памятник майкопской культуры (Магомедов, 1991. С. 19-32). В технологическом и типологическом отношении красноглиняные сосуды из оградок аналогичны высококачественной керамике из поселения Великент II. Глубокую древность высококачественной керамики из памятников Великентского комплекса подчеркивает присутствие подобной же керамики очень высокого качества изготовления. На венчике двух сосудов Гинчи прослеживаются горизонтальные бороздки, характерные для керамики, изготовленной на гончарном круге, на основании чего можно считать, что по крайней мере часть высококачественной керамики из Гинчи формировалась на гончарном круге. Формы сосудов из Гинчи (миска, кувшины, горшки, баночной формы) также сходны с великентскими. Она рассматривалась как керамика майкопского типа (Гаджиев, 1981. С. 16-19, 32; 1991. С. 69-71, 77). Сказанное является еще одним свидетельством связи Великента с местным энеолитом.

Вещественный материал из раскопа, за исключением высококачественной керамики, характерен для куро-аракской культуры. Некоторые формы сосудов, в частности, широкие и низкие чаши, высококачественная посуда, сохранение пластинчатой кремневой индустрии, обилие костных изделий и другие признаки составляют локальные и хронологические особенности северо-восточнокавказского

варианта куро-аракской культуры.

Раскоп II D был разбит в северо-западной возвышенной части поселения еще в 1997 г. Работы здесь были продолжены в 1998–1999 гг. В раскопе размером 96 кв. м. в 1997 и 1998 г. были выявлены и частично исследованы два одновременных слоя: верхний слой, относящийся к средневековью и нижний – к эпохе ранней бронзы. Раннебронзовый слой исследовался на площади 32 кв. м в кв. 1,2 ABCD. В 1997 г. он был расчищен на глубину до 2 м, в 1998 г. – еще на 0,5 м, а в 1999 г. он был доведен в южной части раскопа до глубины – 3,58 м (рис. 4). Общая толщина культурного слоя в этой части раскопа с учетом средневекового слоя (0,90 м) достигает почти 4,5 м.

В 1999 г. на уровне отметок – 2,25–3,55 м были выявлены и расчищены развал круглого очага и остатки двух землянок. В западной части кв. 1С на глубине – 2,24 м находился еще один углубленный в землю круглый очаг. Диаметр очага ок. 0,50 м, глубина – 0,20 м. Заполнение очага состояло из золы. Стенки и пол очага обмазаны глиной и прокалены. В северо-западном углу кв. 2D была продолжена расчистка части (сектора) землянки или хозяйственной ямы, выявленной еще в 1997 г. на уровне отметки – 0,15 м, т.е. она была вырыта на позднем этапе раннебронзового периода обживания холма. Заполнение ямы или землянки на площади сектора было расчищено до уровня материка, находившегося на глубине 3,58 м. Общая глубина ямы достигает до 3,43 м. В южной части раскопа на глубине 2,35–2,62 м была выявлена землянка, вырытая в культурном слое. Землянка имеет круглую в плане форму. Ее диаметр – 2,90 м. С какого уровня культурного слоя она была вырыта установить не удалось. Зафиксированная ее глубина – 1,20 м. На глубине 3,50–3,55 м находился пол, покрытый слоем золы и обмазанный сверху глиной. Материковый слой находился на глубине – 3,55 м. Посредине землянки, по направлению восток-запад с некоторым отклонением на юг и север, на полу были вырыты четыре округлые в плане ямы. Диаметр ям от 20 до 35 см, глубина (с востока на запад) 0,49 м, 0,32 м, 0,30 м, 0,23 м. Стенки одной из ям обложены вертикально поставленными тремя каменными плитками (рис. 3,2). Ямы, вероятно, служили для закрепления опорных столбов.

В раскопе было обнаружено значительно количество вещественного инвентаря, главным образом, орудий труда и керамики.

Орудия труда представлены кремневыми ножевидными пластинами с краевой ретушью (4 экз.). В единственном экземпляре обнаружен кремневый треугольный наконечник стрелы с выемкой в основании. Обе поверхности наконечника тщательно обработаны отжимной ретушью.

Каменный топор – молот с желобчатым перехватом изготовлен из булыжника. Топор имеет клиновидную форму, затупленный рабочий конец и плоскую молоточковидную обушную часть. Желобок охватывает топор с трех сторон.

Единственной находкой представлено бронзовое изделие. Это четырехгранное шило с черешком. Концы его отломаны.

Из рога оленя изготовлена кирка. Это первое орудие подобного рода, найденное в Великенте и на памятниках бронзового века Северо-Восточного Кавказа в целом.

В раскопе обнаружено еще несколько орудий, изготовленных из кости. Среди них: шилья – 3 экз., ложило с закругленным и полированным плоским концом, долотовидное орудие, изготовленное из осколка трубчатой кости, ткацкие инструменты, аналогичные найденным в раскопе ПС – 10 экз.

В раскопе ПД, в слоях исследованных в полевом сезоне 1999 г., найдена такая же керамика, что и в раскопе ПС, в том числе кухонная, столовая, тарная и высококачественная.

Среди обломков высококачественной керамики имеются образцы со сложными орнаментальными композициями, нанесенными в технике т.н. “отступающей лопаточки” или штампом.

Следует особо отметить находку обломка закраины сосуда, на которой с внешней стороны имеется резной орнамент из параллельных полос. Такая керамика была обнаружена в прошлом полевом сезоне на обоих раскопах. Керамика с таким орнаментом хорошо известна в поселении Гинчи в горном Дагестане, относящегося к предшествующей энеолитической эпохе. Аналогичная керамика известна также на Джемикентском поселении, находящимся там же ниже по руслу р. Уллу-чай. Этот памятник сближается с Великент-II также по кремневой индустрии с пластинчатой техникой, технологией изготовления керамики (использование ткани при изготовлении посуды, наличие форм сосудов - мисок с кососрезанным венчиком, плоские тарелки - блюды и др.) (Круглов, 1958. С. 36-43).

Нахождение подобной керамики на памятниках раннебронзовой эпохи указывает на ранний возраст последних. С этим выводом хорошо согласуется необычное для других памятников эпохи ранней бронзы Дагестана сохранение на поселении Великент II архаической традиции пластинчатой кремневой индустрии, о чем свидетельствует большое число кремневых изделий на пластинах, находимых на этом памятнике. Этот вывод подтверждает также новая радиоуглеродная дата, полученная для раскопа ПД в 1999 г. в лаборатории Аризонского университета. Образец, взятый в кв. 1D на глубине 2,90 м от современной поверхности, дал дату 4800±55 л.н. (не калиброванная дата). А калиброванные даты укладываются в следующих пределах: сигма 1 (67% вероятности) – 3645 – 3524 гг. до н.э., сигма 2 (95% вероятности) – 3693 – 3380 гг. до н.э. Это самая ранняя радиоуглеродная дата, полученная для поселения Великент II. Она свидетельствует о том, что начало заселения холма происходило не позже середины IV тыс. до н.э.

Таким образом, по всем данным, поселение Великент II

относится к начальному периоду раннебронзового века, к древнейшему этапу развития раннебронзовой культуры на Северо-Восточном Кавказе, о котором не было сведений до раскопок этого памятника.

Раскоп ПЕ был заложен на веранде жилого дома, находящегося на северной окраине поселения, с целью определения характера культурных отложений в этой части поселения прежде, чем завершить строительство веранды.

Раскоп был ориентирован по длине по направлению восток-запад с небольшим отклонением. Размеры раскопа: 4,12 x 2,12 м. Раскоп был разбит на два прямоугольника со сторонами 2x2,12 м с цифровыми обозначениями 1,2. Верхний горизонт культурного слоя до глубины 0,60 м был частично поврежден при последующем строительстве.

На уровне 1,58–1,72 м был выявлен пол, обмазанный глиной. В кв. 2 на уровне этого пола и выше располагалась двухчастная печь с топочной и обжигательной камерами. Основание обжигательной камеры было выложено булыжниками. Отмеченный пол и частично печь были срезаны более поздней землянкой, вырытой с уровня около 0,90 м от современной поверхности (рис. 5). Диаметр ее – 2,20 м, глубина ок. 1,5 м. В кв. 1 на глубине 2,04 м был расширен круглый очаг-тондыр, углубленный в культурный слой. Стенки очага и дно обмазаны слоем глины толщиной 5 – 7 см. Они сильно обожжены. Диаметр очага – 0,50 (внутренний), 0,60 м (по внешнему краю). Глубина – 0,17 м. Заполнение очага состояло из золы и угольков, перемешанных с землей.

В кв. 1 и частично в кв. 2, на глубине 3,14 м располагалась круглая в плане яма, вырытая в материковом слое. Южная часть выходила за пределы раскопа. Диаметр ямы – 1,40 м, глубина – 0,43 м. Раскопки здесь доведены до материка, находившегося на глубине – 3,14 м. Таким образом, толщина культурного слоя в этой части достигает до 3,10 м.

Стратиграфия культурных отложений, выявленная в данном раскопе, такая же, что и на других раскопах. Обращает внимание, что данные раскопа ПЕ подтверждают вывод о смене архитектуры на данном поселении и появлении традиции строительства землянок на позднем этапе его существования.

В раскопе ПЕ найдено большое количество керамики, в том числе почти целые сосуды, различные орудия труда из камня и кости.

Из камня зеленоватого цвета (змеевик) изготовлен миниатюрный клиновидный топорик с блестящей полированной поверхностью (рис. 6, 28). Он является уникальной для Дагестана находкой. Подобные топорики обычно встречаются на Северном Кавказе, на территории распространения майкопской культуры.

Другой каменный топор – это топор-молот клиновидной формы с округлой молоточковидной обушной частью. Желобок для

закрепления его в рукояти расположен у молоточковидной части.

В коллекции каменных орудий имеются два округлых отбойника, из кремнистых конкреций.

Из плоских крупных речных булыжников изготовлены зернотерки. В раскопе найдено 10 поломанных и целых экземпляров.

Кремневый инвентарь состоит из отщепов, осколков (отходы производства), также законченных орудий, которые представлены: ножевидной пластиной с выщерблинами по одному краю (рис. 6, 16, 18) и вкладышами серпов с двусторонне обработанными поверхностями. (3 экз.) (рис. 6, 17, 19, 20).

Костяные изделия состоят из нескольких разновидностей орудий труда и наконечника стрелы. Среди орудий труда имеются инструменты, предназначенные для обработки шкуры, кожи. Это струги, изготовленные из нижней челюсти крупных жвачных, проколки из трубчатых костей (рис. 6, 1-3, 14), ткацкие инструменты из проксимальных костей передних конечностей мелкого рогатого скота ("ульна"). Они представлены двумя вариантами: с затупленными и заостренными концами (рис. 6, 4-8, 12, 13). Из рога изготовлен черешковый наконечник стрелы округлого сечения. Черешок отломан.

Уникальной находкой для этого поселения и для памятников Друкхастрийского Дагестана является половинка (одна стенка) двухстворчатой глиняной литейной формы для отливки проушинных клиновидных бронзовых топоров. Длина формы – 16 см, ширина – 6-8 см. Размеры внутренние: длина – ок. 14 см., ширина – 5-6,5 см. В форме имеется паз для стержня – вкладыша для получения проушины (рис. 7, 7).

Находки подобных литейных форм на Кавказе очень редки. Две формы найдены в Армении на раннебронзовых поселениях Шентавит и Гарни, одна на поселении Кюльтпе у Нахичевани и еще одна в горном Дагестане на поселении Галгалатли. Судя по очертаниям полости, в великентской форме отливались прямообушные топоры, являющиеся древнейшими типами кавказских металлических топоров. Три случайные находки таких топоров известны на территории Дагестана. Такие топоры были распространены на Кавказе в эпоху ранней бронзы в памятниках куро-аракской и майкопской культур. Примечательно, что топор, отлитый в подобной форме, найден и в одной из древнейших катакомб на Великентском могильнике II. Нахождение литейной формы на поселении Великент II свидетельствует о том, что здесь было налажено серийное производство подобных топоров. Это позволяет считать данное поселение как один из древних центров бронзолитейного дела на Северо-Восточном Кавказе.

Большой интерес представляет керамика, происходящая из раскопа IIЕ. Здесь найдены новые формы сосудов, которые не встречались в других раскопах. Наряду с обломками, имеются также целые сосуды или графически восстанавливаемые формы.

Вся керамика подразделяется на кухонную, столовую, тарную и

высококачественную.

Кухонная керамика в данном раскопе представлена такими же типами, что и в других раскопах. Это в основном обломки толстых плит-жаровень с низкими бортиками и кухонных горшков со следами копоти.

К тарной керамике относятся обломки крупных сосудов.

Лучше представлена столовая и высококачественная керамика.

Среди столовой посуды имеются глубокие миски крупных размеров с разложистыми стенками и сильно загнутыми во внутрь краями. Одна из таких мисок восстановлена почти полностью (рис. 7, 1).

Впервые для поселения Великент II в раскопе IIЕ найдено почти целое плоское блюдо с низким бортиком (рис. 7, 2). Такая посуда не встречалась ранее не только на данном поселении, но и на других памятниках раннебронзового века всего Кавказа, в том числе куро-аракской культуры, за исключением Джемикентского поселения [Круглов, 1958. С. 41].

К столовой посуде относятся также баночные сосуды: кружки или бокалы, представленные как целыми экземплярами, так и в обломках (рис. 7, 6). Такая посуда характерна для куро-аракской культуры, в особенности для ее северо-восточнокавказского варианта.

К редким керамическим изделиям относятся крышки сосудов. Они были очень широко распространены в памятниках куро-аракской культуры. Но на Северо-Восточном Кавказе до последнего времени они не были известны. В предыдущем полевом сезоне они были обнаружены на поселении Великент II, в раскопе IIС и IID. Обломки двух крышек найдены в 1999 году и в раскопе IIЕ. На одном из них на внешней поверхности имеется орнамент в виде параллельных резных полос.

Высококачественная керамика найдена в раскопе IIЕ в значительном количестве. В коллекции имеются очень выразительные части и обломки сосудов. Среди них интересен фрагмент закраины сосуда с ручкой-выступом (рис. 7, 4). Такие ручки обычны для массовой лепной керамики из данного поселения, но для высококачественной посуды до сих пор они не были известны.

Новым для поселения является также нахождение здесь частей и обломков высококачественных толстостенных крупных тарных сосудов с широкими цилиндрическими горловинами. По данным раскопок прошлых полевых сезонов, тарная посуда обычно изготавливалась лепным способом, как и вся другая массовая керамика из поселения.

Интересны образцы орнаментированной высококачественной посуды. Они представляют верхние части и горловины сосудов. Орнамент состоит из параллельных полос зубчатых насечек. На верхней части одного из таких сосудов между двумя горизонтальными полосками из двух параллельных линий, расположены треугольные фигуры из таких же полосок зубчатых насечек (рис. 7, 3, 5).

Данные, полученные в раскопе IIЕ, подтверждают в целом

стратиграфию поселения раннебронзового периода. Из-за ограниченной площади раскопа здесь не удалось выявить наземные жилища большого размера, какие были открыты в раскопе ПС. Но их существование и в этой северной части поселения подтверждают обнаруженные в раскопе ПЕ обломки сырцовых кирпичей, а также наличие здесь центрального круглого очага, характерного для наземных круглопланных жилищ.

Работы на раскопе ПЕ подтвердили также стратиграфическое и хронологическое соотношение различных типов жилищ (наземных и землянок), установленное по данным раскопов ПС и ПД. При строительстве сравнительно поздней землянки или ямы были срезаны пол и часть печи, функционировавшие на одном из промежуточных этапов обживания холма. Это свидетельствует о том, что и в этой части поселения сменилась архитектурная и строительная традиция.

Вещественный материал (орудия труда, керамика) из раскопа ПЕ в целом сходен с тем, что обнаружен в других раскопах. Новые материалы, в частности наконечник стрелы, литейная форма, новый тип столовой (блюдо) и высококачественной керамики (тарный сосуд) не меняют общей картины культурной принадлежности и хронологии памятника.

В 1999 г. для поселения Великент II (раскоп ПД) в лаборатории Аризонского университета получена еще одна ранняя радиоуглеродная дата, о которой говорилось раньше. Всего для поселения Великента II получено 11 радиоуглеродных дат. Эти даты, наряду с археологическими материалами, составляют надежную базу для разработки хронологии и периодизации памятников эпохи раннего металла Северо-Восточного Кавказа, для решения вопросов синхронизации памятников Закавказья, Северо-Восточного Кавказа и степей юга России. Приведем эти даты:

AA – 150099 Великент II, В1 4480±60	1) 3339 – 3039 гг. до н.э.
2) 3360 – 2920 гг. до н.э.	
AA – 150100 Великент II, В1 4415±60	1) 3294 – 2925 гг. до н.э.
2) 3360 – 2924 гг. до н.э.	
AA – 150101 Великент II, В1 4475±60	1) 3338 – 3037 гг. до н.э.
2) 3360 – 2924 гг. до н.э.	
AA – 150102 Великент II, В1 4460±65	1) 3334 – 2945 г. до н.э.
2) 3360 – 2920 гг. до н.э.	
AA – 21284 Великент ПС	3036 – 2489 гг. до н.э.
AA – 21285 Великент ПС	3104 – 2573 гг. до н.э.
AA – 21658 Великент ПС	3372 – 2901 гг. до н.э.
AA – 21659 Великент ПС	2926 – 2485 гг. до н.э.
AA – 27349 Великент ПС 4560±60 л.н.	1) 3365 – 3317 гг. до н.э.
2) 3494 – 3100 гг. до н.э.	
AA – 27351 Великент ПД 4800±55 л.н.	1) 3645 – 3524 гг. до н.э.
2) 3693 – 3380 гг. до н.э.	
AA – 31773 Великент ПД 4460±60 л.н.	3346 – 2926 гг. до н.э.

В основном эти даты укладываются в рамках середины IV – начала

III тыс. до н.э. Только две даты выходят за рамки (конец IV – середина III тыс. до н.э.) Если ориентироваться на ранние даты, то поселение Великент II существовало около 600 лет, а если учесть две поздние даты (3036–2489 гг. до н.э., 3104–2573 гг. до н.э.), то время его функционирования растягивается еще на 400 лет.

Эти даты, точнее верхние их границы не согласуются с остальными радиоуглеродными датами. Они в определенной степени противоречат также археологической датировке памятника в пределах 2-й половины IV – нач. III тыс. до н.э. Не исключена возможность, что образцы, взятые для анализа, были загрязнены. В любом случае эти две даты требуют более тщательной проверки.

Во всех трех раскопах получены бесспорные стратиграфические данные, свидетельствующие о том, что на протяжении существования поселения произошли кардинальные перемены в развитии жилой архитектуры, выразившиеся в смене наземных круглопланных жилищ землянками.

В развитии других компонентов материальной культуры, в частности керамики, сколько-нибудь заметные изменения проследить не удается. Это отчасти, возможно, объясняется разрушением культурного слоя более поздними землянками и характером материалов из землянок, где, вероятно, могли быть перемешаны материалы раннего и позднего этапов обживания холма. Для выявления таких изменений необходимо произвести раскопки на более широкой площади.

Материалы раскопок поселения Великент II характеризуют ранний этап развития северовостокавказского варианта куро-аракской культуры, что подтверждается и радиоуглеродными датами. В них отчетливо прослеживается существование преемственной связи с предшествующей неолитической культурой. Эта связь, как уж отмечалось, проявляется в сохранении неолитических традиций в развитии жилой архитектуры, кремневой пластинчатой индустрии, в керамике (орнаментация, наличие высококачественной посуды и др.) в обилии костяного инвентаря. Это в определенной степени проливает новый свет на проблемы происхождения куро-аракской культуры, в частности, ее северовостокавказского варианта. Кроме поселения Великент II в этот ранний этап, по нашему мнению, следует включить также поселения абаз-кутан, Джемикент, оградки на Великентском могильнике I.

Данные раскопок поселения Великент II в 1999 г. подтверждают также вывод о неожиданно высоком уровне развития общества Северо-Восточного Кавказа раннебронзовой эпохи. В эту эпоху некоторые домашние производства (гончарное дело, металлообработка) переросли в ремесла, о чем свидетельствуют использование гончарного круга, находки предметов литейного дела, в особенности литейной формы для серийного производства ранних кавказских топоров. Находки жженого кирпича подтверждают высокий уровень

строительного дела. Интенсивно развивались земледелие и скотоводство, широко использовался колесный транспорт и т.п. Такими признаками обладали древние общества, находившиеся на этапе формирования цивилизации. Всестороннее обоснование вывода о том, что культурно-историческое развитие Северо-Восточного Кавказа в эпоху ранней бронзы шло по пути формирования цивилизации, является одним из основных итогов полевых археологических исследований в Прикаспийском Дагестане.

Подведем некоторые итоги. В 1999 г. на поселении Великент II в 3-х раскопах исследовано около 75 кв.м площади. На раскопе III культурные слои толщиной 3,10 м выбраны полностью. В раскопах IIC и IID соответственно раскопки доведены до отметок 3,08–3,55 м от современной поверхности. Во всех раскопах выявлена сходная стратиграфия культурных отложений. Стратиграфическое и хронологическое соотношение двух типов жилищ наземных и землянок, установленное в раскопе IIC в прошлом полевом сезоне, подтверждено в 1999 г. во всех трех раскопах. Новые данные раскопок свидетельствуют о смене здесь архитектурной традиции на всей северной части поселения. Как установлено во всех раскопах, наземные жилища, характерные для раннего периода обживания холма, прорезаны поздними землянками.

Эта смена предвещает начало тех глубоких сдвигов в культурно-историческом развитии Северо-Восточного Кавказа, которые отмечены в развитии местного общества на последующих этапах бронзового века (закат блестящей раннебронзовой куро-аракской культуры, формирование в регионе новых культур эпохи средней бронзы, застой и упадок, характерные для культурно-исторического развития Северо-Восточного Кавказа на рубеже эпохи средней и поздней бронзы).

Получены новые радиоуглеродные даты, позволяющие отнести начало обживания поселения Великент II ко времени не позже середины IV тыс. до н.э.

Выявлен новый, неизвестный здесь прежде тип землянки или ямы, стены которой облицованы кладкой из сырцовых кирпичей.

Типологическая характеристика керамических материалов дополнена новыми изделиями и типами сосудов: подковообразными очажными подставками, столовыми блюдами, высококачественной тарной посудой.

Получены новые данные о существовании на поселении Великент II развитого бронзолитейного дела. Уникальной находкой является литейная форма для отливки древнейших типов бронзовых топоров Кавказа.

Архаическая пластинчатая кремневая индустрия, обилие костяных изделий, наличие высококачественной посуды, некоторые орнаментальные композиции и др. свидетельствуют о преемственной связи культуры, представленной поселением Великент II, с предшествующей местной

энеолитической культурой и важной роли последней в сложении северо-восточнокавказского варианта куро-аракской культуры.

В результате археологических исследований, проведенных на поселении Великент II в последние годы, получены многочисленные материалы, характеризующие высокий уровень развития общества раннебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа, приближавшегося к порогу цивилизации, прерванной на формативном периоде. Такой исход культурно-исторического развития древнего общества Северо-Восточного Кавказа квалифицируется как не состоявшаяся цивилизация или феномен прерванной цивилизации. В этом нашли отражение общие закономерности развития древних обществ на северной окраине раннеземледельческой ойкумены

ЛИТЕРАТУРА

Гаджиев М.Г., 1981 — Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.

Гаджиев М.Г., 1991 — Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М.

Gadzhiev M.G. et al., 1995 — The 1994 Excavations of the Dagestan-American archaeological expedition at Velicent in Southern Dagestan, Russia // Iran. XXXIII.

Gadzhiev M.G. et al., 1997 — The 1995 Dagestan-American Velicent Expedition. Excavations in Dagestan, Russia // Eurasia antiqua. Band 3. Berlin.

Котович В.Г., 1959 — Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Махачкала. Т. I.

Круглов А.П., 1958 — Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетии до н.э. // МИА, 68.

Магомедов Р.Г., 1991 — О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.

Мунчаев Р.М., 1958 — Археологические исследования в Нагорном Дагестане // КСИИМК. Вып. 71.

Русов А.А., 1882 — Отчет о летних и осенних археологических работах (1880 г.) в Южном Дагестане // V AC: Тр. Предварительных комитетов. М.

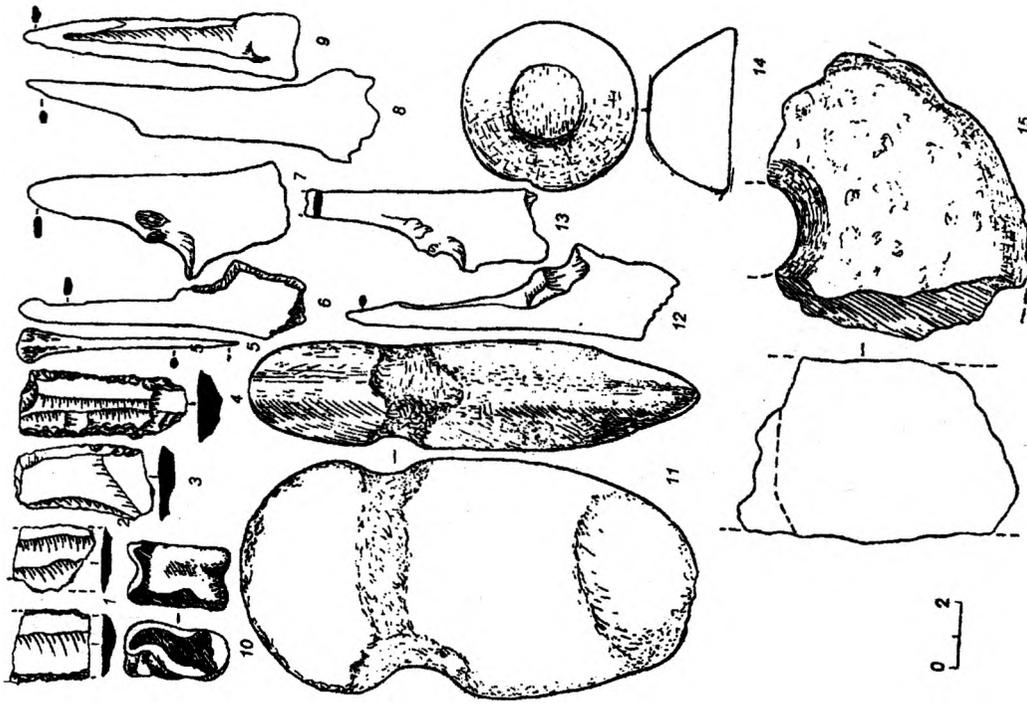
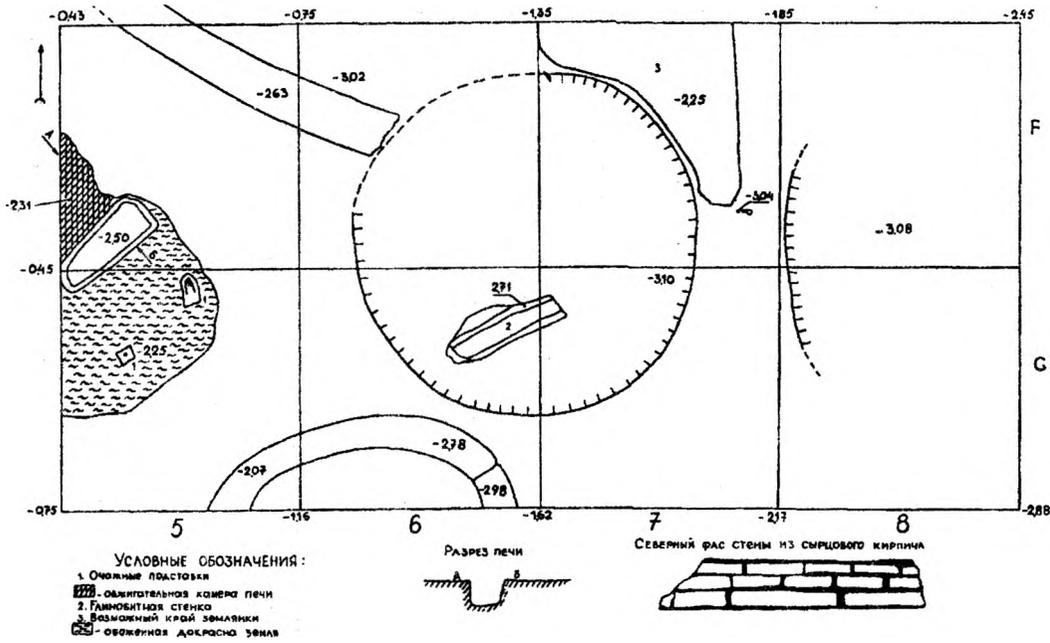

Рис. 2. Раскоп II. Изделия из камня и кости.

Рис. 1. Поселение Великент II. Раскоп III. План южной прирезки (гл. 2,07 – 3,08 м.).

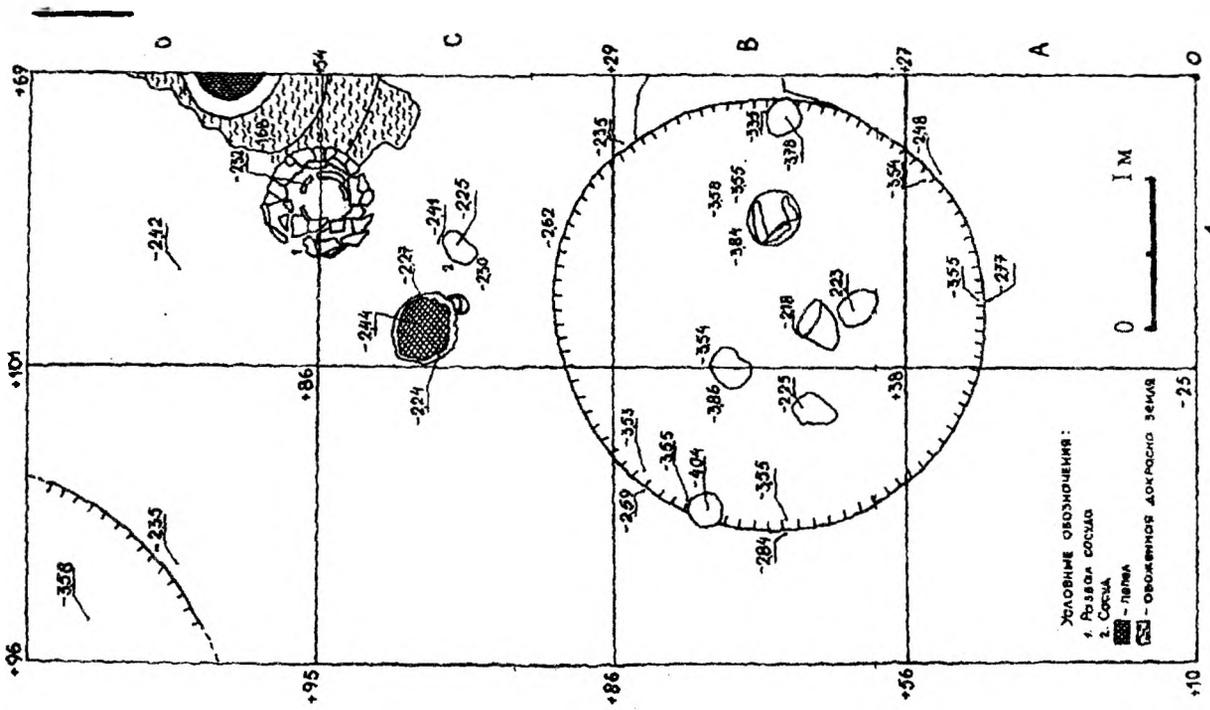
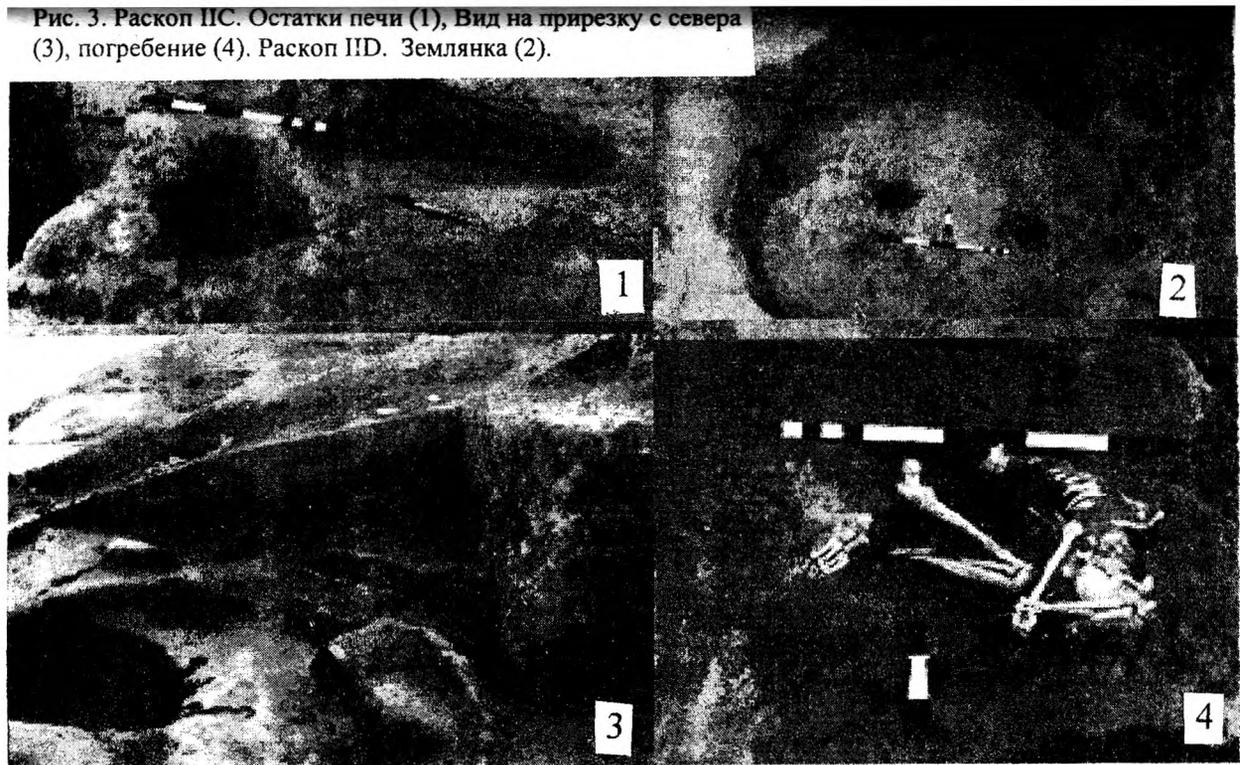

Рис. 4. План раскопа II D.

Рис. 3. Раскоп II C. Остатки печи (1), Вид на прирезку с севера (3), погребение (4). Раскоп II D. Землянка (2).

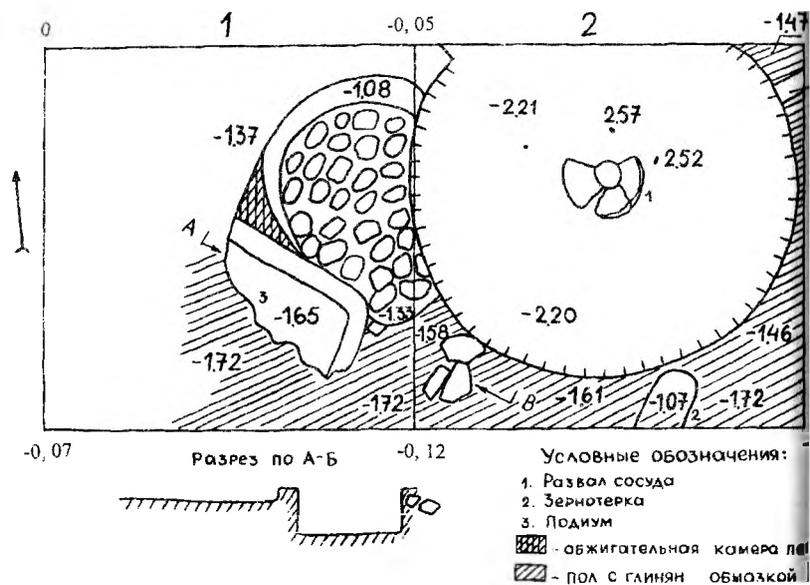

Рис. 5. План раскопа IIЕ.

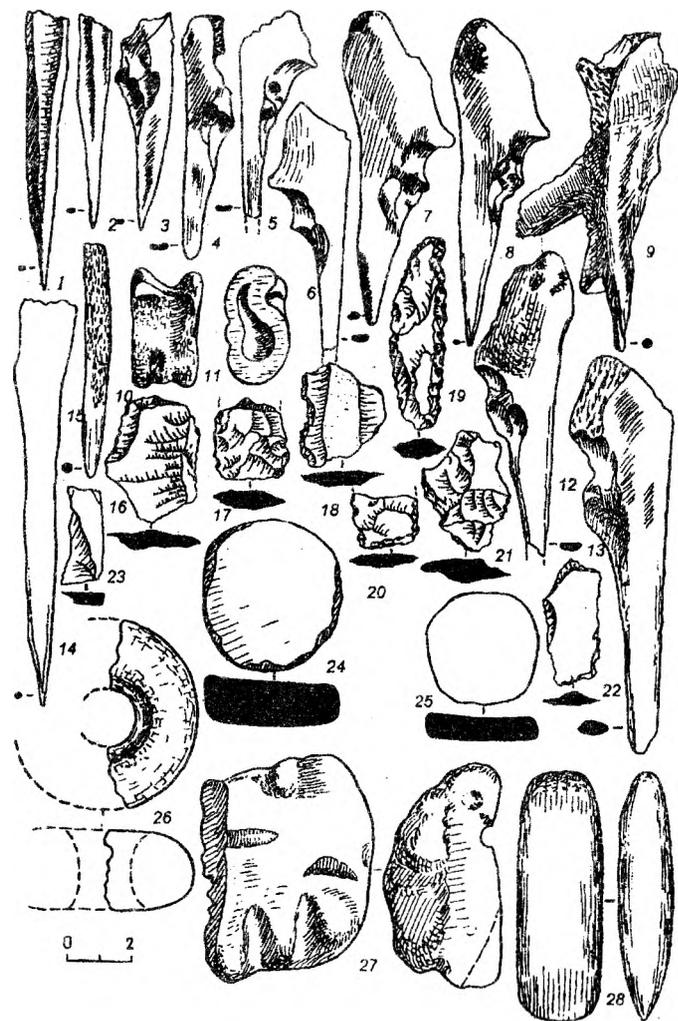

Рис. 6. Раскоп IIЕ. Изделия из камня и кости.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
СУВАР-ЖИДАН И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

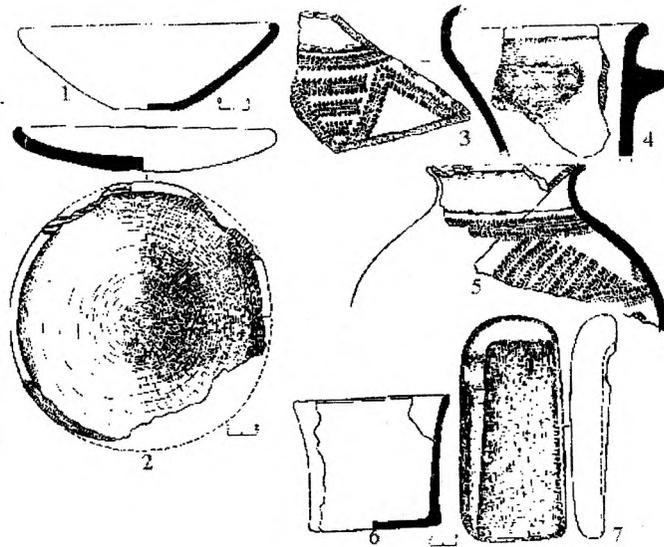

Рис. 7. Раскоп ПЕ. Миска (1), блюдо (2), высококачественная керамика (3,4,5), баночный сосуд (6), литейная форма (7).

По данным раннесредневековых авторов (Аганфенгела, Агафия, Менандра Византийского, Моисея Хоренского, Моисея Каганкатваца, Прокопия из Кесарии, Фавтоса Бузанда, ал-Белазури, Ибн-Русте, Ибн Хардадбега, ал-Истахри, ал-Масуди и др.), к северу от Дербента находилось “Царство гуннов – Савир”, а с VII века – Жидан. Политическим центром этого “царства” был город под названием Варачан, и он, по мнению некоторых ученых, находился на территории Урцекского городища [Котович В.Г., 1974; Магомедов М.Г., 1983]. Однако материальная культура Урцекского городища не связана с кочевниками. Поэтому г. Варачан надо искать в другом месте, возможно, на территории Шах-Сенгерского городища в Каякентском районе, где его локализует М.С. Гаджиев [Гаджиев М.С., 1995. См. также: Давудов О.М., 1974; Федоров-Гусейнов Г.С., 1996].

Хотя очень трудно определить как границу “Царства гуннов – Савир”, так и состав его населения, я считаю, что под названием “гуннов-савир” скрывается местное (автохтонное) население Северо-Восточного Дагестана - предки современных жителей Каякентского, Карабудахкентского, Кумторкалинского, Буйнакского и частично Кайтакского районов. После изгнания хазар из территории Дагестана в составе государственного образования Жидан оказалась также территория Терско-Сулакского междуречья с г. Семендер.

Урцекское городище представляет собой тип укрепленного феодального замка, хорошо приспособленного к любой обороне. На его территории археологи раскопали остатки посада, второй линии обороны, в кладку которой были включены мощные каменные блоки, которые защищали дорогу в цитадель. Город был не только феодальным гнездом, но и ремесленным центром [Маммаев М.М., 1970]. В окрестностях Урцекского городища были прослежены остатки хорошо налаженного земледельческого хозяйства. Стало быть, Урцекское городище принадлежало автохтонному населению Дагестана. На его территории находился центр раннефеодального государственного образования – Жидан. Возможно, среди населения, оставившего Урцекское городище, были также ассимилированные “гунны-савиры”. Гунны-савиры, о которых писали раннесредневековые авторы, был собирательным итнонимом. Археологические раскопки показали, что основным типом жилища на цитадели Урцеки были двухэтажные дома. “Этот тип домостроения характерен, - считает М.С. Гаджиев, - для большинства

традиционных горских жилищ... На цитадели Урцеки наряду с двухэтажными возводились одноэтажные дома, а за ее пределами одноэтажные двухкамерные жилища с двориком соседствовали с двухэтажными домами” [Гаджиев М.С., 1999].

На основе изучения стратиграфии и архитектурных остатков М.С. Гаджиев выделяет два основных строительных периода Урцекского городища. Первый период – последние века до н.э. – III в. н.э., второй – в рамках III – V вв. н.э. [Гаджиев М.С., 1999. С. 23]. К концу албано-сарматского времени на территории Дагестана встречаются раннесредневековые образования, название которых “появляются в письменных источниках позднее в раннесредневековую эпоху, в связи с теми или иными событиями политической истории Кавказа IV – VIII вв.” [Гаджиев М.С., 1999. С. 42].

Урцекское городище, возникнув в албано-сарматское время, продолжало функционировать и в последующие века, пока его внезапно не разрушили иноземные завоеватели. Оно было разрушено в начале VIII в. внезапно, о чем свидетельствуют остатки сгоревших балок. Почти метровый слой древесного угля покрывал всю площадь исследуемых помещений. М.С. Гаджиев связывает прекращение существования Урцекского городища с проникновением и утверждением политического господства гуннских племен в Приморском Дагестане [Гаджиев М.С., 1999, с. 23]. Для такого вывода мы не располагаем какими-нибудь археологическими материалами, непосредственно связанными с гуннами, кроме двух одиночных погребений: одно в Джимикентском могильнике, относящемся к III–V вв., исследованному А.П. Кругловым, второе – в кургане, около ст. Манас, исследованном экспедицией К.Ф. Смирнова. Вообще, кто такие гунны Дагестана? Был ли такой народ в Дагестане? Что из себя представляло “Царство гуннов-Савир”; какие племена находились в составе этого “царства”? Пока конкретных ответов на эти вопросы у исследователей нет. Кроме того, на территории Урцекского городища мы не встречали никаких следов материальной культуры, связанных с гуннами и другими кочевниками. Мы можем говорить только о Приморском и частично о Предгорном Дагестане и об их заселении в эпоху Великого переселения народов, о которых сообщают византийские и армянские раннесредневековые источники.

Посмотрим, какие же события происходили на территории Северо-Восточного Дагестана с конца IV в. н.э. По сообщениям раннесредневековых авторов, к северу от Дербента находилось “Царство гуннов-савир”. Очень трудно определить границу этого “царства” и состав его населения. Под названием этого “царства”, в основном, скрывается автохтонное население Северо-Восточного Дагестана, на территории которого наряду с Урцекским городищем археологи обнаружили остатки городищ Ачису, Бойнак, Уллуяр, Сутайкутан, Какамахи, Губден, Гелли и др., которые в основном были разрушены арабами в VII–VIII вв.

В начале VI в. из среды Суvara-Жидана выделяется наследственная династия, которая претендовала на управление его населением. Представители этой династии вступили в открытую борьбу против сепаратизма племенных вождей. Стимулом к объединению послужила возросшая опасность со стороны Ирана и естественное стремление приобрести поддержку против него у византийских императоров, исконных врагов сасанидской Персии. Вот что пишет Феофан Исповедник в своей Летописи: “В том же (520) году присоединилась к римлянам некоторая жена из гуннов, называемых савирами, варварка по имени Боарикс, под властью которой находилось сто тысяч гуннов; она управляла ими в странах Гуннских по смерти своего мужа, Балаха. Кавад склонил двух царей других гуннских племен, живших далее во внутренних краях, помогать ему в борьбе против римлян. Когда они проходили с двенадцатью тысячами войска в Персию через владения царицы Боарикс, она напала на них и поразила наголову. Одного из них, Стирака, пленила и отослала в оковах к царю в Константинополь, а другого, Глениса, убила в сражении. Таким образом, - заключает Феофан, - сделалась она союзницей и другом царю Юстиниану” [Феофан Исповедник, 88, 117]. Численность отрядов “царицы” Боарикс и ее противников, мятежных вождей, наверняка преувеличена хронистом IX века. Современники описываемых событий называют цифры о численности савирских отрядов, не превышающие 500–2000 человек [Агафий,]. И все же из сообщения Феофана можно заключить, что Боарикс была “царицей” – владельницей главной, очевидно, южной части Суvara, вокруг которой шло объединение местных племен. Именно эта “царица” могла выставить такое многочисленное войско (даже если цифра и преувеличена), которое никак не укладывается в наше представление о племенном ополчении.

Политическим центром, “стольным” городом Суvara было Урцекское городище, которое сохранило свое значение и в последующие века. Урцекское городище находилось на расстоянии трех километров к юго-востоку от современного сел. Уллубийаул (Бойнак) Карабудахкентского района.

Дружественное отношение Боарикс к императору Юстиниану послужило причиной тому, что Боарикс послала в Лазикю отряд своих воинов. Об этих войнах и участии их в осаде Петре, недалеко от нынешнего Батуми, писал Прокопий Кесарийский: “Император Юстиниан, призывая своих сторонников из савиров на войну и прося прислать союзные отряды, отправил к ним некоего человека с деньгами...” [Прокопий Кесарийский. С. 467]. Варвары, выбрав троих из своих начальников, отправили их в область лазов (к Юстиниану) отборных воинов. Это были не полудикие кочевники-номады, а хорошо организованная дружина крупного феодала (государства) Суvara-Жидан, хозяина Урцекского городища, опытного в военном деле, прекрасно к тому же вооруженная: “У римлян находился отряд савиров

около двух тысяч человек, - пишет Агафий, - тяжело вооруженных, которыми предводительствовали Баимак, Кутилзис и Илагер, знаменнейшие у них люди" [Агафий. С. 88]. Этот момент очень важен для нас, и он показывает объединительную деятельность Боарикс и ее преемников под знаком византийской ориентации внешней политики Суvara-Жидана и исконной враждебности его Ирану.

В свете событий ирано-византийских войн становится очевидной длительная борьба правителей Урцекского городища с сепаратизмом племенной аристократии за объединение Суvara-Жидана в единое государство, каким мы его знаем в следующем столетии.

Уже в VII в. т.н. гунны-савиры почти не упоминаются в византийских хрониках, не знают их и арабы. Даже название "Царство гуннов - Савир" заменяется - арабские хронисты называют его Жиданом.

На территории государственного образования Жидан встречается единая материальная (археологическая) культура с единым антропологическим типом. Об этом мы судим как по облику материальной культуры предгорных памятников того времени - Урцеки, Генторун, Уллуяр, Сутай-кутан, Гелли др., так и по антропологическому типу раннесредневекового населения северо-восточных предгорий Дагестана, где находилась территория государства Жидан.

Антропологические типы, представленные в могильниках Урцеки, Агачкала, Узун-Тала, Большой Буйнакский курган, Верхний Чирюрт, представляют коренной дагестанский тип, связанный с древним пластом автохтонного населения обширного этнокультурного региона, в границы которого входят как предгорья, так и горные районы Дагестана [Гаджиев А.Г., 1965].

До образования Хазарского каганата (30-е годы VII в.) Суvara-Жидан находился в дружественных отношениях с Западно-Тюркским каганатом и частично от него зависел. Об этом мы можем судить по титулу, который носил владетель раннефеодального Предгорного Дагестана: владетели Суvara (Жидана) назывались "альтеберами". Впрочем, зависимость эта была в значительной мере номинальной, что и послужило поводом рассматривать Сувар в качестве федерата западно-тюркских каганов. Что в самом деле объединяло этих несопоставимых по своей политической значимости союзников? Прежде всего, совпадение военных интересов, общая ненависть к Ирану, общее стремление поживиться за счет подвластного Ирану населения Закавказья. Следует тут же оговориться, что и военные походы правители Суvara-Жидана предпринимали порой по собственному почину, вступали в союзные отношения с соседями, нисколько не заботясь о том, совпадают ли эти отношения с интересами сюзерена, тюркского каганата. Так было, например, в 576 г., когда Турксаиф порвал с константинопольским двором, а в то же время правитель Суvara-Жидана направил посольство ко двору Византийского императора.

Самостоятельности савир способствовали в немалой мере междоусобица и династические распри, потрясшие каганат в 581-593 годах. Зато во время ирано-византийских войн 623-628 гг. савиры сумели показать тюркютам, что значит истинная дружба, скрепленная кровью.

По-видимому, если кочевые хазарские племена оказались непосредственно в кругу поданных Тюркского каганата, то оседло-земледельческое население Суvara-Жидана за время господства тюркютов в Западном Прикаспии было связано лишь общими интересами обороны и нападения. Сувару-Жидану это было на руку, так как правители чувствовали за собою в тылу прочную опору: тюркюты же видели в воинах Жидана передовой отряд, способный помочь в их попытках сломить Иран, ударив на него с западной стороны Каспия.

Мало что изменилось в положении Суvara-Жидана и после падения Западно-Тюркского каганата. Гегемония в Западном Прикаспии перешла к Хазарскому каганату, с которым население Северо-Восточного Дагестана было издавна связано общими интересами. Общие интересы определялись, в первую очередь, политической обстановкой в Западном Прикаспии, которая сложилась еще в эпоху Западно-Тюркского каганата.

В период нахождения Хазарского каганата на территории Терско-Сулакского междуречья (30-е годы VII - 40-е годы VIII вв.) правители Жидана во главе с Алп-Илитвером воюют на стороне хазар против экспансии арабов. В конце 60-х годов VII в. дружинники Суvara-Жидана во главе с Алп-Илитвером вторглись в Албанию и вынудили правителя этой страны Вараз-Трлата платить дань, а после Алп-Илитвер заключил с ним мир [Моисей Каганкатвацци]. В 682 г. в столицу Суvara-Жидана прибыла миссия албанского епископа Израила, который хотел распространить христианство среди жителей Суvara-Жидана. Спустя два года Алп-Илитвер совместно с хазарами участвовал в походе на Закавказье и показал много подвигов [Моисей Хоренский].

В период арабо-хазарских войн, когда ставка каганата находилась в междуречье Терека и Сулака, на территории Суvara-Жидана располагалась исходная позиция войска Хазарского каганата против арабов, а дружина владетеля Жидана (зятя кагана) составляла передовой отряд хазарского войска. Кроме того, в силу своего географического положения феодальное образование Суvara-Жидан находилось на положении вассала хазарских каганов. Вдобавок ко всему, территория Жидана была очень удобной для маневров, а земледельческое население предгорий Северо-Восточного Дагестана представляло и необходимый в походе провиант [Федоров-Гусейнов Г.С., 1996].

Более ста лет население Северо-Восточного Дагестана совместно с Хазарским каганатом воевало против арабских захватчиков. После того, как Хазарский Каганат был разгромлен арабами в конце 40-х гг. VIII века, остатки его населения ушли с территории Дагестана и

обосновались со своими каганами в низовьях Волги в городе Итиле. Население Жидана и после изгнания хазар из территории Дагестана продолжало торгово-экономические связи с Хазарией.

В середине IX в., феодальное образование Жидан, освободившись от арабов, приобрело независимость и распространило свое политическое влияние до Терека. Совместная борьба народов Дагестана и хазар против арабов не уничтожили социально-экономическую базу и военный потенциал населения Жидана, о чем свидетельствует сообщение Масуди: “Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Жидан, народ которого входит в состав земель хазарских царей” [Масуди, 1908]. Здесь не прав Масуди, ибо в X в. Жидан находился лишь в номинальной зависимости от хазарских каганов. Известно, что в IX-X вв. одна из древних караванных дорог пролегла вдоль западного берега Каспия через Семендер и далее вдоль прибрежной полосы Дагестана, т.е. по территории, контролируемой Суваром-Жиданом: из Волжской Болгарии и от буртов шла в Итиль драгоценная пушнина, привозили рабов. Все эти товары переплавлялись на рынок Каспийского моря, в том числе через Прикаспийский Дагестан, контролируемый Жиданом, в Дербент. После того, как в конце 40-х гг. VIII в. Мерваном был разгромлен Хазарский каганат, в состав Жидана вошли территории междуречья Терека и Сулака с городом Семендер. И в Волжский период истории Хазарии дагестано-хазарские взаимоотношения продолжались. Именно Жидан, а не Хайдан (Кайтак), как считают некоторые исследователи, ссылаясь на перевод французского арабиста Дооссона, продолжил свои дружественные связи с Хазарией, пока каганат не был разгромлен в 965 г.

Масуди в своем знаменитом сочинении “Россыпи золота”, датированном 943 г., писал: “Жители Баб-уль Аббаба терпят неприятности от соседнего царства, называемого Жидан, подвластного хазарам” [Масуди. С.]. Далее Масуди рассказывает о Кавказе, Дербенте, Табасаране, о современной столице Хазар и снова продолжает рассказ о Жидане, но ни слова о Кайтаке...

Надо отметить, что в тексте Масуди четыре раза встречается название Жидан, но ни разу название Кайтак (Хайдан). Название Кайтак не встречается ни в одном источнике до начала X в. Кроме того, Кайтак никогда не имел каких-либо отношений с Хазарским каганатом, ни в Дагестанском периоде истории Хазарии, ни после перенесения столицы в устье Поволжья. Источники V-X вв. писали или о “Царстве гуннов-Савир”, или о Жидане, но не о Хайдане (Кайтаке).

Неправ Масуди, говоря, что Жидан находился под властью хазар, потому что в 943 г., когда писал Масуди, город Семендер и междуречье Терека и Сулака (бывшая “дагестанская” территория хазар) находились уже в составе феодального владения Жидан [Федоров Г.С., 1975. С.].

Когда в 1828 г. французский арабист Дооссон работал над переводом Масуди, ни в источниках, ни в других документах не было

названия Жидан, что, по-видимому, дало основание Дооссону изменить Жидан на Хайдан и обвинить Масуди, что он (Масуди), мол, перепутал и поставил точку не над арабской буквой ГБА, а под нее – ЖИ, в результате чего, вместо правильно написанного слова Жидан, получился искусственно Хайдан (Кайтак). Вот поэтому каждый, кто цитирует Масуди, искажает подлинный перевод Дооссона.

Л.Б. Гмыря в своей обстоятельной статье, посвященной политическим образованиям Прикаспийского Дагестана, на основе анализа раннесредневековых византийских, армянских, арабских и других источников также справедливо отмечает, что до IX в. нет сведений о Кайтаке (Хайдане). Возможно, название Хайдан (Кайтак) идентифицировалось с “территорией” Шандан, о которой упоминают источники [Гмыря Л.Б., 1998. С. 170, 183-186]

ЛИТЕРАТУРА

Агафий - Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примечания М.В. Левченко. М.;Л., 1953.

Гаджиев А.Г., 1965. - Происхождение народов Дагестана по данным антропологии. Махачкала.

Гаджиев М.С., 1999. - Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа: Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1998. - Политические образования Прикаспийского Дагестана в постарабский период (IX-X вв.) // Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала.

Давудов О.М., 1975. - Исследования в Южном Дагестане // АО 1974. М.: Наука.

Моисей Каганкатвацци, 1861 - История Агван Моисея Каганватвацци, писателя X века / Пер. с армянского К. Патканьян. СПб.

Котович В.Г., 1974. - О местонахождении раннесредневековых городов Варачан, Беленджер, Таргу // Древности Дагестана. МАД. Т. IV. Махачкала.

Маммаев М.М., 1970. - Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.

Магомедов М.Г., 1983. - Образование Хазарского каганата. М.: Наука.

Масуди - Луга золота и рудники драгоценных камней // СМОНПК. Вып. XXXVIII. Тифлис, 1908.

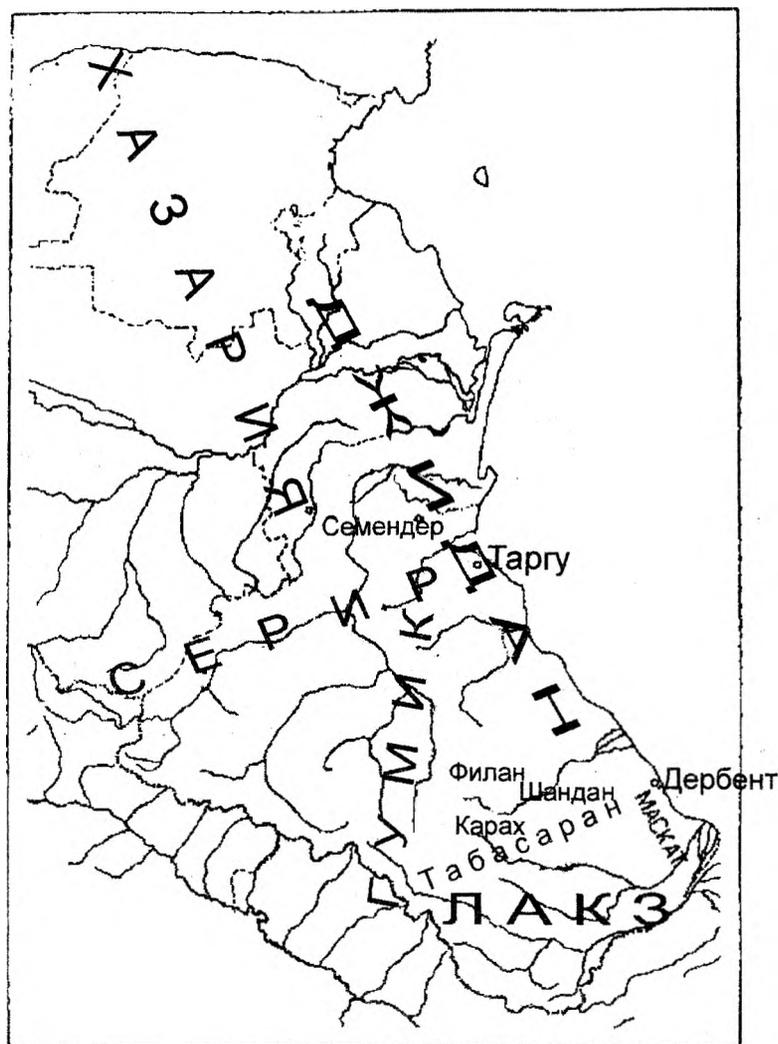
Прокотий Кесарийский - История войн римлян с персами / Пер. С. Дестунуса. Кн. 2. СПб., 1880.

Федоров Г.С., 1975. - К вопросу о местонахождении хазарского города Семендера // ВИЭД. Махачкала.

Федоров-Гусейнов Г.С., 1996. - История происхождения кумыков. Махачкала.

Феофан Исповедник, 1884. - Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакта. М., 1884.

Моисей Хоренский, 1893 - История Армении Моисея Хоренского // Пер. Н.О. Эмина. М.

Дагестан в середине VII- середине IX вв.

Л.Б. Гмыри
(Инс-т ИАЭ ДНЦ РАН, Мичиклин)

ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА ВРЕМЕНИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (IV-VIII вв. н.э.)

В археологической литературе при характеристике погребального обряда населения часто встречается упоминание об остатках тризны или следах ее проведения. Как правило, этим понятием обозначается поминальная традиция населения. Материальным свидетельством проведения поминальных ритуалов считаются кострища, выявленные вблизи могил, обломки сосудов, обнаруженные на их поверхности, древесные угольки, находящиеся в культурном слое некрополей. Исследователями особо выделяются факты обнаружения останков животных вблизи могил или непосредственно в погребениях, интерпретируемые как проявление ритуала жертвоприношения при поминальных мероприятиях.

Обозначаемый термином тризна поминальный обряд должен включать в себя весь комплекс обрядовых действий, проводимых в память об умершем, а не только отдельные ритуалы, фиксируемые археологическими источниками. Наше исследование, основанное на сведениях письменных источников и археологических материалах, направлено на преодоление одностороннего освещения ритуальной практики, связанной со смертью члена социума.

Содержание некоторых поминальных обрядов, практиковавшихся населением Прикаспийского Дагестана в указанный период, раскрывается в "Истории страны алван" Мовсеса Каланкатуаци [Каланкатуаци, 1861; 1984]. Информация, содержащаяся в источнике, ценна и важна для реконструкции цикла поминальных обычаев населения Прикаспия. Она точно датируется 682 г. – временем посольства албанского епископа Исраила в "страну гуннов" и зафиксирована очевидцами проведения ритуальных мероприятий – членами христианской миссии. Однако помещенное в источнике сообщение не представляет собой цельное повествование и к тому же предельно лаконично. Как и многие другие историки древности, Мовсес Каланкатуаци повествует о наиболее поразивших его фактах из поминальной практики язычников-гуннов. Его рассказ эмоционально окрашен и изобилует авторской интерпретацией. Вся полнота обрядов, связанных с погребением умершего в "стране гуннов", восстанавливается с привлечением достоверных данных из культурных традиций народов, имевших типологически тождественную погребально-поминальную практику.

Анализ сведений Мовсеса Каланкатуаца затруднен из-за разности переводов, поэтому в работе используются два русских перевода источника – К. Патканьяна (1861 г.) и Ш.В. Смбатяна (1984 г.).

Погребально-поминальные обычаи гуннов Прикаспия описаны в самом начале повествования о религии населения, сразу после информации о главных богах. В очень сжатой форме автор отметил только наиболее необычные для чужестранца похоронные и поминальные традиции:

“Барабаны и звоны на разрезанных мечом и ножами трупах, кровавые рубцы на щеках и членах и битвы на мечах в нагом состоянии... Зрелище дикое! Носясь при кладбищах муж с мужем и толпа с толпой боролась в нагом состоянии, и многочисленные группы, предаваясь разврату, пустив коней, скакали в разные стороны.

Кому плач и рыдание, кому игра по демонскому их обычаю. Они играли игры и составляли пляски, погруженные скверными делами в мрачную нечистоту и лишены света творца... Так преданные афродитиным желанием согласно языческим нравам своим, они брали в супружество жену отца; у них два брата имели одну жену, и брали также разных жен” [Каланкатуаца, 1861, с. 194] *“[Алп-Илитвер] старался мало по малу прекратить над мертвыми беснующийся плач, скверную неистовую резню...”* [Каланкатуаца, 1861. С. 199].

“Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах. То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону. Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, тусковались в пляски и предаваясь скверным поступкам, погружались в мрачную мерзость, ибо были лишены света Творца... И еще преданные похотливым желанием [букв. сладострастием, присущим Афродите], по диким языческим нравам своим жен отцов своих брали себе, или два брата брали одну жену, или [один]брал много разных жен” [Каланкатуаца, 1984, с. 124]. *“Он [Алп-Илитвер]старался постепенно прекратить иступленный плач над мертвыми и бешеную резню...”* [Каланкатуаца, 1984, с. 128].

Исследователи обычно интерпретируют эти сведения источника как информацию о ритуалах первых дней после смерти сородича. Однако, как выяснилось, поминальные мероприятия, проводились в течение года и весь цикл делился на 5 блоков ритуальных действий, различающихся содержанием и временем проведения. В процитированном пассаже источника имеются данные только о первом и заключительном блоках поминальных ритуалов, т.е. разделенных во времени проведения 48 неделями. Причисление их к одной фазе

поминального цикла искажает сущность ритуальных мероприятий и упрощает сложную систему комплекса ритуалов в целом. Наша задача по его воссозданию, в свете изложенного, представляется актуальной.

Начало этой работе, как не покажется странным на первый взгляд, положено информацией албанского автора, традиционно относимой исследователями к семейно-брачным обрядам. Речь идет о формах брака у гуннов Прикаспия. Верные своим языческим нравам, отмечает автор *“... они брали в супружество жену отца; у них два брата имели одну жену, и брали также разных жен”* [Каланкатуаца, 1861, с. 194]. Первые две формы брака настолько поразили повествователя необычностью, что он обвинил язычников-гуннов в “сладострастии, присущем Афродите” (Каланкатуаца, 1984, с. 124).

Практически идентичное восприятие брачной практики гуннов Прикаспия продемонстрировали и современные исследователи. М.И. Артамонов и А.П. Новосельцев полагали, что у гуннов было многоженство [Артамонов М.И., 1962, с. 189; Новосельцев А.П., 1990, с. 146]. Такого же мнения придерживается С.Г. Кляшторный [1983, с. 171]. Основанием к таким заключениям послужила информация автора – “брали в супружество жену отца”.

Другой формой брака у гуннов считается многоженство [Артамонов М.И., 1962, с. 189; Новосельцев А.П., 1990, с. 146]. Таким образом проинтерпретированы данные источника – “два брата имели одну жену”. Мы считаем, что в “стране гуннов” Прикаспия существовал обычай левирата [Гмыря Л.Б., 1980, с. 70-71; 1995, с. 213-214; 1999, с. 40].

Обычай левирата зафиксирован в практике многих кочевнических обществ евразийских степей эпох древности, средневековья, нового времени. Относительно полная сводка распространения братской, отцовской и родственной форм левирата приведена А.М. Хазановым, хотя кавказский регион не попал в поле его зрения [Хазанов А.М., 1975, с. 79-82]. Левират отмечен у древних скифов, хунну, ухуаней, тугухуньцев, средневековых тюрок (тугю), чжурчженей, а также монголов, татар Золотой Орды. Среди народов нового времени бытование левирата зафиксировано у туркмен, каракалпаков, казахов, узбеков, киргизов, калмыков [см. библиографию: Хазанов А.М., 1975, с. 80-81]. У некоторых народов Средней Азии и Дагестана этот обычай дожил до этнографической действительности [Абрамзон С.М., 1968, с. 289-290; Гаджиева С.Ш., 1959, с. 250; Ихтилов М.М., 1961, с. 222; Курбанов К.Э., 1974, с. 133; Алимова Б.М., 1977, с. 9].

Точное содержание обычая левирата у гуннов Прикаспия раскрывается через практически идентичную брачную практику хуннов и древних тюрок (тугю), описанную китайскими историками. В отличие от албанского автора они четко очерчивают обстоятельства исполнения особых форм брака у древних кочевников. Сыма Цянь (145-87 г. до н.э.), автор “Исторических записок” (Шы-Цзи) фиксирует несколько одновременных фактов проявления обычая левирата в государстве

хуннских шаньюев. Первый относится к периоду истории хуннов от древнейших времен до 209 г. до н.э.: “По смерти отца [хунну] женятся на мачехе; по смерти братьев женятся на невестках” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1. С. 40]. Второй связан с шаньюем Модэ (209-174 гг. до н.э.), который пришел к власти не по праву наследника, а как указывает автор, “Модэ убил отца, женился на мачехе, и силою наводит страх...” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1. С. 52]. Еще одно свидетельство левирата у хуннов принадлежит свнуху китайского императора, перешедшего на службу к шаньюю Лаошан-Гиюю (174-161 г. до н.э.), сыну Модэ: “По смерти отца и братьев берут за себя жен их из опасности, чтоб не пресекался род; и по сему хотя есть кровосмешение у хуннов, но роды не прекращаются” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 58]. Аналогичная практика отмечена китайским историком Фань Хуа (писал в 424 г.) у племени ухуань, обитавших восточнее хуннов. Их усиление относят к периоду 80 г. до н.э. – 206 г. н.э. В “Истории младшего Дома Хань” (Хоу-Хань-Шу) автор отмечал, что у этих племен “В обычае введено жениться на мачехах, братьев жен после братьев; по смерти мужа они возвращаются в дом прежних мужей” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 143].

Аналогичный обычай существовал и у тюрков-тугю (VI – первая половина VII в.). Он описан в “Танской истории” (Таншу), составленной Оу Янсю в 1069 г. на материалах династийных хроник “Чжоушу” и “Суйшу”, составленных в 629 и 636 гг. События, описанные в них, датируются временем от второй пол. VI до первой пол. VII в. [Войтов В.Е., 1996, с. 80]. По данным китайских источников тюрки-тугю “По смерти отца, старших братьев и дядей по отце женятся на мачехах, невестках и тетках” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230]. Пассаж, содержащий эти сведения, помещен в разделе хроники, описывающей правление хана Восточного дома тюрков-тугю Мууй-хана Кигинь (Яньду), правившего в 552-572 гг. В данной хронике “История династии Тхан” (Тхан-Шу) автора Эу Ян-Хю также имеется упоминание об этом обычае у тюрков-тугю Западного Дома. Вдова Нили-хана вторично вышла замуж за его брата: “Мать его Сян-шы родом была из Среднего государства. Нили скончался вскоре по рождении Даманя [сын Нили-хана]; почему мать его опять вышла за младшего деверя Поши-дэлэ” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1. С. 279]. Сообщение относится примерно к 600 г.

Главным обстоятельством исполнения обычая левирата у хуннов, ухуаней и тюрков-тугю китайские историки называют смерть главы семейства. У хуннов в случае смерти отца обычаем предусматривалось взятие в жены вдовы умершего пасынком, т.е. сыном главы семьи, но рожденного от другой женщины: “По смерти отца женятся на мачехе...”. Так же поступали ухуани: “В обычае введено жениться на мачехах...” и тюрки-тугю: “По смерти отца... женятся на мачехах...”. Албанский автор о существовании этого же обычая у гуннов Прикаспия сообщил в такой форме – “... брали в супружество жену отца...”.

Важное условие, при котором осуществлялась такая практика – смерть главы семейства, албанский историк упустил или намеренно не указал, дабы усилить варварский характер описываемого общества.

Другой вариант брачных отношений, именуемых левиратом, у кочевников Центральной Азии состоял в том, что по смерти одного из братьев, на его вдове мог жениться другой (старший или младший). Хунны “... по смерти братьев женятся на невестках”, ухуане поступали также: “В обычае введено... братьев жен после братьев...”, тоже исполнялось и у тюрков-тугю: “По смерти... старших братьев... женятся на... невестках...”. Как показывают данные источников, никакой речи о многожестве не идет. Мовсес Каланкатуаци аналогичную форму брака у гуннов Прикаспия описал как “... два брата имели одну жену...”, упустив сообщить, что такой брак был возможен в случае смерти одного из них.

У тюрков-тугю разрешалось также в случае смерти главы семейства жениться на вдове его племяннику (сыну брата умершего) – “По смерти... дядей по отце женятся на... тетках”.

Особенность перечисленных форм брака подчеркивается данными Мовсеса Каланкатуаци о том, что гунны Прикаспия “... брали также разных жен”, т.е. женитьба на вдове умершего отца или брата были необычным явлением, в то время как традиция предусматривала избрание “разных жен”.

Для нашей темы важны данные источников о времени совершения обряда нового бракосочетания вдовы умершего. Как показывает анализ сведений китайских династийных хроник, этот обряд был включен в блок больших заключительных поминок, устраиваемых через 5 месяцев после проведения мероприятий, увековечивающих память умершего. Этот обряд завершал весь сложный цикл поминальных мероприятий, проводимых в связи с кончиной члена рода, о чем подробнее мы скажем ниже. Здесь же отметим, что специфические формы брака, обозначаемые этнологами термином левират, практиковавшиеся у хуннов, древних тюрков, прикаспийских гуннов, были составной частью поминальных обрядов, а не являли собой обычное действие, или обычную практику.

Сравнительный анализ всего комплекса данных письменных источников о поминальной обрядности хуннов времени империи Хунну, тюрков-тугю периода Первого тюркского каганата и населения Прикаспия периода существования “страны гуннов” (китайские исторические хроники, древнетюркские камнеписные тексты, албанское историческое сочинение) выявляет практически полную идентичность содержания и последовательность осуществления проводимых ими поминальных обрядов. Благодаря в основном данным китайских и древнетюркских письменных источников, возможна реконструкция всего комплекса похоронно-поминальной обрядности населения “страны гуннов” Прикаспия. Однако ряд конкретных данных,

имеющихся в “Истории страны алван” Мовсеса Каланкатуаци, дополняют эти сведения и передают психологическую окраску проводимых ритуалов.

Судя по информации, содержащейся в “Истории страны алван”, похоронно-поминальный обряд гуннов Прикаспия включал в себя такие обрядовые действия: 1) музыкальное сопровождение; 2) ритуальные действия над трупом; 3) причитания и плач; 4) самоистязания родственников умершего; 5) состязания на ристалище; 6) народные игры; 7) пляски; 8) эротические ритуалы; 9) выбор главы семьи умершего и заключение новых браков.

Прежде чем перейти к анализу перечисленных в источнике погребально-поминальных обрядов гуннов Прикаспия, приведем сведения о подобных обрядах в среде древнетюркских народов. Практически полная тождественность этого цикла обрядовых действий, сведения о которых китайских и древнетюркских источников синхронны данным Мовсеса Каланкатуаци, облегчит нашу задачу по воссозданию погребально-поминальных обрядов в среде населения “страны гуннов”.

В китайских исторических сочинениях эпохи Тан – династийных хрониках Чжоушу, Суйшу и Бэйши имеется описание погребально-поминальных обрядов тюрков-тугю. Написание текста этих хроник относится к 629, 636 и 659 гг., но события в них упоминающиеся, датируются временем от второй пол. VI в. до первой пол. VII в. [Войтов В.Е., 1996, с. 80]. Цитируемый нами источник относится к династийной хронике Таншу, составленной в 1069 г. на материалах Суйшу и Чжоушу. В ней сведения о погребальном обряде тюрков-тугю изложены лаконично:

“Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоого пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву, семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают, собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу. Умершего весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться. В день похорон, так же как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезывают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжении жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах. В этот день и мужчины и женщины в нарядных платьях собираются

на кладбище; если мужчине понравится девушка, то по возвращении в дом, он посылает сватать ее, и родители редко отказывают. По смерти отца, старших братьев и дядей по отцу женятся на мачехах, невестках и тетках” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230].

Судя по описанию, похоронно-поминальный обряд древних тюрков содержал в себе следующие компоненты: 1) помещение умершего в специальной юрте; 2) поминки в день смерти (скачки на лошадях вокруг юрты с покойником, жертвоприношение, самоистязание родственников); 3) поминки (7 раз) в период после дня смерти (скачки на лошадях, жертвоприношения, самоистязание родственников); 4) время похорон (2 раза в год – ранняя весна и ранняя осень); 5) подготовка покойника к похоронам (сожжение тела умершего, туши коня и личных вещей); 6) похороны (помещение пепла в могилу); 7) поминки (скачки на лошадях, жертвоприношения, самоистязание родственников); 8) постройка поминального храма; 9) установка статуи; 10) установка стелы с описанием подвигов погребенного; 11) установка каменных памятных знаков по числу убитых в сражениях; 12) выбор главы семьи умершего (через временной интервал после похорон); 13) договоры о новых браках (через временной интервал после похорон).

Весь цикл похоронно-поминальных обрядов тюрков-тугю, обозначенный в одной из древнетюркских надписей (памятник в честь Тоньюкука) емким определением – “погребальные церемонии” [Малов С.Е., 1951, с. 68], можно на наш взгляд, свести к нескольким блокам: 1) обряды по случаю смерти; 2) малые поминки; 3) обряды по случаю похорон; 4) обряды по случаю установки мемориала; 5) годовые поминки. В данных источниках (албанских и китайских) просматриваются хронологические различия в содержании ритуалов и последовательности их проведения. В нашу задачу не входит анализ “погребальных церемоний” тюрков-тугю, содержание источников, описывающих эти обряды, используется нами как сравнительный материал по погребальному ритуалу гуннов Прикаспия. Исследование по названной теме представлено нами по блокам, в вышеуказанной последовательности. “Погребальные церемонии” имели у гуннов Прикаспия социальное значение, для их совершения собирались все родственники умершего.

Обряды по случаю смерти (обряды первого дня)

В полном объеме этот блок описан в практике древних тюрков Центральной Азии: “Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоого пола закалывают лошадей и овец, и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом пред входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230]. Известно, что

практически также проходили обряды первого дня по случаю смерти царя европейских гуннов Аттилы, умершего в 453 г.: “Его труп был положен посреди равнины, под шелковым павильоном, и избранные эскадроны гуннов совершали вокруг него мерным шагом военные маневры, распевая надгробные песни в честь героя... Согласно со своими племенными обычаями, варвары укоротили свои волосы, обезобразили свои лица искусственными ранами и оплакивали своего отважного вождя так, как он того стоил, проливая над его трупом не женские слезы, а кровь воинов”. [Гиббон Эдуард, 1997, с. 42].

Из обрядов первого дня – по случаю смерти сородича, аналогичных практике европейских гуннов и тюрков-туто, у гуннов Прикаспия VII в. известны два – самоистязание родственников и проведение плачей по умершим. Мовсес Каланкатуаци указывал: “... ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах”. [Каланкатуаци, 1984, с. 124]. Причем этот обряд исполнялся с большим эмоциональным накалом, то была, как свидетельствует автор, “неистовая резня”. [Каланкатуаци, 1861, с. 199].

В источниках сохранилось описание обряда самоистязания, проводимого гуннами Прикаспия для более раннего времени, точно датированного сер. VI в. Во время одного из этапов ирано-византийской войны за Лазик (550-555), отряд наемников гуннов-савир из “страны гуннов” Прикаспия, состоявший в войске персов, подвергся неожиданному нападению со стороны византийцев [Агафий, с. 116]. Из 500 воинов гунны потеряли около 400, до основной стоянки войска удалось добраться 40 воинам [Агафий, с. 116, 157]. Агафий Миринейский, описавший этот эпизод, был поражен необычными проявлениями скорби у гуннов: “С трудом и хан гуннов Заберган, и бывшие с ним добрались к своей радости до стоянки. Когда в большом беспорядке гунны ворвались в свою стоянку, то привели этим в замешательство все остальное войско, как будто ему угрожала неизбежная гибель. Слышался сильный вой варваров, они резали себе даже щеки ножами, выражая тем по обычаю свою горесть” [Агафий, с. 158].

А.П. Новосельцев полагал, что описанный у Мовсеса Каланкатуаци обряд нанесения порезов на лицо и тело как выражение скорби в какой-то степени схож с погребальным обычаем скифов, что, по его мнению, “доказывает преемственность между древнеиранскими кочевниками и хазарами VII в.” [Новосельцев А.П., 1990, с. 145]. Нам кажется, что это не совсем так, хотя что-то общее в обычаях гуннов и скифов, описанных более чем за тысячу лет до событий в “стране гуннов”, просматривается, но это общее может быть обусловлено преемственностью населения Великой степи в древности и раннем средневековье. Геродот (484-425 гг. до н.э.) писал: “Те, к кому привезут покойника... отрезают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку” [Геродот, 71, с. 87]. Греческий историк Аммиан Марцеллин

(IV в.), видимо, зная об обычае самоистязания у гуннов, связывал его с определенными действиями, предотвращавшими рост волос на лице мужчин. Он писал, что гунны разрезают щеки детям, чтобы впоследствии не росли волосы [Аммиан Марцеллин, с. 1021]. Другой греческий автор – поэт Клавдий Клавдиан (375-404), обрисовавший этнографический портрет гуннов, также отмечал бытование такого обычая, однако автор исказил его смысл: “... их забава разрезать лицо...” [Клавдий Клавдиан, с. 384].

А.П. Новосельцев с некоторым недоверием отнесся к данным Мовсеса Каланкатуаци относительно обряда самоистязания у гуннов Прикаспия, полагая, что автор “порой их искажает, желая показать “хонов” дикарями” [Новосельцев А.П., 1990, с. 145]. Однако суждение исследователя основывается на незнании поминальных обычаев тюркоязычных народов. Обряд самоистязания был известен не только древним тюркоязычным племенам, он зафиксирован этнографами у некоторых тюркоязычных народов нового времени. К примеру, у казахов (конец XIX в.): “Когда умирал белобородый старик ... жена его во время плача расплетала свои косы и распускала их на плечи, потом царапала себе лицо, до тех пор, пока не побежала кровь” [Диваев А.А., 1897, с. 181-182. - Цит. по: Войтов В.Е., 1996, с. 129].

Самоистязание, как проявление скорби близких родственников, зафиксировано и у некоторых народов Дагестана – кумыков [Пржецлавский П., 1860, с. 297; Гаджиева С.Ш., 1961, с. 281; Она же, 1985. С. 294, 298; Гаджиева С.Ш., Аджиев А.М., 1980. С. 49, 51], табасаранцев [Алимова Б.М., 1992, с. 169, 171], лакцев [Гаджиев Г.А., 1991, с. 143], лезгин [Агаширинова С.С., 1978, с. 249; Гаджиев Г.А., 1980, с. 39-40], некоторые данные фольклора позволяют предположить существование скорбного обряда самоистязания и у некоторой части даргинцев [Алиханова А.А., 1978, с. 157].

В “стране гуннов” в обряд скорби входили и специальные плачи. Мовсес Каланкатуаци охарактеризовал этот ритуал как “исступленный плач над мертвыми” [Каланкатуаци, 1984, с. 128]. Для характеристики скорбных плачей древних тюрков интересно содержание обозначения участников ритуала скорби. Всех приходящих к родственникам с соболезнованиями обозначали словом, включавшим понятия “плач” и “стон”. Так в большой надписи на памятнике в честь Кюль-Тегина, умершего в 731 г., написанной от имени его старшего брата-кагана, сообщается, что когда умерли его предки – Бумын-каган и Истеми-каган, “(в качестве) плачущих и стонущих (пришли) спереди, из (страны) солнечного восхода, народ степи Бёклийской, (а также) табгач, тибетцы, авары и Рим, киргизы, уч-курыканы, отуз-татары, кытай и татабийцы, сколько народов придя, стонали и плакали: столь знаменитые каганы были они” [Малов С.Е., 1951, с. 36]. Свои собственные переживания в связи со смертью младшего брата – Кюль-Тегина, каган передал в надписи на памятнике весьма эмоционально: “... Мой младший брат,

Кюль-Тегин, скончался, я же заскорбел; ... из глаз моих лились слезы, и сильные (?) вопли исходили из (глубины) сердца, я снова и снова скорбел” [Малов С.Е., 1951, с. 43]. Прибывших к нему для выражения соболезнования он также называет “плачущими и стонущими” [Малов С.Е., 1951, с. 43].

Албанский автор свидетельствует о существовании у гуннов Прикаспия еще одного ритуала, в практике древних тюрков не отмеченного. Речь идет об исполнении ритуальных мелодий у тела умершего. В переводах это действие описано по-разному: в современном – “Трубили (в трубы) и били в барабаны над трупами...” [Каланкатуаци, 1984, с. 124]; в раннем – “Барабаны и звоны на разрезанных мечом и ножами трупах...” [Каланкатуаци, 1861, с. 194]. На наш взгляд, ранний перевод более точно передает описание звука, издаваемого музыкальным инструментом. Это, возможно, был бубен, одновременно воспроизводящий звуки барабана и звон колокольчиков.

Подобные музыкальные инструменты были атрибутами древнетюркских шаманов, о чем имеются сведения у Менаандра Византийца, сопровождавшего византийского посла Земарха к тюркам в 568 г. Он отмечал, что тюркские шаманы при встрече почетного посланника “били в бубны, потрясали колокольчиками и производили окуривание ладаном” (цит. по кн.: [Потапов Л.П., 1953, с. 86, прим. 3]).

Использование музыкальных мелодий в похоронном обряде отмечено китайскими историками у племен ухуань, живших восточнее хуннов: “Покойников кладут в гроб и производят плач по ним; но гроб провожают с песнями и плясками” [Бичурин Н.Я., 1950, с. 143].

В переводе К. Патканьяна (1861 г.) пассаж о ритуалах скорби у гуннов Прикаспия содержит дополнительную информацию, которой нет в переводе Ш.В. Смбагына (1984 г.). Ее содержание сводится к тому, что у гуннов Прикаспия бытовал обряд нанесения ритуальных порезов телу: “... на разрезанных мечом и ножами трупах...”. [Каланкатуаци, 1861, с. 194]. Нам не известны аналогии этого обычая в культуре тюркоязычных народов. Отсутствие этих сведений в издании 1984 г. вызывает сомнения в точности передачи содержания пассажа в переводе К. Патканьяна.

Однако близкий по содержанию обычай описан ал-Мас’уди (Хв.). По его данным он бытовал у жителей ас-Сарира, так арабская традиция именовала внутренние горные области Северо-Восточного Кавказа. Ал-Мас’уди писал: “Когда кто-нибудь из них умрет, они кладут его на носилки и выносят его на открытое место (майдан, площадь), где оставляют его на три дня на носилках. Затем жители города садятся на коней и облачаются в панцири и кольчуги. Они едут на край (названного) места (и оттуда) со своими копьями устремляются на мертвое тело, (лежащее) на носилках. Они кружат вокруг носилок, направляя копьё на тело, но не пронзая его”. [ал-Мас’уди, с. 219-220]. Это обычай, по утверждению автора, бытовал у жителей этого города 300 лет (примерно

с 600 г.). Подобное замечание ал-Мас’уди свидетельствует о том, что описанный похоронный обряд не был свойственен для местных племен.

Обряды первого дня (дня смерти) завершались поминальными мероприятиями, включавшими жертвоприношения и скачки на лошадях. В поминках первого дня у тюрков-туго принимали участие все родственники: “Сыновья, внуки и родственники обоого пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях...” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230].

Малые поминки. Данные китайских источников позволяют считать, что малые поминки, проводившиеся после дня кончины, устраивались древними тюрками каждую неделю в течение семи недель, т.е. 50-ти дней. В хрониках указывается, что “таким образом (т.е. так, как в день кончины. – Л.Г.) поступают семь раз и оканчивают” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230]. Поминальные мероприятия завершались по истечении 49 дневного срока. Точная продолжительность проведения поминальных мероприятий известна из ритуальной практики скифов: “... в случае же смерти одного из прочих скифов ближайшие родственники обвозят покойника на повозке по всем его друзьям; каждый из них устраивает угощение провожатым, причем и покойнику предлагает из всех тех яств, что и другим. Частных лиц возят таким образом сорок дней, а затем хоронят” [Геродот, 73, с. 87]. У царских особ поминальные мероприятия продолжались дольше, т.к. набальзамированный труп царя необходимо было провести по землям всех подвластных скифам племен [Геродот, 71, с. 87].

Содержание малых поминок у тюрков-туго идентично поминкам первого дня – жертвоприношение, скачки, самоистязания, плачи. Данных о том, устраивались ли жертвоприношения в поминальные дни у гуннов Прикаспия нет, как и о том, в какие сроки они проходили. Проведение скачек описано для больших заклочительных поминок, но, вероятно, эти мероприятия устраивались и в малые.

Похороны. Китайские источники свидетельствуют, что после завершения малых поминок тюрки-туго совершали обряд кремации – тело умершего, его личные вещи и коня сжигали. День исполнения этого обряда выбирали родственники умершего. Прах хранился несколько месяцев до похорон, т.к. похороны (закапывание праха в могилу) по обычаю древних тюрков проводились только 2 раза в году – ранней осенью и ранней весной: умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться, – декларируют источники [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230]. Возможно, погребение умершего приурочивалось к весеннему и осеннему праздникам.

По данным тех же китайских исторических хроник у хуннов и схожих с ними по обычаям племен ухуаней обряд кремации умерших не практиковался. Так, во времена правления Шаньюя Модэ (209-174 г. до н.э.) обряд погребения выглядел так: “Покойников хоронят в гробе;

употребляют наружный и внутренний гробы; облачение из золотой и серебряной парчи и меховое; но обсаженных деревьями кладбищ и траурного одеяния не имеют” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 50]. Так хоронили хана у хуннов [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 50, прим. 2].

Также в гробу помещали умерших и ухуане: “Покойников кладут в гроб и производят плач по ним” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 143]. Ритуал кремации тоже присутствует при похоронах у ухуаней, но его содержание иное, нежели у древних тюрков: “Берут одну откормленную собаку и ведут ее на цветном шнурке; также берут лошадь, на которой покойник ездил, его одеяние и вещи и все это сжигают, и несут за гробом для препоручения собаке, чтобы она охраняла душу умершего до горы Чи-Шань. Чи-Шань лежит в нескольких тысячах ли от Ляо-дун на северо-восток (где-то близ устья Амура) [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 143-144].

Из данных китайских источников вытекает, что хунны и схожие с ними в обычаях ухуане умерших хоронили, а древние тюрки-туго тело покойного и его личную собственность подвергали сжиганию. Сопоставление данных письменных источников о погребальном обряде гуннов IV-V вв. и археологических материалов породили полемику среди исследователей по поводу выделения основных черт их погребальной обрядности. Не вдаваясь в суть проблемы, рассмотренной в других работах [Гмыря Л.Б., 1993, с. 293-298], здесь, однако, следует заметить кое-какие особенности в обряде погребения европейских гуннов и двоякое, как нам представляется, отношение к способу ухода в иной мир. Иордан в рассказе о “битве народов” на Каталунских полях в Шампани (451 г.), в котором сразились римляне и гунны со своими союзниками, упоминает один интересный для нашей темы факт. Гунны, спасаясь от полного поражения в результате неожиданного натиска вестготов, укрылись в своем лагере, укрепленном только повозками. Во время ночного штурма лагеря, когда “итог борьбы был сомнителен” [Гиббон Эдуард, 1997, с. 34], царь гуннов Аттила приказал соорудить костер. Исследователями он обозначен по-разному: “костер для самосожжения” [Виппер Р.Ю., 1998, с. 403], “погребальный костер” [Гиббон Эдуард, 1997, с. 34], но его семантика определена ими однозначно. Наиболее четко она изложена у Э. Гиббона: “Аттила приберег для себя последнее и неунизительное для его достоинства средство спасения. Мужественный варвар приказал устроить погребальный костер из богатой конской сбруи и решился, - в случае если бы его укрепленный лагерь был взят приступом, - броситься в пламя и тем лишить своих врагов той славы, которую они приобрели бы умерщвлением Аттилы или взятием его в плен” [Гиббон Эдуард, 1997, с. 34].

На наш взгляд, исходя из идеологии хуннов, гуннов, ранних тюрков, семантика этого костра была иной. При любом исходе штурма лагеря гуннов Аттила, как и другие воины, должен был сражаться до конца. Смерть на поле битвы считалась для гуннов и тюрков самой почетной

[Гмыря Л.Б., 1995, с. 127-128]. Поэтому царь гуннов, прославившийся у всех народов как мужественный воин, не мог предпочесть себе смерть в бою через сожжение. К тому же известно, что смерти посредством сожжения подвергались у скифов и гуннов Прикаспия только священнослужители, нанесшие своей деятельностью вред сородичам [Геродот, 69, с. 86; Каланкатуази, 1984, с. 129-130, 132]. Погребальный костер по замыслу Аттилы, как представляется, должен был иметь иной смысл. Сооруженный из дорогой сбруи (т.е. конница была лишена снаряжения), костер был символом, означавшим: отступить некуда, стоять насмерть. Иными словами царь гуннов показывал, что погибнуть в бою и быть с почестями погребенным (т.е. сожженным в пламени костра) – эта участь гуннского воина. Аттила действительно отличался талантом вдохновлять своих воинов [Гиббон Эдуард, 1997, т. IV, с. 31-32]. Пройграв по существу Каталунскую битву, гунны во главе с Аттилой отбивали атаки, штурмовавших их лагерь, подбадривая себя воинственными криками [Гиббон Эдуард, 1997, с. 35]. И римляне в конце концов отвели свои войска, потеряв, по данным Иордана, 162 тыс. убитыми.

Аттила, умерев вскоре в 453 г. [Гиббон Эдуард, 1997, с. 9; Кузицин В.И., 1982, с. 325; Неронова В.Д., 1983, с. 270], И.П. Засецкая почему-то называет 454 г. [Засецкая И.П., 1994, с. 148] во время своей свадьбы, был захоронен сородичами по данным Иордана в тройном гробу – железном, серебряном, золотом [Гиббон Эдуард, 1997, с. 42; Виппер Р.Ю., 1998, с. 403], т.е. не был кремирован.

Сопоставляя эти факты (сооружение погребального костра по распоряжению самого Аттилы и способ его захоронения в гробах, исполненный сородичами), вполне возможно предположить, что у гуннов практиковались разные обряды погребения умерших. Выбор способа захоронения, по всей видимости, зависел от обстоятельств смерти. Почетной смертью у гуннов считалась гибель в бою и позорной – смерть от болезни и старости (Клавдий Клавдиан, Аммиан Марцеллин). Таким же было отношение к обстоятельствам ухода из жизни и у тюрков. Гибель в бою и бытовая смерть обозначены в камнеписных текстах древних тюрков по-разному. Так, в эпитафии на памятнике в честь Кюль-тегина, умершего в 731 г., термин “умер” употребляется в значении “был убит”: “каган умер” (т. е. был убит) [Малов С.Е., 1951, с. 38, 39, эпизоды 19-20]. Для обозначения обычной, негеройской смерти повсюду употреблен термин “улетел” или “скончался”: Бумык-каган и Истеми-каган “скончались”, “Мой отец-каган... власть свою приобретя, улетел (т. е. умер, “мой дядя-каган улетел (т. е. умер)”, “мой младший брат, Кюль-тегин, скончался...” [Малов С.Е., 1951, с. 36, 38-39, 43, эпизоды 4, 16, 24, 50].

Возможно, геройская смерть на поле сражения по традициям гуннов и древних тюрков предусматривала проведение похоронного ритуала кремации, а обычная – другую церемонию: захоронение в

гробу. Царь гуннов Аттила умер на брачном ложе, по данным Э.Гиббона, из-за внезапно лопнувшей артерии, кровь из которой попала в легкие [Гиббон Эдуард, 1997, с. 42]. Поэтому его похоронили не как героя, а как частное лицо, хотя и облаченное царскими регалиями, т. е. так, как хоронили в таких случаях его древние предки хунны – “в наружном и внутреннем гробе”. Китайские историки, описывая обряды соседствующих с империей кочевников, могли информировать об одном из способов практиковавшихся у них захоронений – кремация у тюрков – тугто и захоронение в гробу у хуннов и ухуаней, не уточняя особенностей обрядов.

В день похорон у древних тюрков-тугто исполнялись поминальные ритуалы, идентичные первому дню и малым поминкам – жертвоприношение, скачки, самоистязание и плачи. Всего одинаковый набор ритуалов проводился 9 раз – в день кончины, еще 7 раз после первого дня и в день похорон. На этом завершались мероприятия скорби.

Особенности некоторых ритуалов дня похорон, отмеченные у европейских гуннов, дают возможность предположить, что в древнетюркское время после захоронения умершего устраивались также пир и игра. После захоронения Аттилы “... те же самые гунны, которые только что предавались такой чрезмерной скорби, закончили эти обряды пиром, на котором предавались необузданному веселью вокруг только что закрывшейся могилы своего царя” [Гиббон Эдуард, 1997, с. 42]. Возможно, также поступали и гунны Прикаспия. У Мовсеса Каланкатуаци имеется странная фраза: “Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему” [Каланкатуаци, 1984, с. 124]. И далее перечисляются эти забавы: “... резвились, пускались в пляски...”. На первый взгляд эту фразу албанского историка можно интерпретировать как упрек язычникам-гуннам, похоронный обычай которых так претил его христианскому восприятию. Но скорее всего Мовсес Каланкатуаци таким образом передал противоречие похоронного обряда гуннов – “плач и забавы”. Такое же противоречие отметили китайские историки у ухуаней, долгое время находившиеся под властью хуннов: “Покойников кладут в гроб и производят плач по ним; но гроб провожают с песнями и плясками” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 143].

Прямых археологических подтверждений данным письменных источников о способах захоронений у хуннов, тюрков-тугто и гуннов эпохи Великого переселения народов пока не найдено. Погребения, связываемые с хуннами, представлены двумя группами. В первой хоронили в большой яме с пологим дромосом, перекрытой каменной насыпью. В яме помещался сруб, внутрь которого ставился дощатый гроб с крышкой. Во второй группе захоронения производились в грунтовой яме, в которой помещался дощатый гроб с крышкой [Могильников В.А., 1992, с. 259, табл. 110-111; Давыдова А.В., 1996, с. 11, табл. 49, 1; 54, а и др.]. Различия в формах погребальных сооружений интерпретируются как социальные показатели [Крадин Н.Н., 1998, с.

435-436) или экономические [Завитухина М.П., 1998, с. 418].

Тюрки-тугто, как считается, производили захоронения в большой яме с остовом коня или конской сбруей. Погребение перекрывалось небольшой каменной насыпью [Могильников В.А., 1981, с. 31-32, рис. 18]. Встречаются захоронения в гробах, но их мало. Захоронения по обряду кремации, зафиксированные китайскими источниками, выявлены в таштыкской культуре на Енисее (I в. до н. э. – V в. н. э.). Территория ее локализации находилась в полной зависимости от хуннов, что привело к изменениям в погребальном обряде. С приходом нового населения связываются захоронения в деревянных склепах и грунтовых ямах с помещенными в них срубами [Завитухина М.П., 1998, с. 422-424]. В одном из срубов Л.Р. Кызласов обнаружил коллективное захоронение в камере были погребены мужчина, женщина, ребенок и две кожаные куклы в рост человека. Все были одеты в меховые одежды. Внутри кукол были зашиты мешочки с пережженными человеческими костями [Завитухина М.П., 1998, с. 422-423]. Куклы считаются аналогами умерших и подвергшихся кремации людей.

Погребальный обряд гуннов времени Великого переселения народов археологически пока не установлен. С гуннами связываются немногочисленные погребения с остатками коня или со шкурой лошади или захоронения кремированных останков человека, домашних животных и инвентаря [Амброз А.К., 1981, с. 19, рис. 8-9; Засецкая И.П., 1994, с. 12-23, рис. 1-3]. Захоронения произведены в различных погребальных сооружениях – в ямах, подбоях, гробах. Установить преемственность между погребальными обрядами гуннов Центральной Азии и европейской территории пока не удалось.

Сложность выделения специфически гуннских черт погребальной обрядности связана с этнической неоднородностью племен, втянутых в процесс Великого переселения народов. Культура гуннских племен впитала в себя многие этнографические черты народов Средней Азии, Южного Урала, Нижнего Поволжья, а также тех новых территорий, куда мигрировали племена гуннов (Северный Кавказ, Нижний Дон, Северное Причерноморье, Крым, Западная Европа).

В среде пришлого населения Прикаспия эпохи Великого переселения народов обряд кремации не практиковался. Погребения в гробу очень редки. Одно такое захоронение известно на Утамышском курганном могильнике, оно было раскопано А.А. Русовым в 1880 г. (по нашей классификации к. 1) [Гмыря Л.Б., 1993, с. 26-28]. Погребения, возможно, совершены в катакомбе, в камере находились остатки трех гробов с вертикальными стенками (сохранилась крышка одного из них). Длина гробов 1,8-1,9 м. Погребения нарушены грабителями, сохранившийся инвентарь (фрагмент керамики, бабковая кость с просверленной дырочкой и кусочек женой кости) не дает возможности определенно датировать эти погребения. Но учитывая форму гробов, выполненных из “не очень толстых досок” [Русов А.А.,

1882, с. 613-614] и нахождение на могильнике помимо курганов эпохи бронзы также подкурганых захоронений IV-V вв. [Гмыря Л.Б., 1993, с. 29], погребения в гробах, возможно также относятся к гуннской эпохе.

Большинство же погребений курганных и грунтовых могильников Прикаспийского Дагестана IV-VIII вв. н.э. совершены в катакомбах – 244 погребения из 386 (63%) [Гмыря Л.Б., 1993, с. 298, табл. 28]. Вход в погребальную камеру закрывался каменной плитой, иногда несколькими мелкими плитами, на некоторых могильниках – закладывался каменной или сырцово-глиняной кладкой. Нам представляется интересным тот факт, что на Паласа-Сыртском могильнике IV-V в. заклады входов в камеры более 20% погребений в катакомбах и подбоях были примазаны к стенке ямы глиняным раствором, щели между мелкими плитами затыкались камышовыми стеблями и также замазывались скрепляющим раствором. На Верхнечирюртовском курганном могильнике VII-VIII вв. каменная и сырцовая кладка перед входом в камеру также сооружалась с применением скрепляющего раствора. Эти особенности погребального обряда объяснялись двумя причинами - 1) сырцовая стенка служила препятствием для грабителей; 2) заклад по представлениям древнего населения препятствовал выходу умерших из могилы (Магомедов М.Г.). Но вполне вероятно, это делалось потому, что могильная (входная) яма оставалась незасыпанной до общепринятого, определенного времени похорон (весны или лета). Сами похороны, видимо, состояли в засыпке могильной ямы землей.

Обряды по случаю установки мемориала

По данным китайских историков, после похорон в честь умерших возводились специальные объекты, увековечивавшие их память. Мемориальные комплексы типологически различались. Состав входящих в них объектов, их размеры, форма, способы декорирования определялись социальным статусом погребенных. Память о рядовых воинах и младших командирах увековечивалась персональной статуей, для лиц более знатных мемориал украшался скульптурными изображениями родственников и других близких [Войтов В.Е., 1996, с. 108]. Право на установку каганско-княжеского комплекса, отличающегося некоторыми существенными деталями, символизирующими обладание властью, пышностью оформления и наличием стелы с описанием социально значимых деяний умершего имели только лица, исполнявшие на “момент своей смерти те или иные должностные обязанности в аппарате государственной власти” [Войтов В.Е., 1996, с. 67].

Мемориальные сооружения в честь знати отличались особой пышностью. В “Истории династии Тхан (Тхан-шу)” отмечается, что китайский император, узнав о смерти дружественного ему тюркского

хана – Тули-хана (624(?)-693), “изъявил сожаление, и приказал украсить кладбище по их обычаю” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 259]. Для оформления мемориальных комплексов Кюль-тегина и Билье-кагана из Китая были отправлены художники и каменотесы [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 276-277; Войтов В.Е., 1996, с. 101].

Данные китайских хроник о составе объектов и форме мемориалов несколько разнятся [см.: Войтов В.Е., 1996, с. 112], что вызвало обширную полемику по вопросам семантики объектов и мест их установки [см.: Войтов В.Е., 1996, с. 112-116]. В нашу задачу не входит рассмотрение этих вопросов, т. к. в исторических материалах Прикаспийского Дагестана сопоставимых данных пока не обнаружено.

В “стране гуннов” Прикаспия в честь умерших правителей, носивших титул “эльтебер” – третий по значимости после кагана и наследного принца, также возводились специальные мемориалы.

С.Г. Кляшторный провел типологическую параллель между мемориальными храмами древних тюрков и некоторыми культовыми объектами гуннов Прикаспия. Мемориальный княжеский комплекс гуннов включал, по его мнению, названные в труде Мовсеса Каланкатуаци “капища” и идолы [Кляшторный С.Г., 1984, с. 22; 1994, с. 87]. Однотипными им элементами погребальных комплексов у центральноазиатских тюрков С.Г. Кляшторный признает “храм, построенный “при могиле”, “изображения покойного” (древнетюркские каменные изваяния)” [Кляшторный С.Г., 1984, с. 22; 1994, с. 87]. В.Е. Войтов также включает данные албанского автора о “капищах” у гуннов Северного Дагестана в сводку объектов тюркских поминальных сооружений, отмечая при этом сохранность обряда гуннов Прикаспия и тюрков эпохи Первого каганата [Войтов В.Е., 1996, с. 127].

На наш взгляд, к поминальному комплексу, бытование которого отмечено у Мовсеса Каланкатуаци, можно отнести данные не о “капищах” вообще, а о конкретном объекте. В источнике дано два его названия – “громогласное кладбище чопа” и “Даркунанд” [Каланкатуаци, 1984, с. 131]. Этот же объект в издании 1861 г. переведен как “царские гробницы” [Каланкатуаци, 1861, с. 206].

Данные источника позволяют составить некоторое представление об устройстве священного объекта “Даркунанд”. Находился он на возвышенном месте. Как отмечает источник, епископ Израил, принимавший участие в его уничтожении, “взобрался на возвышенное место напротив идолов...” [Каланкатуаци, 1984, с. 131], т.е. находящееся рядом с храмом. Местонахождение храма, видимо, было сакральным, т. к. о нем знали только главные жрецы гуннов. В переводе К. Патканьяна (1861 г.) имеется пассаж, отсутствующий в современном издании: “Чтобы они (жрецы - Л.Г.) нашли, поручали их, сожгли и обедали” [Каланкатуаци, 1861, с. 206]. Объект “Даркунанд” находился где-то в окрестностях столицы “страны гуннов” города Варчана [Каланкатуаци, 1984, с. 131]. Все сооружения объекта были деревянные, они были

учитываются огнем. Точных данных о форме капиш нет, известно, что “Даркунанд” был “высоким” [Каланкатуаши, 1984, с. 131]. На территории объекта находились “идолы” и жертвенники с “черепами и шкурами” принесенных в жертву животных. О таких же жертвенниках древних тюрков повествуют китайские хроники: “По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230].

Судя по аналогиям, священный объект гуннов “Даркунанд” являлся поминальным (мемориальным) комплексом, возведенным в честь умерших представителей княжеского рода великого князя гуннов Алп-Илитвера. Правители “страны гуннов” Прикаспия носили наследственный титул “эльтебер”, указывающий на принадлежность к высшим чинам горькой правящей системы. В переводе К. Патканьяна название объекта передано как “царские гробницы”, т. е. комплекс, связанный с правящим родом царя гуннов Алп-Илитвера.

Прямое указание на бытование у гуннов Прикаспия мемориальных храмов сохранилось в арабских источниках. Якут называет сооружение, где жители г. Беленджера хранили в гробу “святые мощи” (останки убитого у стен города в сер. VII в. знаменитого арабского полководца Сальмана ибн Раби’а), как “дом поклонения”, т. е. храм (перевод А.Н. Генко) [Генко А.Н., 1941, с. 101].

Мемориал остального населения “страны гуннов”, возможно, состоял из курганной насыпи, возводимой над могилой умершего. Прижизненный статус его маркировался высотой насыпи.

В день установки мемориала у тюрков-туго совершался ритуал жертвоприношения. В эпитафии на памятнике Кюль-тегину он обозначен как “освящение мемориальных построек” [Малов М.Е., 1951, с. 43]. В китайских хрониках описано содержание этого обряда: “принесение овец и лошадей в жертву...” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230].

Материальными остатками исполнения обряда жертвоприношения в память об умершем на памятниках Прикаспийского Дагестана являются разные объекты, но в основном кострища, выявляемые у погребальных сооружений. Они представляют собой пятна прокаленного грунта небольшой толщины диаметром обычно 0,3-0,6 м, редко 1 м., включающие золу, древесные угольки и редко костные остатки животных и керамические горшки. Шесть кострищ выявлено М.И. Пикуль на Бавтугайском грунтовым могильнике VI-VII вв. н.э. [Гмыря Л.Б., 1993, с. 312], три кострища имелись на Буйнакском могильнике III-VI вв. н.э., причем два из них располагались на плите перекрытия гробниц [Гмыря Л.Б., 1993, с. 333]. Десять кострищ выявлено на Паласа-сыртском курганном могильнике IV-V вв. н.э. [Гмыря Л.Б., 1993, с. 156-157]. Причем на этом могильнике они имели стабильное расположение – северный сектор восточной и западной половины курганов. Как нам представляется, это маркирующая деталь поминального ритуала. Все кострища располагались под насыпью кургана, в 1-2 м от его края.

Учитывая, что со временем насыпь несколько расплывается, ритуальный костер первоначально располагался за пределами кургана, у его внешнего края. Это свидетельствует о том, что фиксируемая кострищами поминальная тризна, проводилась после возведения над могилой умершего курганной насыпи.

Среди исследованных в Прикаспийском Дагестане А.А. Русовым (1880 г.) курганов имеется один, который может быть отнесен к культовому сооружению (к. 2, Утамышский мог.). Насыпь кургана высотой 0,7 м состояла из валунов и колотого камня. Погребения не обнаружено. На уровне подошвы находилось кострище с включением золы и угольков. В кострище лежал раздавленный горшок красного цвета с угольками внутри. Рядом с горшком лежали железный нож и куски металла. По всей поверхности подошвы кургана были разбросаны зубы лошади, а на некоторых участках находились ребра барана и клыки кабана. В насыпи среди камней также находились обломки костей ног крупного животного [Гмыря Л.Б., 1993, с. 28, 206]. Датировка объекта затруднена из-за издержек методики раскопок (курган диаметром 22 м раскапывался колодезом диаметром 8,5 м), однако некоторые находки (куски мела, железный нож) дают возможность датировать этот курган первыми всками н.э. [Гмыря Л.Б., 1993, с. 206].

Другим проявлением поминальных мероприятий являются остатки животных в курганных насыпях или во входных ямах катакомб, но их зафиксировано очень мало [Гмыря Л.Б., 1993, с. 204, 209].

Видимо, помимо животной пищи в качестве ритуальной выступали также блюда из злаков. В насыпи 12 курганов Паласа-сыртского могильника найдены обломки кухонных горшков, иногда с закопченной поверхностью, и фрагменты столовых сосудов (мисок) [Гмыря Л.Б., 1993, с. 157]. На могильнике в четырех погребениях сохранились остатки проса (?) в горшках, причем в одном случае, зерном была заполнена полость рта погребенного [Гмыря Л.Б., 1993, с. 173]. Проведение поминальных мероприятий в период, следовавший после возведения курганной насыпи, показывает, что курганная насыпь являлась мемориальным объектом.

Обряд больших поминок.

Обряд больших поминок представлял собой серию ритуалов, завершающих поминальные мероприятия по умершему. Данные о них у тюрков Центральной Азии отрывочны. По древнетюркским надписям известно, что поминальный обряд по каганам и высокородной знати обозначался термином “йог” или “йуг” [Войтов В.Е., 1996, с. 128], распространялось ли это название на обряд заключительных поминок не известно. В китайских исторических хрониках описана вторая часть мероприятий больших поминок, которая являла собой заключение новых браков и новое замужество вдовы умершего, о чем мы говорили

в начале статьи. Поминальные мероприятия проводились на кладбище, но как праздничное мероприятие: “В этот день и мужчины и женщины в нарядных платьях собираются на кладбище...” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230]. В.Е. Войтов интерпретирует данные источников об участии в древнетюркских церемониях скорби посланцев из сопредельных территорий, как сведения об участниках заключительных, годовых поминок [Войтов В.Е., 1996, с. 129]. Однако в китайских исторических сочинениях и древнетюркских эпитафиях функции посланников соседних народов и государств очерчены четко. Так по смерти Кюльтегина китайским императором были “Отправлены военачальник Чжан Кюй-и и сановник Люй Сян с манифестом за государственной печатью утешить и принести жертву” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1. С. 276-277], т.е. принести соболезнования, исполнить обряд скорби. Об этом же факте повествуется в эпитафии в честь Культегина: “В качестве плачущих и стонущих (т. е. для выражения соболезнования) пришли кытай и тотабийцы во главе с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей Исьи и (?) Линкен и принесли множество золота и серебра” [Малов С.Е., 1951, с. 43], т.е. посланники прибыли исполнить обряд оплакивания. По смерти Бильге-кагана китайский император с той же целью отправил новых посланников: “Император изъявил сожаление и указал послать председателя княжеского правления князя Цуань для утешения и жертвоприношения...” [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 277]. Мероприятия скорби у древних тюрков, как отмечалось выше, заканчивались с потреблением умершего. Большие, заключительные поминки имели иное содержание.

Содержание блока больших поминок наиболее полно раскрывается по данным Мовсеса Каланкатуаци, описавшего ритуальную практику гуннов Прикаспия.

Первая часть мероприятий, включавшая действия, которые можно объединить общим названием “народные игрища”, проходила в специальном месте, вдали от поселений. В переводе К. Патканьяна оно обозначено как “при кладбищах” [Каланкатуаци, 1861, с. 194], Ш.В. Смбабян употребил в этом случае понятие “ристалище у могил” [Каланкатуаци, 1984, с. 124]. Нам не известно, какое точно понятие употребил албанский автор, но второе более точное. Будучи просвещенным деятелем, Мовсес Каланкатуаци мог ассоциировать место, где проводили гунны Прикаспия состязания, с ареной для состязаний в беге - ристалище у древних греков. Данные албанского автора более точны, чем китайских историков, утверждавших, что в день больших поминок тюрки-тугно собирались “на кладбище”. Это было место вблизи кладбища, где, возможно, проходили все социально-значимые мероприятия.

“Народные игрища” включали шесть последовательных видов действий, лаконично описанных албанским автором:

1) битвы на мечах обнаженных мужчин по-парно и коллективно –

“толпа с толпой”;

2) борьба, также двух вариантов;

3) оргиастические действия – согласно данным албанского автора “многочисленные толпы предавались разврату”. Определенный намек на эротический характер ритуалов, проводимых во время годовых поминок в древнетюркское время, имеется и в китайских хрониках, где отмечается факт выбора невест во время проведения заключительных поминок: если мужчине понравится девушка, то по возвращении в дом он посылает сватать ее, и родители редко отказывают [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 230]. Видимо, только в дни больших поминок разрешалась сексуальная свобода. Замечание китайских авторов – “родители редко отказывают”, означает, что брак фактически уже состоялся;

4) скачки, которые продолжали серию ритуалов, проводимых гуннами вблизи кладбища. Они не носили соревновательного характера. В переводах это представлено так: “пустив коней, скакали в разные стороны” (перевод 1861 г.) или “скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону” (перевод 1984 г.);

5) игры и пляски, которые заключали первую часть поминальных мероприятий: “они забавлялись, резвились, пускались в пляски” – писал Мовсес Каланкатуаци.

Вторая часть мероприятий больших поминок являла собой ритуал заключения новых браков, который проходил в селениях, по возвращении с мест проведения игрищ. Выше мы показали, что этот обряд являлся составной частью последнего блока поминальных мероприятий.

В.И. Войтов употребил по отношению к заключительным поминкам древних тюрков понятие “годовье” [Войтов В.Е., 1996, с. 129]. Однако конкретных обоснований сроков всего поминального цикла и входящих в него блоков ритуалов автором не приведены. Возможно, продолжительность цикла определена по аналогии с большими поминками тюркоязычных народов нового времени, проводившимся через год после смерти и похорон.

В письменных источниках данных о продолжительности полного цикла поминальных мероприятий нет. Имеется несколько отправных фактов – 1) хоронят умерших два раза в году: весной и осенью; 2) обряд скорбных поминок совершают семь раз после смерти; 3) в китайской хронике “Суйшу” в отличие от других имеется еще одна хронологическая веха, определяющая временной разрыв между установкой мемориала умершему и проведением заключительных поминок: “В течение 5-ти месяцев много убивают баранов и лошадей” [Цит. по: Войтов В.Е., 1996. С. 83]. Т.е. обряд жертвоприношения, проводимый после установки мемориала, повторяется еще в течение 5-ти месяцев и после этого наступает срок заключительных поминок. В китайских хрониках он особо выделен: “В этот день...”.

Если наша интерпретация данных китайских хроник относительно

проведения мероприятий скорби, следовавших после смерти - "таким образом поступают семь раз и оканчивают",- верна и означает 49-дневный период проведения ритуалов скорби (7 недель), оканчивающийся малыми поминками, то весь цикл поминальных мероприятий укладывается в следующие сроки.

- 1) 1-й день - смерть;
- 2) на 50-й день (через 7 недель) – малые поминки, кремация;
- 3) на 200-й день (через 5 месяцев) – похороны;
- 4) на 207-й день (через 1 неделю) – установка и освящение мемориала;
- 5) на 357-й день (через 5 месяцев) – большие поминки.

Год в солнечно-юпитерном календаре древних тюрков включал 354-384 дня (увеличение происходило за счет вставного месяца). Таким образом, по нашим расчетам поминальные мероприятия вписываются в годичный цикл и последние заповедные поминки древних тюрков и гуннов Прикаспия можно, по всей видимости, определить как годовые. Однако с нашими расчетами диссонируют конкретные данные о сроках проведения погребально-поминальных мероприятий каганов и знати древних тюрков. Так, в эпитафии на памятнике принца Кюль-тегина указано, что он "улетел (умер) в год Овцы, в 17-й день" [Малов С.Е., 1951, с. 43], т.е. 27 февраля 731 г.; "в девятый месяц, в двадцать седьмой день мы устроили похороны", т.е. 2 ноября 731 г. (через 9 месяцев); "(Надгробное) здание резные (фигуры - ?) и камень с надписью (в честь) его мы все (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в день седьмой" [Малов С.Е., 1951, с. 43], т.е. в августе 732 г. (через 10 месяцев). Получается, что мемориал Кюль-тегину установили через 18 месяцев после смерти (1,5 года), после этого события должен следовать 5-ти месячный период жертвоприношений. Большие поминки попадали на 23 м. после смерти, т. е. проходило два года, а не один. Возможно, на изготовление большого числа мемориальных объектов, которые возводились каганам и высшей знати, требовался значительный срок времени и их освящение не совпадало с принятыми сроками.

Бильге-каган, как явствует из его эпитафии "... умер в год Собаки, в 10 месяц 26 числа" [цит.: по Войтов В.Е., 1996, с. 109], т. е. 26 ноября 734 г.; его похороны состоялись через 7 месяцев: "В год Свиньи, в 5-й месяц, 27-й день", т.е. 24 июня 735 г. Караван с необходимыми материалами для строительства мемориального комплекса, отправленный китайским императором, прибыл только в феврале 735 г. [Войтов В.Е., 1996, с. 101], т.е. через 3 месяца после смерти и за 4 месяца до похорон. Срок конечно короткий для выполнения масштабного проекта. По замечанию китайского хрониста всего 6 китайских художников выполняли мемориал Кюль-тегину, они должны были "расписать все отличной работой, чего в тукоеском государстве еще не бывало" [Бичурин Н.Я., 1950, т. 1, с. 277].

В свете высказанного выше предположения о возможном

приурочивании сроков похорон у центрально-азиатских тюрков и прикаспийских гуннов к весеннему и осеннему праздникам (возрождающейся природы и плодородия), на наш взгляд, данные источников о содержании годовых поминок можно интерпретировать и как иллюстрирующие содержание этих праздников. Они, по всей вероятности, включали обряд жертвоприношения, народные "игрища" (бои на мечах, борьбу, скачки) и народные гулянья (игры, пляски, эротические действия).

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон С.М., 1968.* – О пережитках ранних форм брака у киргизов (К вопросу о генезисе институтов левирата и сорората) // История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Агафий.* – О царствовании Юстиниана / Пер., статья и примечания М.В. Левченко. М.; Л., 1953.
- Агаширинова С.С., 1978.* – Материальная культура лезгин. XIX – начало XX в. М.
- Алимова Б.М., 1977.* – Брак и свадебные обычаи кумыков в прошлом и настоящем (конец XIX–XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Алимова Б.М., 1992.* – Табасаранцы. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Алиханова А.А., 1978.* – Древние сюжеты в преданиях аула Мекеги // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Махачкала.
- Амброз А.К., 1981.* – Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Аммиан Марцеллин.* – История. Книга 23-я / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1949. № 3.
- Артамонов М.И., 1962.* – История хазар. М.
- Бичурин Н.Я., 1950.* – Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 2-х т. М.; Л.
- Виппер Р.Ю., 1998.* – Последний век империи // Гумилев Л.Н. Сочинения. Т. 9. История народа хунну. Приложение "Диалог источников". М.
- Войтов В.Е., 1996.* – Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI-VIII вв. М.
- Гаджиев Г.А., 1980.* – Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев Г.А., 1991.* – Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.
- Гаджиева С.Ш., 1959.* – Брак и свадебные обряды кумыков в XIX – начале XX в. // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. VI.

- Гаджиева С.Ш., 1961.* – Кумыки. М.
- Гаджиева С.Ш., 1985.* – Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.
- Гаджиева С.Ш., Аджиев А.М., 1980.* – Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала.
- Генко А.Н., 1941.* – Арабский язык и кавказоведение // Тр. Второй сессии Ассоциации арабистов. М.-Л.
- Геродот.* – Истории / Пер. Е.А. Бессмертного // Латышев В.В.. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1992.
- Гиббон Эдуард, 1997.* – Закат и падение Римской империи. Т. IV. М.
- Гмыря Л.Б., 1980.* – “Царство гуннов” (савир) в Дагестане (IV-VII вв. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Гмыря Л.Б., 1993.* – Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.
- Гмыря Л.Б., 1995.* – Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.
- Гмыря Л.Б., 1999.* – Поминальные обряды населения Прикаспийского Дагестана времени Великого переселения народов (IV-VII вв.) // Кавказ и степной мир в древности и средние века: Мат-лы межд. науч. конф. Махачкала.
- Давыдова А.В., 1996.* – Иволгинский археологический комплекс. Т.2. Иволгинский могильник. СПб.
- Завитухина М.П., 1998.* – Южная Сибирь. Хунну и тюрки // Гумилев Л.Н. Сочинения. Т. 10. История народа хунну. Приложение “Диалог источников”. М.
- Засецкая И.П., 1994.* – Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.
- Ихлов М.М., 1961.* – Семья и быт у табасаранцев в конце XIX – нач. XX в. // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. IX.
- Клавдий Клавдиан, 1949* – На Руфина. Книга I и II / Пер. В.В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4.
- Кляшторный С.Г., 1983.* – Гуннская держава на Востоке (III в. до н.э. – IV в. н.э.) // История древнего мира. Упадок древних обществ. М.
- Кляшторный С.Г., 1984.* – Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сб. в памет на проф. Станчо Ваклинов. София.
- Кляшторный С.Г., 1994.* – Древнетюркские племенные союзы и государства Великой Степи // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.
- Крадин Н.Н., 1998.* – Современные проблемы хуннологии // Гумилев Л.Н. Сочинения. Т. 9. История народа хунну. Приложение “Диалог источников”. М.
- Кузищин В.И., 1982.* – Падение Западной Римской империи // История древнего мира. Гл. XXV. М.
- Курбанов К.Э., 1974.* – Брак и свадебные обряды у цахуров в

- XIX – нач. XX в. // ВИЭД. Вып. V.
- Малов С.Е., 1951.* – Памятники древнетюркской письменности. М.-Л.
- Могильников В.А., 1981.* – Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Могильников В.А., 1992.* – Хунну Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Каланкатуаци, 1861.* – История агван Моисея Каганкатуаци, писателя X в. / Пер. К. Патканьяна. СПб.
- Каланкатуаци, 1984.* – История страны Алуанк / Пер. Ш.В. Смбатяна. Ереван.
- Новосельцев А.П., 1990.* – Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.
- Неронова В.Д., 1983.* – Вторжение варваров и крушение Римской империи // История древнего мира. Упадок древних обществ. М.
- Потанов Л.П., 1953.* – Очерки по истории алтайцев. М.; Л.
- Пржецлавский П., 1860.* – Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. № 12.
- Русов А.А., 1882.* – Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // Пятый АС в Тифлисе. I. Тр. предварительных комитетов. М.
- Хазанов А.М., 1975.* – Социальная история скифов. М.

instituteofhistory.ru

Г.И. Мирихулава, Н.Д. Мирихулава
(Центр АИ АН Грузии, Тбилиси)

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДВУХКОЛЕСНОЙ ПОВОЗКИ-УРЕМИ НА КАВКАЗЕ

Изобретение колесного транспорта, безусловно, значительное достижение экономики. Оно связано с основными отраслями хозяйства – земледелием, скотоводством и металлопроизводством. Изобретение колеса находится в диалектической взаимосвязи с гончарным кругом и веретенным пряслицем. С появлением транспорта усилились культурные сношения и последовал период больших этнических миграций. Известно, что изначально критическая численность населения регулировалась отделением, создавая новые поселения. Транспорт облегчил этот процесс и расширил ареал передвижения. Так видится это и в связи с индоевропейцами в куро-араксской культуре, когда она охватила большие территории, а затем вышла за пределы Кавказа.

Интересен процесс эволюции транспортных средств. Ученые считают, что плужное земледелие и тягловый транспорт появляются почти одновременно, может быть с небольшим опережением плуга. Предполагается, что первой повозкой, где была применима тягловая сила, явилась волокуша на полозьях, а вопрос усиления грузоподъемности был решен созданием саней. Затем появляется колесо и создаются 2-х и 4-х колесные повозки разных конструкций, в соответствии с рельефом региона.

Самая древняя глиняная модель 2-х колесной повозки – арбы – была обнаружена в Бадаанском поселении куро-араксской культуры экспедицией Иорского ущелья в Грузии. Поселение датируется 2 половиной III тысячелетия до н.э. К этому периоду относится и бронзовая проколка из погребения № 13 Начеркозеви в Сачхере, представляющая собой стилизованное изображение двухколесной арбы. Модель арбы и проколки изображает форму кавказской этнографической повозки, и существование данной формы во 2-ой половине III тыс. до н.э. дает возможность предположить бытование предшествующих форм в начале III тыс. до н.э. Наряду с этим, если вспомнить о бытовании на памятниках куро-араксской культуры глиняных моделей колес, можно предположить, что на Кавказе, и, в частности, на территории Грузии, в начале III тыс. до н.э. появилась 2-х колесная повозка-арба, и сформировался кавказский тип арбы-повозки с треугольным остовом и ярмом. Такая повозка имеет две опорные точки – ось и ярмо. Принцип конструкции подразумевает равновесие с центром на ось. Специфическим признаком является также то, что на оси одно колесо насажено наглухо, а другое вращается на ней свободно,

ось вращается вместе с колесом. Эти конструктивные особенности дают возможность повозке вращаться на месте и, в отличие от 4-х колесных повозок, более мобильна на сложном кавказском рельефе.

4-х колесные повозки на территории Грузии появляются вместе с курганной культурой, а затем, возможно, трансформируются в триалетской культуре. В курганах беденской и триалетской культур появляется обычай захоронения на 4-х колесной повозке, и думается, что Кавказ ознакомился в этот период с 4-х колесными повозками с прямоугольным остовом, которые хотя бы на первых порах, имеют только культовое значение и специально изготавливаются для этой цели.

В заключение отметим, что 2-х колесная повозка-арба с треугольным строением остова является изобретением куро-араксской культуры, и она продолжает бытовать по сей день на Кавказе в этнографической действительности. Этнографические и археологические данные дают возможность проследить весь процесс создания повозки данного типа.

М.М. Маммаев
(Инс-т ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

СЮЖЕТ ТЕРЗАНИЯ В АРХИТЕКТУРНОМ ДЕКОРЕ ЗИРИХГЕРАНА-КУБАЧИ XIV – XV вв.

К числу распространенных сюжетов в архитектурном пластическом декоре Зирихгерана-Кубачи XIV-XV вв. относится сцена терзания львом копытного животного. Она представлена в различных изобразительных интерпретациях на шести каменных рельефах, украшавших в средние века вместе с другими рельефами не сохранившиеся до нас здания – так называемые “Хвала хьулбе” (Большие дома), представлявшие собой постройки дворцового типа, принадлежавшие органу местного самоуправления “чине” [Шиллинг Е.М., 1949. С. 179-180; Маммаев М.М., 1989. С. 100] и организации “союз неженатых” (мужской союз) именуемой “гулалла акь букьун” (о мужских союзах у кубачинцев см.: [Шиллинг Е.М., 1949. С. 147-186]). Эта организация занимала здание “гулалла хьал” – неженатых дом [Шиллинг Е.М., 1949. С. 149-150].* Сами рельефы со сценами терзания изготовлены, судя по стилю и технике резьбы, композиционному решению сюжета и некоторым особенностям трактовки животных, разными мастерами и в разное время. Однако определить точно их относительную хронологию трудно ввиду отсутствия приемлемых критериев для такой датировки, но представляется, что сцены терзания высечены в XIV – первой половине XV вв.

Наиболее древней является, видимо, сцена нападения льва на кабана, представленная на оконном тимпане (86x148 см) из сел. Кубачи, многократно привлекавшем внимание исследователей [Дорн Б.А., 1861. С. 31-34; Атлас, 1895, табл. XVI, рис. 2; Ануцин Д.Н., 1884. С. 412; Башкиров А.С., 1928. С. 68-69; Он же, 1931. С. 52, рис. 16, табл. 71; Каталог, 1935. С. 394; Крачковская В.А., 1938. С. 352-353; Орбели И.А., 1938, табл. 64; Эта же работа переиздана: Орбели И.А., 1963, табл. LV; Кильчевская Э.В., 1962. С. 28-29, табл. III, рис. 7; Она же, 1968. С. 99-101, рис. 49; История искусства, 1973, илл. 300; Лавров Л.И., 1966. С. 127, табл. XXIV, № 336-6; Искусство Кубачи, 1976. С. 169, илл. 124; Erckert von R., 1887, s. 199-200.] и хранящемся ныне в ГЭ (Рис. 1). Тимпан по палеографическим особенностям декоративной арабской надписи в архивольте (обрамляющем тимпан полукруге) и стилю резьбы датируется первой

* В позднейшее время члены “союза неженатых” на время проведения цикла “гулалла акь букьун” снимали для себя дом – “гулалла хьал” – неженатых дом [Шиллинг Е.М., 1949. С. 149]. Точно также, после разрушения дома чине – чиналла хьал, “чине переезжало с места на место” [там же, с. 180].

половиной XIV в. [Лавров Л.И., 1966. С. 128; Искусство Кубачи. С. 169, илл. 124].*

Композиция с львом и кабаном компактно вписана в неправильной формы полукруг, ограниченный сверху и по боковым сторонам архивольтом, а внизу – двумя рельефными полукруглыми, соединенными между собой отрезком прямой линии. Животные, данные в профиль, трактованы обобщенно, без проработки деталей. Постановка фигур животных и композиция в целом подчинена форме тимпана.

У льва, находящегося слева от зрителя, изображение головы повреждено, из-за чего детали морды неясны. Округлая голова на длинной и изогнутой шее трактована несколько условно, даже примитивно. Мастер-резчик не сумел точно передать ее характерные внешние признаки. Пасть у хищника открыта, показаны его клыки. Остроконечные уши наострены, грива трактована условно в виде узорных завитков. Хвост пропущен через задние конечности и оканчивается кисточкой волос, выступающей над спиной. Левая передняя лапа льва приподнята и почти касается головы противостоящего кабана. Правая лапа поставлена вертикально, рельефом выделена лопатка. Задняя левая лапа оттянута назад и опирается на рельефный полукруг, а правая лапа подведена к передней. Такой постановкой фигуры льва мастер-резчик хотел, видимо, передать напряженное состояние хищника.

Кабан, находящийся перед львом с низко опущенной головой, показан строго в профиль, в состоянии покорности. Изображение головы кабана повреждено (рельеф в этом месте отслоился). Как и у льва, у кабана рельефом выделена лопатка. У него четко отмечены копыта, короткий опущенный хвост, характерная голова, сливающаяся с толстой короткой шеей, оттянутые назад уши. Постановка фигуры кабана, как и фигуры льва, подчинена целям равномерного заполнения плоскости тимпана, отведенной композиции со сценой терзания.

Характерной особенностью данной композиции является отсутствие жестокости схватки, динамизма борьбы животных. Изображения животных как бы парадно развернуты на плоскости камня перед зрителем. Такое сильное и свирепое животное, как кабан, показано в пассивной, инертной позе, а не в борьбе с не менее сильным животным – львом. Возможно, мастер-резчик хотел передать таким образом состояние поражения терзаемого животного.

Композиция сама построена таким образом, что хорошо отшлифованные изображения животных, выполненные довольно высоким рельефом, пластично выделяются в окружении декоративной надписи (псевдонадписи, или эпиграфического орнамента) в обрамляющем тимпан полукруге, выполненной крупными арабскими

* Надпись на тимпане не прочтена. Литература, касающаяся чтения этой надписи, приведена Лавровым Л.И. [1966. С. 127-128].

буквами с отдельными элементами растительного узора. Учитывая то обстоятельство, что творившие в средние века в сел. Кубачи мастера-художники, резчики по камню многочастные композиции на оконных и дверных тимпанах составляли обычно в органическом сочетании изобразительного сюжета, растительного орнамента и арабской надписи (эпиграфического узора) [Маммаев М.М., 1991. С. 194], можно достаточно уверенно полагать, что каменные столбики (полуколонки), подпиравшие тимпан и образующие оконные проемы, – центральный столбик и две боковые (местонахождения их неизвестно) были декорированы рельефным растительным орнаментом. При этом идейным и композиционным центром всего декора окна служит изображение сцены нападения льва на кабана.

К описанной сцене терзания на оконном тимпане близка другая сцена терзания, высеченная на крупном четырехугольном каменном блоке, находящемся ныне в кладке восточной стены 2-го этажа жилого дома Шахаева Шапи (рис. 2) в среднем квартале старой части пос. Кубачи [Маммаев М.М., 1989, рис. 147].* По сведениям местных информаторов,** рельеф этот взят из развалин старинных зданий “Хвала хъулбе” (Большие дома) и вставлен в кладку стены между окнами восточного фасада в декоративных целях.

Рельеф местами отслоился, левая часть его отломалась, из-за чего композиция с изображением животных повреждена. Головы льва и кабана умышленно сбиты спустя значительное время после изготовления рельефа рукой ортодоксального мусульманина, считавшего недопустимым изображения живых существ. Согласно *хадисам* и теологическим установкам, наиболее отчетливо сформулированным крупнейшим мусульманским богословом ал-Газали (1058-1111 гг.) и другими ведущими мусульманскими законооведами, чтобы избавиться от изображения живого существа достаточно испортить его лицо.

По характеру резьбы и особенностям декоративной проработки фигур льва и кабана, данный рельеф относится, вероятно, ко второй половине XIV в. По краям каменного блока первоначально был рельефный кант, который отслоился, но сохранились его слабые следы. Рельеф довольно высокий, контуры хорошо отшлифованных фигур животных округлены. Фон вокруг изображений выбран в одной плоскости, он ровный, гладкий. Композиция со сценой терзания и здесь

* Зарисовка каменного рельефа, сделанная архитектором Гиппиусом во время его поездки в сел. Кубачи в 1861 г. вместе с акад. Б.А. Дорном см.: [Атлас, табл. XIV, рис. 27]. Этот рисунок воспроизведен в книге: [Башкиров А.С., 1931. С. 52-53, рис. 17].

**Сведения получены в 1981 г. от пенсионера Гаджи-Маммы Кишова, которому исполнилось тогда 102 года.

свободно и удачно вписана в прямоугольник. В иконографии сюжета на данном и предыдущем рельефах имеются некоторые различия: здесь животные трактованы более реалистично и значительно заметнее передан момент терзания. Лев, показанный в профиль, кусает за холку кабана. Голова льва обращена к зрителю. Правая передняя лапа зверя покоится на голове кабана, стоящего перед хищником понуро, с низко опущенной головой. В фигуре льва заметны черты свирепости, но выражены они довольно слабо.

Грива льва отмечена орнаментальными завитками, рельефом выделена лопатка, проработанная растительным орнаментом. Хвост пропущен через задние конечности и оканчивается кисточкой волос над спиной. Задняя левая лапа льва была оттянута назад. На этом месте камень отломался и изображение левой задней лапы не сохранилось. Правая задняя лапа выставлена вперед.

Общая трактовка кабана в настоящей композиции в целом близка трактовке кабана на предыдущем рельефе, но в ней заметно некоторое усиление декоративности. Терзаемое животное показано в состоянии покорности и бессилия.

Третья сцена терзания львом кабана вырезана на бедре барельефного изображения льва с отбитой (может быть еще в древности) головой (рис. 3) [Башкиров А.С., 1931, табл. 43, 45-46; Искусство Кубачи, 1976, илл. 33]. Все тело довольно большой фигуры сидящего льва, выполненного в профиль, но головой в фас, покрыто различными изобразительными сюжетами и растительным орнаментом.

Изображение льва, напавшего на кабана, выполнено в уже известной нам композиционной схеме: лев кусает кабана в холку, правая передняя лапа хищника покоится на голове копытного животного. Персонажи сцены терзания трактованы в той же условно-обобщенной манере, что и лев и кабан на описанном выше первом рельефе-тимпане двухпролетного окна из собрания Г.Э. Сами фигуры животных втиснуты в небольшой овал, образованный обрамляющим композицию мелким рельефным растительным орнаментом. Движения животных скованы. У кабана круто выгнутая спина, низко опущенная голова, которая сбита преднамеренно. Также сбита голова и льва. Возможно, изображение сцены терзания на бедре барельефной фигуры льва выполнено начинающим резчиком по камню и оно является тренировочным или учебным рисунком. Датировать сцену терзания можно началом XV в. с учетом времени изготовления барельефной фигуры льва и исходя из особенностей стиля растительного орнамента на львиной шее, выполненного одновременно с изготовлением самой фигуры. Орнамент на шее льва стилистически отличается от орнамента, обрамляющего сцену терзания на бедре и на средней части львиного туловища.

Еще одна сцена терзания хищником копытного животного

(четвертая) представлена на той же барельефной фигуре льва. Она занимает среднюю часть львиного туловища (рис. 3). Но в этой композиции персонажи сцены терзания переставлены местами – лев находится справа, а терзаемое животное – слева, причем вместо кабана здесь изображено фантастическое животное – единорог. Головы животных и здесь умышленно сбиты. Профильные, хорошо сглаженные фигуры льва и единорога даны в обрамлении рельефного растительного орнамента, как бы показывая, что борьба животных происходит в зарослях. Сами изображения животных подвергнуты декоративно-орнаментальной проработке – лопатки и бедра отделаны элементами растительного узора. Продольной плоской с косыми насечками передана подбрюшная шерстка единорога. У него гибкое туловище, длинный острый рог на лбу, короткий, как у лани, хвост. В отличие от рассмотренных выше сцен терзания в данной композиции момент терзания и жестокость схватки выражены больше – лев вцепился в шею единорога сверху, а последний успел своим длинным и острым рогом проткнуть грудь льва, так что конец рога вышел наружу у львиной лопатки.

Лев трактован в той же условно-обобщенной манере, что и изображения льва в описанных композициях, но в его фигуре заметны скованность и состояние статичности. А в фигуре единорога – в его позе, широко расставленных конечностях больше динамизма и напряжения.

Судя по стилю растительного орнамента, обрамляющего третью и четвертую сцены терзания, а также технике их резьбы, обе эти сцены исполнены, вероятно, рукой одного и того же резчика, а хронологически они одновременны, т.е. датируются началом XV в.

Пятая сцена борьбы животных изображена на оконном тимпане (65x108 см) начала XV в. из сел. Кубачи, хранящемся ныне в Дагестанском государственном объединенном музее (ДГОМ)*. Композиция со сценой борьбы двух сильнейших животных – льва и единорога занимает центральное поле тимпана (рис. 4). Сверху и по боковым сторонам она обрамлена довольно широким архивольтом, в котором находится звериный гон – характерный для искусства стран Востока мотив, уходящий своими корнями в глубокую древность [Кильчевская Э.В., 1968. С. 103-104; Орбели И.А., 1968. С. 179-181]. К сожалению, изображения животных, показанных в зверином гоне, а также в сцене терзания испорчены – у них умышленно сбиты головы.

В центре нижней части тимпана, в фигурном медальоне имеется

* Этот тимпан неоднократно привлекал внимание исследователей (см.: [Башкиров А.С., 1931, табл. 48; Кильчевская Э.В., Иванов А.С. 1959, рис. 6; Кильчевская Э.В., 1962, табл. III, 8; Она же, 1968. С. 102, рис. 52]. Единорог в работах Э.В. Кильчевской ошибочно назван ланью [Маммаев М.М., 1989, рис. 144]).

еще одно изображение бегущего влево животного, у которого тоже преднамеренно отбита голова, ввиду чего невозможно определить его вид.

Столбики, подпиравшие тимпан, центральный и два боковые, хранятся отдельно от тимпана в том же ДГОМ. Они декорированы орнаментом, а также изображениями людей и животных. На фотографии двухпролетного окна, сделанной этнографом Е.М. Шиллингом в 1925 г. в сел. Кубачи, видны тимпан и столбики в “собранном” виде в кладке южного фасада *Кассадалла мечети* [Шиллинг Е.М., 1949. С. 45, рис. 12; Башкиров А.С., 1931, табл. 48], но быть абсолютно уверенным в том, что именно эти столбики составляли вместе с настоящим тимпаном двухпролетное окно нельзя, так как они находятся не на первоначальном месте.

Изображение льва и единорога является главным сюжетом в многофигурной композиции декора двухпролетного окна. Оно выполнено в более крупном плане, чем другие изображения. Детали фигур животных – лопатки и бедра отделаны полупальметками. Сами животные трактованы обобщенно и декоративно. По сравнению с изображениями животных в рассмотренных выше сценах терзания на данном тимпане фигуры льва и единорога выполнены рукой более умелого и опытного мастера-резчика по камню. Рельеф высокий, фигуры животных пластично проработаны. Фон центрального поля подвергнут специальной фактурной обработке выбитыми мелкими точечными ячеечками, и на таком фоне контрастно выделяются изображения льва и единорога.

У льва гибкое туловище, показанное в профиль, пропущенный через задние конечности хвост, оканчивающийся кисточкой над спиной. Грива передана орнаментальными завитками, голова обращена к зрителю. Передние лапы расставлены широко, левая задняя лапа оттянута назад, а правая подведена к передней. Лев схватил за шею противостоящего единорога в тот момент, когда последний чуть опустил голову для того, чтобы напрячься и, собрав силы, нанести льву своим длинным острым рогом решающий удар в одно из уязвимых мест – шейную артерию. Единорог успел насквозь проткнуть шею льва.

Несмотря на то, что здесь, как и в описанных выше сценах нет особо подчеркнутой экспрессии в облике животных, характерной подобным сценам терзания в значительно более раннем искусстве народов Евразии – в произведениях скифо-сибирского искусства звериного стиля [см.: Артамонов М.И., 1966, илл. 29, 31, 41, 116, 120, 122, 131, 240-246, 329-330; Он же, 1973, илл. 34, 179-180, 197-205, 292-293; Руденко С.И., 1960. С. 297, рис. 151; Скифо-сибирский звериный стиль, 1976], тем не менее в напряженных позах животных отчетливо выражена жестокость схватки и драматизм борьбы.

Шестая сцена борьбы льва и единорога изображена на каменном блоке прямоугольной формы из сел. Кубачи, хранящемся ныне в ГЭ [см.: Башкиров А.С., 1931, табл. 49; Кильчевская Э.В., 1968. С. 100, рис.

50]. Рельеф изготовлен, вероятно, в XV в. Он поврежден. Особенно пострадало изображение единорога, у которого отбиты голова и конечности. Лучше сохранилось изображение льва. Сцена терзания выполнена в высоком рельефе с выемкой фона вокруг изображений животных. Фигуры льва и единорога тщательно проработаны и трактованы декоративно. Бедра и лопатки их отделаны элементами растительного орнамента. Сами фигуры животных подвергнуты тщательной пластической отделке и решены скульптурно. Грива льва передана наподобие чешуек.

Эта сцена терзания близка описанной уже сцене терзания на тимпане из собрания ДГОМ. Но на данном рельефе лев изображен с правой стороны, в профиль с мордой en face. Он кусает в шею единорога, который успел вонзить ему свой длинный острый рог. Как и в описанных выше сценах схватки льва и единорога, последний изображен копытным животным.

Итак, на шести различных по форме и функциональному назначению каменных рельефах – деталях архитектурного декора из сел. Кубачи воспроизведена в разных иконографических интерпретациях сцена терзания хищником копытного животного.

Композиционно различаются два варианта сцены терзания: 1) сцена нападения льва на кабана, представленная на трех рельефах; 2) сцена борьбы льва и единорога, которая воспроизведена на трех других рельефах.

Сюжет нападения хищных зверей на травоядных является распространенным мотивом в искусстве Передней Азии [Кузьмина Е.Е., 1976а. С. 68 – 70; Она же, 1976б. С. 61; Она же, 1979. С. 78]. Древнейшее изображение его представлено на шумеро-аккадских цилиндрических печатях III тыс. до н.э., на которых показан лев, нападающий на быка [Павлов В.В., 1979. С. 214; Афанасьева В.К., 1979. С. 51]. Особенно ярко этот сюжет представлен в искусстве Ассирии – на резных печатях XIII в. до н.э., воспроизводящих сцены нападения льва на оленя или горного козла [Павлов В.В., 1979, илл. 133]. Не менее выразительно показана сцена терзания на рельефах конца VI – начала V вв. до н.э. дворца Ксеркса в Персеполе – одной из столиц ахеменидского Ирана, на которых изображено несколько сцен нападения льва на быка [см.: Артамонов М.И., 1973, рис. 299; Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н., 1976. С. 182-183, 187, рис. 121; Sarte F., 1923, табл. 21]. Широко представлены сцены нападения хищников на травоядных и в скифо-сибирском искусстве “звериного стиля” Евразии [см.: Артамонов М.И., 1966, илл. 29, 31, 41, 116, 120, 122, 131, 240-246, 329-330; Он же, 1973, илл. 34, 179-180, 197-205, 292-293; Руденко С.И., 1960. С. 297, рис. 151; Скифо-сибирский звериный стиль, 1976], которое носит отчетливые признаки греко-персидского влияния.

Популярным был этот сюжет в древнем и средневековом искусстве Греции, где он нашел воплощение в глиптике, керамической живописи, на золотых и бронзовых предметах и монументальных рельефах [Rice

D.T., 1939. С. 203-208, табл. XC-XCI, 1-2; Сидорова Н.А., 1972. С. 204, илл. 217; Павлов В.В., 1979, илл. 135-137; Полевой В.М., 1984, илл. 206].

Появившись в глубокой древности, сюжет терзания хищником травоядного животного продолжал широко бытовать и в эпоху средневековья в искусстве различных стран и народов, имея многочисленные варианты композиционного воплощения и художественно-стилистической трактовки [Орбели И.А., 1968. С. 118-119; Вагнер Г.К., 1969. С. 51, илл. 26. С. 249, илл. 152. С. 270-274; Маршак Б.И., 1971. С. 39, рис. 8, табл. 29; Лелеков Л.А., 1972, илл. на с. 57; Он же, 1978, илл. 19, 22; Декоративное искусство, 1971, илл. 128-129; Дурново Л.А., 1979. С. 87, 92, илл. 48, 52; Аладашвили Н.А., 1977. С. 138, 221, 225, илл. 95, 143, 211; Веймарн Б.В., 1974, илл. 15, справа. С. 72, рис. 17]. При этом лев иногда заменяется другим животным (тигр, грифон), семантически тождественным льву, а вместо быка встречаются олень, лань, конь, верблюд, а на кубачинских рельефах – кабан или единорог.

На Востоке в XIV-XVII вв. сюжет терзания в различных изобразительных воплощениях встречается на коврах с охотничьей тематикой [Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В., 1976. С. 243, илл. 121; Эфенди Расим, 1976, илл. 64; Тагиева Ройя, 1988. С. 74, илл. 4; Большая ... энциклопедия древностей, 1980, илл. 97], художественных тканях [Аккерман Ф., 1939, табл. X], в миниатюре, металлопластике и других видах прикладного искусства [Свирин А.Н., 1939, илл. на с. 62; Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В., 1976. С. 205, илл. 98; Масленицына С.П., 1975, илл. 108; Дьяконов М.М., 1939. С. 47; Эфенди Расим, 1976, илл. 41].

Композиция сцены терзания изначально заключала определенную семантику: она символизировала дуалистическое представление о борьбе двух начал – доброго и злого, обеспечивающего циклическую смену явлений природы и сохранения гармонии мироздания. По мнению Е.Е. Кузьминой, “композиция сцены борьбы, оформившаяся в переднеазиатском искусстве, в древнейшую эпоху изображала астрономическое явление. На шумерском небосклоне весной, в момент начала полевых работ, созвездие Льва сменяло созвездие Плеяд и Кассиопеи (по-шумерски: звезда Быка и звезда Оленя), что в изобразительном творчестве трактовалось как терзание быка или оленя львом. В Иране в эпоху Ахеменидов такое взаиморасположение созвездий совпадало с началом солярного Нового года [Ноуруза], и композиция стала трактоваться как изображение этого важнейшего календарного праздника. Этот мотив через Мидию и Бактрию проник в Евразийские степи, где получил большое распространение” [Кузьмина Е.Е., 1976а. С. 68-69; Она же, 1979. С. 78-79; Она же, 1977. С. 107].

Как выяснено исследователями, семантика сцены борьбы льва и быка “многokrato менялась на протяжении многотысячелетней жизни сюжета в разных ареалах” [Кузьмина Е.Е., 1976а. С. 69]. Однако в эпоху средневековья в ряде историко-географических областей древний символический смысл сцены терзания и борьбы животных сохранился. Сцена терзания, представленная на произведениях средневековой

(VIII-IX вв.) торевтики Ирана и Средней Азии исследователи трактуют как символ весеннего равноденствия и обновления природы – Нового года солярного календаря – *Ноуруза* (Наврруза) [Тревер К.В., 1937. С. 15; Даркевич В.П., 1976. С. 18-19, 25; Кузьмина Е.Е., 1979. С. 81], широко отмечавшего с древних времен вплоть до современности не только в Иране, но и в Средней Азии и странах Ближнего Востока [Кузьмина Е.Е., 1979. С. 79].

Несут ли композиции со сценой терзания и борьбы животных на средневековых кубачинских каменных рельефах какую-либо смысловую нагрузку или же они выполняли лишь декоративную функцию?

Если иметь ввиду то, что изображения отдельных животных в одиночных и сюжетных композициях, высеченных на средневековых каменных рельефах из сел. Кубачи, заключали в себе определенное смысловое содержание [Маммаев М.М., 1989. С. 88-92], то считать, что сцена терзания лишена конкретного смыслового значения было бы неверным. Многократное повторение сцены терзания в различных изобразительных интерпретациях не может служить показателем того, что она выполняла чисто декоративную функцию. Напротив, она служит свидетельством популярности рассматриваемого сюжета.

Сюжет терзания на кубачинских каменных рельефах несет, как нам представляется, ту же смысловую нагрузку, что и сцены терзания, воплощенные в средневековых произведениях искусства (торевтики) Ирана и Средней Азии, являясь символом весеннего равноденствия – солярного Нового года – Навруза, проникшего в Дагестан из Ирана еще в эпоху сасанидов и справляемого до настоящего времени под разными названиями многими дагестанскими народами [Булатова А.Г., 1988. С. 17-35], в том числе кубачинцами.

Сюжет терзания в Зирихгеране-Кубачи был воспринят из Ближнего Востока, вероятнее всего, из иранского источника. Вместе с сюжетом было усвоено и его идейное содержание “как символа весеннего возрождения, которое было соотнесено иранцами с их главным праздником *Ноурузом* – Новым годом солярного календаря” [Кузьмина Е.Е., 1979. С. 78].

Под влиянием местных идеологических представлений сюжет терзания в Зирихгеране-Кубачи был переработан: на месте терзаемого животного быка или другого копытного животного представлен типичный представитель фауны Кубачино-даггинского нагорья – кабан или мифологическое животное – единорог, персонаж, неизвестный в подобных сценах в других ареалах бытования сюжета в эпоху средневековья.

Известно, что *Навруз* (букв. “Новый день”), один из зороастрийских праздников, разрешенный исламом, наступал в день весеннего равноденствия – 21-22 марта. Как и для ряда народов Дагестана и стран Востока, Навруз для кубачинцев был долгожданным весенним праздником. Его справляли 22 марта. Кубачинское название этого

праздника – “*Абла бе*” (досл. “Весенний день”). К нему готовились заранее. Праздник сопровождался целым комплексом различных обрядов * Накануне в доме делали большую уборку, выбрасывали или сжигали старые негодные вещи. В день праздника дети и взрослые одевали новую одежду. 22 марта готовили и ныне готовят ритуальную пищу – *хинкал*, называемый “*Абла куц*” – Весенний хинкал, – лучше и больше обычного, с большим количеством сушеного мяса и сушеной колбасы, с расчетом не только на членов семьи, но и на приглашаемых на трапезу близких родственников и друзей. После завершения трапезы делают “*АлхТямдулла*” (мусульманская словесная формула, означающая окончание трапезы) и старший из присутствующих читает “*балка*” – пожелание:

*Пакшуд аб сакьяб,
Хъуме дехъиб дакляб,
Хял угге-къай дакляб,
Цихъле дус кабкаб,
Арал дус букьяб,
Кулпат арал катилгаб,
Духъе-хъил баракат кабихьяб.*

*Да будет весна прекрасная,
Да будут урожайными поля,
Да вырастут много цветов и травы,
Пусть год пройдет в счастье,
Пусть год пройдет в здравии,
Пусть здорова будет в году семья,
Да будет изобилие в хлеву и дома.*

Можно уверенно полагать, что в день праздника *Абла бе* первоначально готовили специальную ритуальную пищу, замененную позднее традиционной едой – *хинкалом*.

С весенним праздником *Абла бе* был связан у кубачинцев обряд “*чяхкабитлне*” (досл. “сделать шум воды”). Он совершался 22 марта (если погода не позволяла, то в последующие несколько дней), когда начиналось обильное таяние снега. На горном склоне *Цицила*, расположенном в 1,5 км южнее сел. Кубачи и обращенном северной стороной на это селение, мужская часть молодежи соорудила большое искусственное озеро, запрудив его заранее приготовленными бревнами, камнями, землей и дерном. После его заполнения водой быстро убрали перемычку (плотину соорудили таким образом, что ее можно было моментально убрать) и мощные потоки воды с большим шумом устре-

* *Этнографические данные о празднике Абла бе и связанных с ним обрядах собраны нами в сел. Кубачи. В совершении описанных обрядов автор принимал непосредственное участие в юношеские годы.*

млялись со склона горы *Шицила* в ущелье *Дакила*, увлекая на своем пути остатки нерастаявшего снега, камни, грязь и пр. Все это наблюдали жители селения, высыпавшие на балконы или плоские крыши домов. Шум от потока воды был хорошо слышен в селении. Этот своеобразный обряд, сопровождавшийся весельем, представлял собой символический ритуал проводов зимы, холода и приветствия наступления весны, солнечного тепла.

К весеннему празднику *Абла бе* приурочивался и такой обряд, как "*шицил куцинне дуцл кулхъне*" (бег босиком по склону горы *Шицила*). Молодой человек босиком по снегу делал пробег от вершины горы *Шицила* по склону вниз при высыпавших на крыши и балконы сельских домов жителях. При этом бегун, чтобы рассмешить наблюдателей (зрителей), делал разные выкрутасы, то падая и вставая, то как бы непроизвольно кувыркаясь и покатываясь по крутому склону (описание обряда см.: [Гаджиев Г., 2000. С. 12]).

Бег этот считался в народе проявлением смелости, выносливости, своего рода благородным поступком и одобрялся сельчанами. Все жители селения знали, кто именно сделал пробег.

Как и у лакцев [Булатова А.Г., 1988. С. 28], у кубачинцев накануне *Абла бе* юноши лепили из глины небольшие конусы "*кварквахлне*" с вставленными в них в качестве "фитилей" кусочками древесного угля или быстро возгорающегося бурьяна. Конусы сушились, отчего они становились крепкими. Ночью 21 марта зажженные конусы металась с плоских крыш домов с помощью пращи "*нляцликлан*". При метании пращу многократно вращали, придавая ей все большее ускорение. Конус с огненной полоской летел по воздуху, описывая круги, затем падал и лопался с треском и огненными искрами.

У кубачинцев, как и у всех народов, отмечающих праздник *Навруз*, принято было зажигать огни и костры. В ночь равноденствия в комнате с камином ("*навла хъал*") зажигали огонь, хотя семья в то время (еще с зимы) жила в другой комнате. На карниз камина ставили горящий светильник "*чагъ*", а позднее – зажженную керосиновую лампу.

С обрядом зажигания костров было связано калядование, по-кубачински "*амин кабикъне*". Парни через некоторое время после наступления темноты собирались группами и обходили дома своих кварталов – *Бацалла* – Верхний, *Хъацалла* – Нижний, чтобы собирать дрова для костров. Обряд этот у кубачинцев приобрел, как видно из его названия, мусульманскую окраску. Когда парни обходили дома, то старший в группе – запевала – обращался к хозяину дома, стоя вместе с группой под его окном или балконом, с пожеланием добра, здоровья, благополучия его семье, родным, близким, с пожеланием приумножения скота, достатка в доме, благополучного возвращения домой членов семьи, находящихся вне пределов селения (в армии, в поездке на заработки) и т.д. А остальные в группе хором повторяли слово "аминь" – да будет так. В конце все парни хором обращались к

хозяевам дома с просьбой дать им дрова: "*са бихъяла кие усулла, аминь!*" – [дайте] одно полено, да две дровишки, аминь! Хозяин дома с балкона или из окна бросал им несколько палок.

Собранные таким образом дрова складывали на окраине селения, затем разводили большой костер. Дрова для костра, а также еду – хлеб, сыр, мясо, яйца и т.д. приносили из своих домов и сами участники обряда "*аминь кабикъне*". Молодые люди у костра устраивали игры, веселились. Огню приписывалось очистительная и целительная способности, поэтому все прыгали через костер. Веселье могло продолжаться до зари или до восхода солнца.

Как и у многих народов, справлявших весенний новогодний праздник *Навруз*, детали весеннего праздника *Абла бе* у кубачинцев символичны: это праздник весны, что отчетливо выражено в самом его названии *Абла бе* – весенний день; праздник в честь солнца, что символизирует возжигание огня в камине (хотя семья в это время проживает в другой комнате), зажигание светильников (позднее ламп) во всех жилых помещениях дома, бросание зажженных глиняных конусов "*кварквахлне*" – своеобразных ракет, разведение больших костров на окраинах селения; праздник пробуждения и обновления природы, что подчеркивается выбрасыванием или сжиганием старых вещей, облачением детей и взрослых в новую одежду, обрядом "*Чяхкабилтне*" – проводов зимы, холода.

Есть все основания полагать, что в средневековом Зирихгеране-Кубачи, как и в ряде стран, в честь праздника *Навруза* – *Абла бе* устраивали спортивные состязания – стрельбу из лука со скачущей лошади в цель, единоборство, ристалища, конные скачки, что нашли отражение в сюжетах кубачинских каменных рельефов XIV-XV вв. [Маммаев М.М., 1989. С. 94-101].

В основе космологических представлений жителей средневекового Зирихгерана-Кубачи, придерживавшихся, согласно восточным письменным источникам (Андалуси ал-Гарнати, Зекерия ал-Казвини, Абд-ар Рашид ал-Бакуви), зороастризма до проникновения к ним в конце XIII в. ислама, лежала "дуалистическая идея борьбы противоположных явлений в природе: дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти – диалектическая борьба и возрождение через уничтожение" [Кузьмина Е.Е., 1976а. С. 69]. Дуалистический антагонизм пронизывал и общественное устройство кубачинцев в прошлом, следы которого сохранились до недавней этнографической действительности [Шиллинг Е.М., 1949. С. 171]. В изобразительном творчестве дуалистическая идея борьбы противоположных явлений в природе и победа светлых сил в день весеннего равноденствия – солярного Нового года *Навруза* были выражены в сцене терзания хищником копытного животного – львом кабана или единорога – одним из популярных сюжетов камнерезного искусства Зирихгерана-Кубачи XIV-XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Аккерман Ф.*, 1939. – К вопросу о сельджукских и сефевидских тканях // III МКИИА. М.; Л.
- Аладашвили Н.А.*, 1977. – Монументальная скульптура Грузии. М.
- Анучин Д.Н.*, 1884. – Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г // Известия РГО. Т. XX. Вып. 4.
- Артамонов М.И.*, 1966. – Сокровища скифских курганов. Прага; Л.
- Артамонов М.И.*, 1973. – Сокровища саков. М.
- Атлас*, 1895. – Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. СПб.
- Афанасьева В.К.*, 1979. – Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.
- Афанасьева В., Луконин В., Померанцева Н.*, 1976. – Малая история искусств. Искусство Древнего Востока. М.
- Башкиров А.С.*, 1928. – Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи // Труды САИАИ РАНИОН. Вып. IV. М.
- Башкиров А.С.*, 1931. – Искусство Дагестана. Резные камни. М.
- Большая ... энциклопедия древностей*, 1980. – Большая иллюстрированная энциклопедия древностей. / Авторы-сост.: Д. Гейдова. Я. Дурдик и др. Введ. К. Клингенбурга. Прага.
- Бретаницкий Л.С., Веймарн Б.В.*, 1976. – Искусство Азербайджана IV-XVIII веков. М.
- Булатова А.Г.*, 1988. – Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX – начале XX века. Л.
- Вагнер Г.К.*, 1969. – Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголобово (XII в.). М.
- Веймарн Б.В.*, 1974. – Искусство арабских стран и Ирана VII-XVII вв. М.
- Гаджиев Г.*, 2000. – Пастух кубачинцев // Замана (Время). 7 апреля.
- Даркевич В.П.*, 1976. – Художественный металл Востока. VIII-XIII вв. М.
- Декоративное искусство*, 1971. – Декоративное искусство средневековой Армении. Альбом. / Сост. Н. Степанян, А. Чакмакчян. Вступ. статья Н. Степанян. Л.
- Дорн Б.А.*, 1861. – Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб.
- Дурново Л.А.*, 1979. – Очерки изобразительного искусства средневековой Армении. М.
- Дьяконов М.М.*, 1939. – Бронзовый водолей 1206 г. н.э. // III МКИИА. М.; Л.
- Искусство Кубачи*, 1976. – Искусство Кубачи: Альбом. / Автор-сост. А. Иванов. Л.
- История искусства*, 1973. – История искусства народов СССР в 9-ти томах. Т. 2. М.
- Каталог*, 1935. – Каталог Международной выставки памятников иранского искусства и археологии в Гос. Эрмитаже. Вып. I. Л.
- Кильчевская Э.В.*, 1962. – Декоративное искусство аула Кубачи. М.
- Кильчевская Э.В.*, 1968. – От изобразительности к орнаменту. М.
- Кильчевская Э.В., Иванов А.С.*, 1959. – Художественные промыслы Дагестана. М.
- Крачковская В.А.*, 1938. – Из эпиграфических мотивов мечети в ауле Кубачи // Памяти академика Н.Я. Марра. М.; Л.
- Кузьмина Е.Е.*, 1976а. – О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. №3.
- Кузьмина Е.Е.*, 1976б. – Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Кузьмина Е.Е.*, 1977. – Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.
- Кузьмина Е.Е.*, 1979. – Сцена терзания в искусстве саков // Этнография и археология Средней Азии. М.
- Лавров Л.И.*, 1966. – Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. Надписи X-XVII вв. М.
- Лелеков Л.А.*, 1972. – Семантический параллелизм в орнаментике Средней Азии, Закавказья и Древней Руси // Сообщения ГМИИВ. Вып. VI. М.
- Лелеков Л.А.*, 1978. – Искусство Древней Руси и Востока. М.
- Маммаев М.М.*, 1989. – Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Истоки и становление. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1991. – Характерные черты архитектурного пластического декора Дагестана XIV-XV вв. и некоторые их параллели в архитектурном декоре Закавказья, Ближнего и Среднего Востока // Восток: Прошлое и будущее народов. IV Всесоюз. конф. востоковедов: ТДС. Т. I. М.
- Маршак Б.И.*, 1971. – Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.
- Масленицына С.П.*, 1975. – Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусства народов Востока. Л.
- Орбели И.А.*, 1938. – Албанские рельефы и бронзовые котлы XII – XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л.
- Орбели И.А.*, 1963. – Избранные труды. Ереван.
- Орбели И.А.*, 1968. – Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар // Орбели И.А. Избранные труды в 2-х томах. Т. I. М.
- Павлов В.В.*, 1979. – Образы прекрасного. Избранные труды. М.
- Полевой В.М.*, 1984. – Искусство Греции. М.
- Руденко С.И.*, 1960. – Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.
- Свирин А.Н.*, 1939. – Миниатюра древней Армении. М.; Л.
- Сидорова Н.А.*, 1972. – Искусство эгейского мира. М.
- Скифо-сибирский звериный стиль*, 1976. – Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Тагиева Ройя, 1988. – Сюжетные ковры Азербайджана. Баку.
Тревер К.В., 1937. – Новые сасанидские блюда Эрмитажа. М.; Л.
Шиллинг Е.М., 1949. – Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л.

Эфенди Расим, 1976. – Декоративно-прикладное искусство Азербайджана. Баку.

Erckert von R., 1887. – Erckert von R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig.

Rice D.T., 1939. – Iranian elements in byzantine Art (Райс Д.Т. Иранские элементы в византийском искусстве) // III Междунар. конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград. Сентябрь 1935 г. М.; Л.

Sarre F., 1923. – Die Kunst des alten Persien. Berlin.

Рис. 1. Каменный тимпан двухпролетного окна из сел. Кубачи с изображением сцены нападения льва на кабана. XIV в. Г

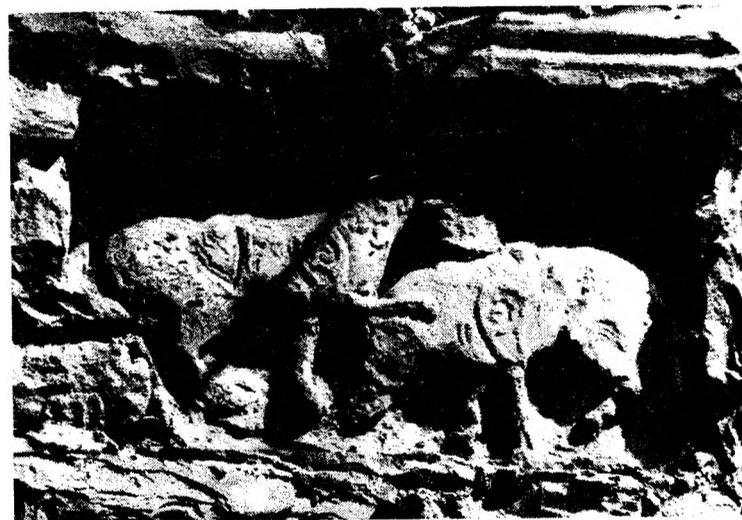

Рис. 2. Каменный рельеф в стене жилого дома Шахаева Ш. в сел. Кубачи с изображением сцены терзания львом кабана. 2-я пол. XIV в.

Рис. 3. Барельефное изображение фигуры льва с отбитой головой. На фигуре животного вырезаны сцены: 1) льва, нападающего на кабана (слева); 2) борьба единорога и льва (справа). XV в.

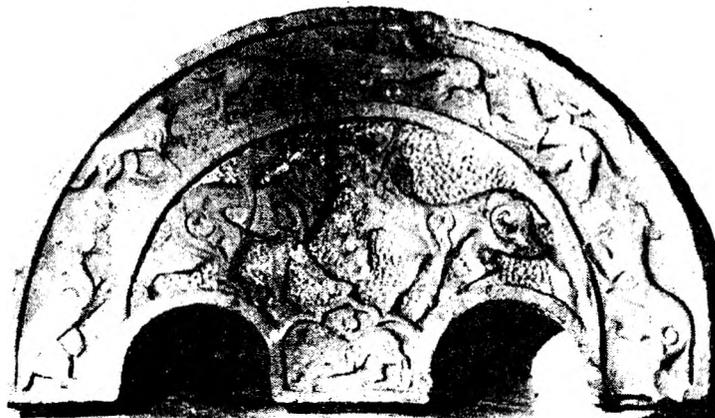

Рис. 4. Каменный тимпан двухпролетного окна из сел. Кубачи с изображением сцены борьбы льва и единорога. В архивольте — звериный гон. XV в. ДГОМ.

Т.М. Достиев
(Инс-т АЭ АН Азербайджана. Баку)

БЛАГОУСТРОЙСТВО СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА ШАБРАН

Большое внимание, уделяемое в последнее время изучению проблемы средневековых городов, связано непосредственно с ее важностью и актуальностью. В структуре феодального общества Азербайджана важное положение занимали городские центры, концентрирующие производственный, культурный и интеллектуальный потенциал [Массон В.М., 1999. С. 4]. Город в своем развитии отражал все основные закономерности развития общества, являлся символом и носителем прогресса. Одним из таких административных, производственных и культурных центров средневекового Азербайджана был Шабран, развалины которого расположены вблизи селения Шахназарли Дивичинского района республики. Городище занимает довольно обширную территорию. Письменные источники называют Шабран Касабой, то есть административным центром области [Hudud al-Alem, 1937. P. 145].

В результате широкомасштабных археологических раскопок на городище Шабран накоплен богатый фактологический фонд, характеризующий материальную культуру, в том числе уровень благоустройства этого города в средние века. Археологические раскопки позволяют констатировать, что вопросы, связанные с городским благоустройством, были решены успешно, в городе действовали сеть водопроводов, имелись водоемы, распространение получили канализационные и дренажные системы и т.д. Было установлено, что благоустройство города Шабран осуществлялось, в основном, в трех направлениях. Первое – это обеспечение всех горожан питьевой водой, второе – мощение улиц и площадей, частичное озеленение, третье – сооружение специальных санитарно-гигиенических устройств.

Водоснабжение являлось одной из важных задач городской администрации. Большой запас воды был необходимым не только при возможной осаде, но и в обычных условиях мирной жизни. Помимо бытовых и производственных нужд она требовалась также на полив тех деревьев и садов, которые имелись на территории города [Пугаченкова Г.А., 1958. С. 37].

Археологические исследования городища Шабран, потребность города в воде обеспечивалась как примитивными средствами (родники, фонтаны, водяные колодцы), так и сложными гидротехническими сооружениями (каналы, гончарные водопроводы). По сей день в окрестностях городища Шабран выходят родники. По всей вероятности,

некоторые из них функционировали еще в средние века.

В водоснабжении городов Азербайджана определенную роль играли и водяные колодцы. Они известны из археологических раскопок средневековых городов Баку, Шемаха, Кабала и Байлакан [Джидди Г.А., 1981. С. 49; Исмизаде С.Ш., Ибрагимов Ф.А., 1980. С. 164; Касимов Э.А., 1992]. Водяные колодцы были вскрыты также на раскопе у городища Шабран в 1981 г.

Как показывают раскопки городища Шабран, потребность города в воде обеспечивалась, главным образом, через водопровод. Для подачи воды из близлежащих или далеких местностей в город и для распределения ее внутри города самым широко распространенным способом было возведение гончарного водопровода, о чем свидетельствуют обнаруженные при раскопках водопроводные линии из керамических труб, пересекающие город в разных направлениях.

Остатки водопроводной линии из керамических труб, выявленные на раскопе II в 1980 г., на протяжении 6,4 м сохранились сравнительно хорошо. Водопровод лежал в канавке, дно которой было выравнено. Керамические трубы (тюнги) снизу, по бокам и поверху обкладывались обожженными кирпичами и скреплялись высококачественным раствором извести. Это повышало предохранение от повреждений водопровода. Стыковка керамических труб произведена тщательно. Э.А. Касимов указывает, что этот водопровод брал свое начало из родников Пирамсама, расположенных на западе от городища Шабран [Касимов Э.А., 1982]. Аналогичные водопроводы были выявлены и изучены в 1982–1984 гг. на раскопе V. Они обнаружены также на окраинах городища во время строительства газопровода Моздок – Газымагомед в 1982 г. В отличие от вышеуказанных, разрушенные водопроводы были сооружены из больших керамических труб. Изучение гончарных водопроводных линий на городище и в окрестностях показывает, что средневековые гидроинженеры в зависимости от назначения применяли керамические трубы различного размера. Для магистральных линий использовали большие керамические трубы, а для распределения воды на территории города прокладывали линии из керамических труб среднего и малого размера. Разветвление линий осуществлялось при помощи специальных керамических труб – угольников и треугольников. Стыки керамических труб тщательно обмазывались специальным раствором. Этнографические данные свидетельствуют, что для повышения прочности в раствор добавляли шерсть и бараний жир [Саламзаде А.В., 1969. С. 209].

По керамическим водопроводам вода от источников поступала на водохранилища и фонтаны. Остатки подземного водохранилища XIV в. обнаружены и изучены на раскопе V. Оно сооружено из обожженных кирпичей на высококачественном известковом растворе. Фрагмент каменного фонтана также выявлен на раскопе V. Сохранилась его нижняя часть, высота которой составляет 40 см. Она восьмигранная. В

полях между гранями чередуются растительные орнаменты, нанесенные резьбой (рис. 2).

Наличие реки также благоприятно влияло на водоснабжение города. Каналы-арыки, обнаруженные при раскопках, по всей вероятности, брали начало из Шабранчая. Речная вода особенно была необходима для полива деревьев и садов. Несомненно, благодаря хорошему снабжению водой город Шабран утопал в зелени садов, ибо озеленение города неразрывно было связано с водоснабжением.

Следует отметить, что озеленение было одним из важных оздоровительных средств городской жизни в условиях жаркого, сухого климата. Зеленые насаждения значительно смягчали знойное воздействие солнечных лучей и способствовали улучшению микроклимата, придавали городам своеобразие и выразительность. Венецианский дипломат XV века А. Контарини, отмечая об этом сообщает: "... на половине пути (от Шемахи до Дербента - Т.Д.) находится небольшой, довольно, впрочем, красивый город, где рождается столько прекрасных плодов, в особенности яблок, что, глядя на них, не веришь собственным глазам" [Путешественники об Азербайджане, 1961. С. 91]. Археологические данные, дополняя сообщения письменных источников, подтверждают наличие богатых зеленых насаждений в городе. В процессе археологических раскопок на городище Шабран неоднократно были зафиксированы углубления от корней деревьев, обнаружены орудия труда садоводов.

В городах средневекового Азербайджана большое внимание уделяли устройству улиц и площадей, которые сыграли важную роль в топографии городского населенного пункта. Археологическими раскопками установлено, что улицы и площади Шабрана мостились каменными плитами, обожженным кирпичом, плоским булыжником и гравием, не оставляя щелей и образуя ровную поверхность.

Узкая улица, вскрытая на раскопе II, в слое XI–XII на городище Шабран, располагалась между крупными зданиями. Она была вымощена камнями [Геюшев Р.Б., 1985]. На раскопе V была вскрыта улица шириной 2,5 м, относящаяся к XIV–XV вв. Она была аккуратно вымощена плоским булыжником. На этом же раскопе в слоях XVI–XVII вв. была вскрыта улица шириной 1,8–2,3 м. Она была извилистая. Эта улица сначала была выравнена и вымощена небольшим, плоским булыжником и обломками обожженных кирпичей. После мошения, в период длительного функционирования, здесь не менее трех раз производили ремонтные работы. Три раза засыпали слоем речной гальки, толщиной более 10 см и утрамбовывали. В результате толщина мощения в общей сложности достигала до 50 см.

В целом, вскрытые улицы Шабрана узкие, извилистые, по видимому, имели локальное значение.

В благоустройстве городов немаловажное значение имели мосты. Они были предназначены для пешеходов и вьючного транспорта и

возводились из обожженного кирпича или же хорошо тесанного камня. Остатки средневекового моста обнаружены в русле реки Шабранчай, на юго-западной окраине городища Шабран. Русло реки здесь имеет ширину около 60 м и глубину 4,6 м. Сохранившаяся часть сооружения имеет ширину 2,6 м и длину 4 м и вытянуто по линии север-юг (поперек русла). Мост был сооружен из хорошо обожженного кирпича квадратной формы. В качестве связующего материала использован известковый раствор высокого качества, с обильным включением золы, мелкого угля и очень мелкого гравия.

К сожалению, степень сохранности не позволяет сколько-нибудь подробно охарактеризовать конструктивные и художественные особенности моста, но в качестве предположения можно отметить, что мост имел несколько арочных пролетов высотой до 6 м и шириной 2,6 м, а сохранившаяся часть является остатком одной из его опор. Размеры кирпичей дают некоторые основания предположительно отнести сооружение моста к X–XI вв. [Алиев И.Н. Достиев Т.М. С. 73–74].

Одной из важных проблем в жизни средневековых городов Азербайджана являлось решение вопросов санитарии и гигиены. Результаты археологических раскопок городища Шабран позволяют проследить некоторые стороны городской санитарии. Для соблюдения чистоты улиц и площадей, общественных и производственных учреждений, для предотвращения эпидемии и различных заболеваний в условиях тесной застройки применялись специальные санитарно-гигиенические устройства. За чистотой улиц, и площадей, производственных и торговых учреждений следил мухтасиб. Но, обеспечение чистоты улиц, площадей и мест общественного пользования требовалось от каждого жителя города. Не допускалось «оставлять на дороге мусор, разбрасывать арбузные корки и проливать воду так, что можно поскользнуться и упасть. Нельзя оставлять на улицах неубранной дождевую воду, грязь и снег...»

Мусорные и поглощательные колодцы, канализационные линии закрытого типа, дренажная система, вскрытые на городище Шабран, служили для соблюдения санитарно-гигиенического состояния города. Дождевую и грязную воду с улиц и площадей отводили с помощью специальной дренажной системы. На раскопе II были вскрыты остатки дренажной системы, относящиеся к XI в. Остатки дренажной системы были прослежены на протяжении 8 м. Она была направлена с востока на запад, имея уклон в сторону реки. На протяженности 2,5 м система сложена из каменных желобов, которые вырублены из длинных блоков известняка. Первая из них имеет 1,55 м длины, а вторая 0,8 м при ширине 32 см, высоте 22 см. Ширина желобов была 15 см, а глубина 13 см. Для прочности стыковки в блоках вытесывали дополнительные пазы, позволявшие вставлять конец одного блока в другой. После известковых желобов линия была продолжена булыжниками, которые были крепко подогнаны друг к другу. Этот фрагмент дренажной системы, вероятно

служил для отвода сточных вод с какого-то одного участка города.

Остатки подземной канализационной линии из керамических труб вскрыты на раскопе V, в слое XIV–XV вв. В керамических трубах сохранились остатки отложений.

Исследования городища Шабран свидетельствуют, что жилые и общественные постройки были обеспечены специальными канализационными устройствами. Они представляли собой примитивное сооружение в виде поглощательного колодца, верхняя часть которого сложена обожженным кирпичом. В центре колодца устанавливали плоский, прямоугольный камень или обожженный кирпич с отверстием в центре для стока грязных вод. На раскопе у городища выявлена умывальная комната, пол которой вымощен обожженным кирпичом. В центре пола располагался плоский камень с отверстием для стока воды. Пол имел и диагональные срезы, чтобы грязная вода равномерно стекала со всех сторон.

Вопрос городской ассенизации был решен примитивным способом. Ретиральные ямы поглощали нечистоты и выполняли роль местной канализации.

Мусорные ямы заполнялись как производственными отходами, так и отбросами бытовых остатков.

Таким образом, археологические исследования на городище Шабран позволяют констатировать высокий уровень городского благоустройства, что было неразрывно связано с ускорением процесса урбанизации в регионе, с требованиями Ислама, общим развитием экономики и культуры Азербайджана.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиев И.Н., Достиев Т.М., — Остатки моста на реке Шабранчай // Докл. АН Азербайджана. № 6.
- Геюшев Р.Б., 1985 — Средневековый город Шабран. Баку.
- Джидди Г.А., 1981 — Средневековый город Шемаха IX–XVII вв. Баку, 1981.
- Исмизаде С.Ш., Ибрагимов Ф.А., 1980 — О результатах археологических работ на территории Ичеришехер в 1969 г. // Материальная культура Азербайджана, Баку. Т. IX.
- Касимов З.А., 1982 — О водоснабжении средневекового города Шабран. // Тезисы докл. конф. мол. ученых. Баку.
- Касимов Э.А., 1992 — Водоснабжение средневековых городов Азербайджана в IX–XV вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку.
- Массон В.М., 1999 — Урбанизационные процессы в среднеазиатском регионе и ферганские городские центры. // Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Бишкек. Вып. 2.
- Пугаченкова Г.А., 1958 — Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. // Тр. ЮТАКЭ.

Москва, 1958, т. II. с. 37.

Путешественники, 1961 — Путешественники об Азербайджане. Баку, 1961. Т. 1.

Саламзаде А.В., 1969 — Водоснабжающие сооружения в средневековом Азербайджане. // *Летопись науки в Азербайджане*. Баку, 1969, ч. 2. С. 209.

Hudud al-Ale, 1937 — The regions of the world, a Persian geography 372 a.h. – 982 a.d. London. P. 145.

М.С. Гаджиев (Инс-т ИАЭ, Махачкала),
А.Р. Магомедов (ДГУ, Махачкала)

РАСКОПКИ ФОРТА ГОРНОЙ СТЕНЫ (сезоны 1996, 1998 гг.)

В 1996 г. Дербентская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН в рамках федеральной целевой программы “Сохранение археологического наследия народов Российской Федерации” начала раскопки ближайшего к цитадели Дербента и первого в оборонительной системе 40-километровой Горной стены (Даг-бары) форта (договор № П-314). В 1998 г. работы были продолжены совместно с ДГУ благодаря финансовой поддержке Центра “Интеграция” (проект № К0856) и РГНФ (проект № 98-01-18015).

Форт, обозначенный № 1, расположен в 145 м к ЮЮЗ и на высоте 18,5 м от основания угловой ЮЗ башни цитадели Дербента – Нарынкала на эскарпированной в древности площадке, размерами ок. 25х34 м, на склоне отрога Джалганского хребта. Следы форта визуально прослеживались в виде прямоугольного всхолмления–платформы (с тремя искусственными западинами внутри) высотой от 0,2-1,5 м в западной части до 1,0-1,4 м в восточной части, обозначающей контуры крупного прямоугольного сооружения размерами ок. 22 м в ширину и ок. 30 м в длину, которое ориентировано длинной осью по линии СВ–ЮЗ. В северном, восточном и западном углах платформы выступали округлые в плане холмики, фиксировавшие местонахождения угловых башен. В южном углу остатки башни в виде всхолмления не прослеживались, очевидно, из-за потревоженности почвы в результате поздних, сnivelированных поверхность земляных работ при закладке расположенных рядом частных садов. В северо-восточной и северо-западной частях памятника в отдельных местах виднелись выходы забутовки оборонительных стен в виде известково-каменного массива и края отдельных блоков их панцирной облицовки.

К остаткам укрепления со стороны цитадели ведет грунтовая дорога, переходящая в тропу и вплотную огибающая форт с южной стороны. У местного населения она известна под двумя названиями: первое, более распространенное, *азерб.* “Бары йолу” – *букв.* “Стена–дорога” (что, очевидно, является сокращением от “Даг-бары йолу”, т.е. “Дорога Горной стены”), и второе – *азерб.* “Хандаг йолу” – *букв.* “Забор–дорога”. Далее эта дорога идет вдоль и по остаткам Горной стены к расположенным выше остаткам фортов и к поселению Пир–Дамешки (*букв.* Святой Дамаск). С востока и севера склоны, непосредственно примыкающие к форту, довольно крутые (до 30-35°), что значительно повышало обороноспособность укрепления с этих основных, стратегически значимых направлений.

Стратегическая роль данного форта определялась его местоположением и в том аспекте, что с этого места хорошо просматривается цитадель, собственно город и на несколько километров (на С и на Ю) Приморская равнина. Важна была и оборонная функция форта в контроле прохода со стороны расположенного к С от него ущелья, по которому противник мог обойти город и его цитадель.

К северу от укрепления, в нижерасположенное ущелье ведет грунтовая дорога, именуемая местными жителями *азерб.* “Сары торпах йолу” (*булв.* “Дорога желтой глины”) и получившая свое название по еще недавно добываемой там глине серо-желтоватого цвета. В недавнем прошлом эта глина употреблялась в качестве связующего раствора в строительстве (ныне редко используется при сооружении хозяйственных построек и оштукатуривании помещений) и для изготовления хлебных печей-тендиров и крупных тарных сосудов-кюпов. Забегая вперед, отметим, что эта глина была использована в качестве связующего раствора забутовки поздней (сельджукского времени) обводной стены восточной, южной и западной башен и юго-восточной и юго-западной куртин форта № 1.

Форт № 1 сохранялся еще в нач. XVIII в. и зафиксирован, в частности, на ряде планов и чертежей Дербента, сделанных в период 1722-1735 гг., когда здесь расположились российские войска (до 1735 г.) после Каспийского похода Петра I. На них показана и оборонительная стена, соединявшая форт № 1 с цитаделью Нарын-кала (рис.1). Судя по чертежам и планам, хранящимся в ЦГВИА, длина этой стены была ок. 160 м, сохранившаяся к тому времени высота 1-2 м. В настоящее время никаких следов этой стены визуалью не прослеживается, хотя местное население при закладке и обработке рядом расположенных частных садов находило крупные прямоугольные облицовочные плиты этой стены. Размеры же форта по упомянутым чертежам составляли 25-27х20-21 м, при сохранявшейся тогда высоте стен ок. 10 м и толщине ок. 2 м [Хан-Магомедов С.О., 1966].

На чертежах, относящихся к 1796 г., когда российские войска под командованием графа П.А. Зубова после 9-дневной осады взяли Дербент, изображен лишь второй форт, а на месте форта № 1 показана артиллерийская позиция. На одном из разрезов, приложенных к плану, видно, что форт № 1 к этому времени был уже разрушен почти до основания [Хан-Магомедов С.О., 1966]. На многочисленных планах Дербента нач. XIX в. также отмечены остатки этого форта, а руины его зафиксированы и в работах ряда авторов, в частности, писателя-декабриста А.А. Бестужева-Марлинского, который после ссылки в Сибирь был переведен на Кавказ, зачислен рядовым в 41-й егерский полк и прожил в Дербенте в 1830-1834 гг. Руины этого и других фортов Горной стены отмечали в своих работах Е.А. Пахомов [1930]. С.О. Хан-Магомедов [1966].

В 1996 г. в северо-восточной части форта № 1 был заложен раскоп

XIX размерами 8х24 м (рис.2), в площади которого были вскрыты наружный фас северо-восточной куртины (№ 1) и две прилегающие башни – северная (№ 1) и восточная (№ 2). Работы, проведенные на раскопе в 1996 г., получили краткое отражение в печати [Гаджиев М.С., 1997. С. 200-201; 1997а. С. 66-67].

Северо-восточная куртина № 1, длиной по внешнему фасу ок. 12,6 м, толщиной 1,98-2,0 м (с учетом уступов нижних рядов – 2,24 м), сохранилась на высоту 3-4 рядов кладки (1,28-1,98 м), а с учетом возвышающейся забутовки – на высоту 2,38-2,85 м. Куртина сложена в технике панцирной кладки. В ее основании первые два ряда не имеют выраженной укладки облицовочных блоков тычком и ложком, за исключением северного участка второго ряда кладки. Панцирь двух нижних рядов составляют не плитчатые блоки, а квадраты длиной от 30-56 см до 62-108 см и шириной 32-48 см. На одном из блоков нижнего ряда в центральной части куртины вырезано, очевидно, мастером-христианином изображение “мальтийского” креста. К основанию куртины с внешней стороны примыкает плотная щебеночная отмостка толщиной 4-6 см, шириной 0,4-0,6 м, огражденная вдоль куртины бордюром из мелкого и среднего бутового камня. По всей видимости, она предназначалась для предотвращения подмыва и разрушения основания куртины форта. Частично сохранившиеся два верхних ряда панцирной кладки сложены из плитчатых тычковых и ложковых блоков размерами 64х64 см, 50х62 см, 94х68 см, 80х62 см, 102х58 см, при толщине 20-30 см. Вскрытые два верхних ряда внутренней облицовки куртины сложены в той же технике из подобных плит. В структуре тела (забутовки) куртины 1 хорошо прослежена техника ее сооружения, ее “слоистый” характер – после установленных насухо внешнего и внутреннего рядов панцирных (облицовочных) блоков тело стены заполнялось бутовым камнем и заливалось известковым раствором, затем укладывался следующий ряд облицовки и пространство между наружным и внутренним панцирями вновь заполнялось бутом и раствором и т.д.

Северная башня № 1 – глухая, полукруглая, диаметром 4,46-4,54 м; вынос от внешней грани куртины 1–3,5 м; вынос-уступ от внешней грани северо-западной куртины (обозначенной № 2) – 0,2-0,3 м. Облицовочные блоки башни сохранились частично на 1-2 ряда (на высоту 0,38-1,08 м), сохранившаяся высота башни с учетом возвышающейся забутовки 1,25-2,1 м. Башня своим основанием лежит частично на скальных выходах, частично на материковом суглинке. На участке, где подошву башни подстилает материк, был сделан эскарп-траншея на глубину 0,2-0,3 м, нивелировавшая древнюю поверхность и в которую был уложен ряд цокольных блоков, увеличивших мощность основания. На угловом блоке башни, у ее стыка с куртиной 1, мастером-каменотесом был нанесен Т-образный знак. Размеры блоков облицовки башни в целом стандартны, причем в основание (нижний ряд кладки) уложены более крупные блоки-квадры (62-78х30-43х ок. 60-

80 см), тогда как выше устанавливались блоки-плиты (60-82x64-68x20-28 см). Сохранившаяся забутовка башни уступами поднимается к стыку с куртинами 1 и 2, фиксируя послойную укладку при сооружении забутовки и облицовки. Башня 1 обращена на СВ, в сторону цитадели, и к ней подходила, судя по чертежу XVIII в., оборонительная стена, соединявшая форт и цитадель Нарын-кала. Никаких остатков этой стены в раскопе не зафиксировано и, судя по ее направлению и ситуации, она возводилась после сооружения цитадели и форта, в результате чего северо-восточный участок форта оказался не выдвинутым в стратегически важном северном направлении, что лишало возможности защитников вести эффективный фланговый огонь.

Восточная башня № 2 – глухая, круглая, диаметром 4,2 м; вынос от внешней грани куртины 1 составляет 2,0 м (2,24 м с учетом уступа куртины), а от внешней грани юго-восточной куртины (№ 3) – 0,8 м. Основание башни выявлено не было, были вскрыты два частично сохранившихся ряда нижней части, где кладка образовывала уступ шириной 12-14 см. Прослеженная высота башни с учетом возвышающейся забутовки 2,15 м. Конструктивные особенности этой башни те же, что и на описанных участках форта: сухая панцирная кладка из крупных прямоугольных блоков с забутовкой на известковом растворе высокого качества. Размеры сохранившихся плит верхнего ряда 40x76 см, 28x76 см, 44x78 см при толщине ок. 30 см. Нижний ряд, как и в случаях с башней 1 и куртиной 1, не имеет кладки тычком и логом, а сложен из крупных блоков длиной 54-78 см (один из блоков имеет длину 126 см) при толщине ок. 50 см.

Конструктивно-архитектурные особенности вскрытой в 1996 г. части форта, аналогичные иным сасанидским оборонительным сооружениям Дербентской фортификационной системы и характеризующиеся описанной выше сухой панцирной кладкой с забутовкой тела на известковом растворе, сопутствующие находки фрагментов керамических изделий из слоя (слой 4), связанного с началом функционирования данного укрепления, и сведения письменных источников датируют строительство форта (как в целом Дербентского оборонительного комплекса) VI в., точнее – временем правления шаханшаха Хосрова Ануширвана (531-578 гг.). Культурный слой 4 (толщиной 0,8-1,1 м), прилегающий с внешней (северо-восточной) стороны форта и связанный с начальным периодом его функционирования, датируется VI-VIII вв. Причем, если в верхней части слоя встречена глазурованная керамика (5 фр-тов красноглиняных чаш с легкой гравировкой по белоангобированному черепку под прозрачной зеленой поливой – рис. 3, 7), то в средней и нижней частях слоя она отсутствует и здесь появляется коричневоолощенная и красноангобированная керамика, характерная для сер. I тыс. н.э.

Второй период бытования укрепления на основе находок в соответствующих культурных напластованиях, также примыкающих с

внешней (северо-восточной) стороны форта (слой 3, мощностью 0,8-1,0 м), характерной керамики, в т.ч. показательной глазурованной посуды, куфического фельса одностороннего чекана, браслета из черного стекла, железного наконечника стрелы – двурогого срезня (рис. 4, 1, 4, 11) приходится на IX-XII (нач. XIII) вв. Например, подобные браслеты из черного стекла известны из слоев Дербента IX-XII вв., найдены они и в Агачкалинских склепах IX-X вв. Железный двурогий срезень с упором представляет распространенный в Восточной Европе и на Кавказе IX-XII вв. тип наконечника стрелы. Ему наиболее близки двурогие срезни типа 60, вида 2 классификации А.Ф. Медведева, датированные им кон. IX-X вв. [Медведев А.Ф., 1966]. Этот период, точнее (как установлено стратиграфическими наблюдениями) время после начала и до прекращения отложения данного слоя, отмечен ремонтно-восстановительными работами – сооружением вплотную к восточной башне (№ 2) внешней обводящей стены (толщиной ок. 2 м) из бутового и обработанного камня, с наружным панцирем на известковом растворе и забутовкой на глиняном растворе, увеличившей, таким образом, диаметр башни до 8 м. Такая же пристроенная обводная стена была отмечена и на вскрытом небольшом (прилегающем к башне № 2) участке юго-восточной куртины (№ 3).

В восточной части раскопа (кв. *и-1, з-1*), за пределами форта, ниже слоев позднесасанидского (VI-VIII вв.), арабского (IX-X вв.) и сельджукского (XI-XII – нач. XIII в.) времени были выявлены предматериковый культурный слой (слой 6, толщиной 0,25-0,4 м), связанная с ним стена (стена 1) из крупного и среднего бутового камня на глиняном растворе (сохранившаяся высота 0,7-0,85 м, прослеженная длина 1,6 м; ширина 0,55-0,6 м) и перекрывающий их мощный (толщиной до 0,45 м) слой (слой 5), представляющий собой сильно обожженный рыхлый грунт (супесь) красно-коричневого цвета, с обильным включением угольков, золы, пепла, а также мелкого, среднего, реже крупного бутового камня, скоплений костей животных. Слой 5 фиксирует следы сильного пожара, в результате которого он образовался и приведшего к прекращению отложения нижележащего предматерикового слоя 6. Оба слоя предварительно датируются в рамках II-V вв. и хронологически предшествовали возведению на этом месте в VI в. исследуемого форта.

Из слоя 5 происходит, помимо фрагмента зернотерки из ракушечника и песта из галечника, 32 фрагмента керамической посуды. Кухонная посуда представлена: фрагментом венчика коричневоглиняного горшка с примесью толченой ракушки; фрагментом стенки горшка с примесью шамота и с наружной глиняной обмазкой; 4 обломками стенок и фрагментом донца (d=12 см) небольшого горшочка с чернокоричневым тестом с примесью песка и толченой ракушки; фрагментом донца горшка серо-коричневого цвета с примесью толченой ракушки; фрагментом сковороды (типа садж; d=ок. 35 см) с тестом красного цвета и с обильной

примесью шамота и дресвы; 4 фрагментами стенок и ручки с шипом для крепления, принадлежащих грубой лепной керамике, красного обжига, с серой прослойкой в изломе и с обильной примесью шамота; фрагментом венчика красноглиняного баночного сосуда (рис. 5,7), изготовленного на медленном кругу или на вращающейся подставке. Тарная керамика представлена 2 фрагментами стенок крупных коричневоглиняных сосудов со сплошной наружной и внутренней штриховкой тулова и 2 обломками стенок грубой лепной толстостенной керамики бежевого цвета, с серо-черной прослойкой в изломе и большой примесью шамота. Столовую керамику характеризуют: 2 фрагмента стенок коричневоошпаленной керамики; 2 фрагмента стенок коричневоглиняной заглаженной керамики; обломок стенки серолощеного сосуда, 2 фрагмента стенок и 1 фрагмент конусовидной горловины красноангобированного кувшина с бежевым тестом (рис. 5,16); обломок стенки и основания круглой в сечении ручки коричневоглиняного кувшина, орнаментированного каннелюрами, фрагмент импортного (иранского) белоглиняного кувшина (рис. 5,18); 2 фрагмента стенок черноошпаленных сосудов (кувшинов), в т.ч. один - в изломе имеет коричневое тесто, другой - серое тесто и принадлежал, судя по профилю, сосуду биконической формы; фрагмент стенки красноглиняного, изготовленного на быстром кругу, сосуда (кувшин?).

Данный комплекс керамики слоя 5, несмотря на свою малочисленность, представляет образцы посуды, типичной для позднего этапа албано-сарматского периода. С одной стороны, здесь представлены фрагмент высококачественной красноглиняной керамики, фрагменты появляющейся в III-IV вв. и распространяющейся позднее коричневоошпаленной керамики, типичной для этого же времени, фрагмент белоглиняного импортного кувшина, характерного для позднесасанидского времени, с другой – присутствует черноошпаленная керамика, грубая лепная посуда, в т.ч. с обмазкой, представлена ручка с шипом, характерные для албано-сарматского времени. Выделим находки красноангобированной и каннелюрованной керамики, характерных для IV-VI вв. Стратиграфическое положение слоя 5 и его керамический комплекс позволяют датировать слой IV-VI вв. Но учитывая природу слоя и его характер, указывающие на его кратковременное происхождение и отложение, предшествующее возникновению вышележащего слоя 4 позднесасанидского времени и связанного с ним форта 1, можно отнести его к концу V – нач. VI в. и предположительно связать его возникновение с какими-то военными (?) событиями этого времени, которые и привели к фиксированным в раскопе пожару, разрушению нижележащего архитектурного объекта (стена 1) и прекращению отложения связанного с ним слоя 6.

Такой датировке не противоречит и датировка слоя 6, керамический комплекс которого весьма близок таковому слоя 5. Керамика слоя 6 представлена 35 фрагментами кухонной, столовой и

тарной керамики. Последняя – это единственный обломок толстостенного серокоричневого сосуда с заглаженной поверхностью и с примесью шамота в тесте. Кухонная керамика представлена: фрагментом венчика коричневоглиняного горшка (рис. 5,2) с примесью толченой ракушки; 17 фрагментами стенок подобного горшка, имеющего аналогичную примесь и черный излом; 7 обломками стенок, донца, основания вертикальной, круглой в сечении ручки археологически целого горшка серокоричневого цвета с такой же примесью в тесте. Столовую керамику характеризуют: 2 фрагмента стенок красноангобированных сосудов с бежевым тестом; обломок донца сосуда с темно-красным ангобным покрытием; 2 фрагмента донцев красноглиняных сосудов с заглаженной поверхностью; фрагмент стенки коричневоглиняного заглаженного сосуда; 2 обломка стенок черноошпаленной посуды. Обращает внимание сочетание в керамике слоя 6 фрагментов красноангобированной и черноошпаленной керамики, что характерно для керамических комплексов позднего этапа албано-сарматского времени. Отметим и находку небольшого одноручного горшка – тип характерный для памятников III-V вв. Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана. Исходя из характера данного комплекса, стратиграфического положения слоя, отмечающего его отложение до начала образования вышележащего слоя 5 и отсутствия между ними стерильной прослойки, считаем возможным предварительно датировать его II-V вв.

В 1998 г. раскоп был значительно расширен в западную сторону и в его площадь была включена вся территория форта (рис. 2). Размеры раскопа XIX составили 24x34 м. В дальнейшем, с целью включения в площадь раскопа южной и западной башен форта, обозначенных соответственно № 3 и № 4, были сделаны прирезки и общая площадь раскопа составила ок. 850 кв. м. В результате проведенных работ были вскрыты два верхних слоя внутренней территории форта, выявлены сохранившиеся остатки форта, южная и западная башни, северо-западная (№ 2), юго-восточная (№ 3) и юго-западная (№ 4) куртины, внутренние помещения и хозяйственно-бытовые объекты, определены его планировка и параметры, архитектурные особенности, частично выяснены стратиграфия, строительные периоды и время функционирования памятника [Гаджиев М.С., 1999].

Форт представляет собой прямоугольное в плане укрепление с внутренними размерами 23,5-23,55x14,45-14,6 м (при учете 1-й ступени в основании куртины № 2 ширина форта в интерьере 13,85 м) с угловыми круглыми башнями. [Если принять во внимание, что в иранской и арабской метрологии локоть составлял ок. 47-50 см, то длина форта соответствует ок. 50 локтей, а ширина – ок. 30 локтей, т.е. соотношение ширины и длины форта равно 3:5].

Северо-западная куртина № 2 соединяла северную (№ 1) и западную (№ 4) башни форта (рис. 2). Длина внутренней грани куртины

23,46 м, длина наружной грани – 24,94 м. Куртина 2 перпендикулярно стыкуется с куртинами 1 и 4 и имеет направление СЗ-ЮВ. Ширина куртины в восточной части, у стыка с башней 1 и куртины 1 составляет 2,42-2,46 м, затем постепенно увеличивается в средней части до 2,65-2,7 м, а в западной части вновь сужается до 2,4-2,5 м. В основании своем за счет уступов с наружной и внутренней граней толщина куртины на соответствующие величины расширяется.

У внутренней грани куртина имеет в основании уступ шириной 46-52 см. Второй уступ внутренней грани, шириной 40-52 см прослежен в средней части куртины (кв. *в-9...в-11*), постепенно сужаясь в восточном направлении. С наружной стороны, в кв. *а-9, а-10*, в цокольной части выявлен уступ шириной 14-18 см, который далее (кв. *а-11*) сужается до 4 см. За счет этих уступов толщина куртины в основании на выявленных участках увеличивается до 3,2-3,24 м.

В центральной части (кв. *а-9...а-12*) куртина в трех местах в основании своем прерывается на небольших участках (соответственно длиной 1,5 м, 0,55 м, 2,1 м) скальными выходами, которые в ряде мест подрубались для укладки блоков. Также в отдельных местах наблюдалось устройство неглубокой горизонтальной траншеи-ложки (глубиной до 40 см), нивелировавшей древнюю дневную поверхность, образующей ступень и в которую устанавливались цокольные блоки. Данная куртина, как и остальные выявленные участки укреплений форты сасанидского периода, сложена в той же технике сухой панцирной кладки с чередованием ложковых и тычковых блоков с забутовкой тела бутовым камнем на крепком известковом растворе. В основании куртины, как и других куртин и башен этого форта и укреплений Дербента в целом, блоки установлены в той же технике, но без чередования ложков и тычков. Облицовка куртины 2 сложена из крупных тесаных блоков и плит подпрямоугольной формы размерами 62х74х46 см, 78х71х70 см, 86х36х? см, 92х28х54 см и т.д. В основание куртины снаружи уложены крупные квадраты размерами 162х58 см, 104х45 см, 101х52 см.

С наружной стороны панцирные плиты облицовки сохранились на 1-3 ряда (0,26-1,48 м высоты). Максимально прослеженная высота вскрытой части куртины достигает, с учетом возвышающихся забутовки и внутренней грани куртины, 2,8-2,9 м. Внутренняя грань куртины в отдельных местах только выявлена и немного (на высоту до 20-40 см) вскрыта, а в кв. *в-4* и *в-9* вскрыто два ряда кладки, причем в кв. *в-4* нижний ряд лежит уже непосредственно на плотном материковом суглинке каштанового цвета.

У западной оконечности куртины, с наружной стороны, у стыка с башней 4 (кв. *а-13, а-14*), на протяжении ок. 4 м, куртина несет следы ремонтных работ. Здесь верхние сохранившиеся ряды наружного панциря, покоящиеся на сасанидской кладке из крупных плит, на высоту 0,85-1,1 м (5-6 рядов кладки) представляют собой кладку из средних

размеров, частично обработанных камней на слабом известковом растворе. Данная кладка выложена правильными горизонтальными рядами, но не четким цепным способом, так что вертикальные швы соседних рядов часто расположены на одной линии. Это, естественно, значительно понижало прочность данного участка укрепления. Следует отметить, что данная кладка имеет перевязку с прилегающей башней 4.

Западная башня № 4 – глухая, круглая, диаметром 7,95-8,0 м. На прослеженных участках у внешнего фаса, вскрытая цокольная часть башни сложена из бутового и частично обработанного камня средних размеров с панцирем (в 1 ряд камней) на слабом известковом растворе и забутовкой из рваного камня на светлом глиняном растворе. Кладка панциря, как можно судить по незначительным остаткам, регулярная, но ряды иногда перебиваются. По своей конструкции, параметрам (диаметр башни) она идентична восточной башне (№ 2) 2-го строительного периода, замуровавшей в результате ремонтно-строительных работ, проведенных, очевидно, в XI в., башню позднесасанидского времени.

Наружный панцирь башни 4 сохранился лишь на отдельных небольших участках на высоту 1-6 рядов кладки (0,2-1,2 м), причем наилучшая сохранность наблюдается непосредственно у стыка с куртиной 2. Очевидно, как и в случае с башней 2, выявленные остатки башни 4 скрывают в своей толще оказавшиеся замурованными в результате более поздних ремонтно-восстановительных работ, руины башни позднесасанидского периода.

Юго-восточная куртина № 2 соединяла восточную (№ 2) и южную (№ 3) башни форты (рис.2). Также как и куртина 2, она перпендикулярно примыкает к куртине 1 и имеет направление СВ-ЮЗ, т.е. куртины 2 и 3 параллельны. Расстояние от внутренней грани куртины 2 до внутренней грани куртины 3 вдоль куртины 1 составляет 14,3-14,45 м, а с учетом уступов в основании куртины 2 – 13,85 м. Расстояние от внутренней грани куртины 2 до внутренней грани куртины 3 вдоль куртины 4 равно 14,45 м. Длина куртины 3 по внутренней грани, от восточного до южного угла форты, равна 23,5 м. Длина наружной грани не определена, т.к. сасанидская кладка куртины позднее (в сельджукский период, в XI в.) была закрыта пристроенной вплотную обводной стеной, увеличившей толщину куртины почти на 2 м (см. ниже). Толщина куртины позднесасанидского времени прослежена в восточной части раскопа и составляет 2,57-2,6 м, а с учетом узкого (10-11 см) уступа нижнего (цокольного) ряда куртины, прослеженного с наружной стороны (у стыка с башней 2), составляет 2,67-2,68 м. В этой части раскопа выявлены только верхний ряд внутренней облицовки и частично (у самого стыка с башней 2) три ряда внешней облицовки куртины (на высоту 1,68 м). Длина куртины на этом участке раскопа составляет 9,8 м

Здесь панцирная обкладка куртины сложена в той же технике из

крупных подпрямоугольных блоков (62-108x42-54x24-48 см) с чередованием ложков и тычков. Далее (кв. *к-8, л-8*) куртина упирается под незначительным углом в поперечную стену позднесасанидского времени (что подтверждается наличием перевязки между ними и конструктивными особенностями последней), которая имеет направление СЗ-ЮВ (рис. 2). Эта поперечная стена прослежена в длину на 5,25 м (при максимально прослеженной высоте 0,7-0,82 м) и на юго-восточном направлении выходит за пределы раскопа. Северо-западный край этой стены совпадает с внутренней гранью куртины. Можно предполагать, что данная поперечная стена является остатками северо-восточной стены привратной башни форта позднесасанидского периода. Она сложена из крупных подпрямоугольных обработанных блоков (50-62x46-58x? см) насухо с забутовкой на известковом растворе. Эта поперечная стена на уровне куртины также имеет уступ шириной 8-10 см. В дальнейшем предполагается расширение раскопа на этом участке с целью полного вскрытия возможных башни и входа, располагавшегося, вероятно, в разрыве куртины 3 в ее центральной части.

В южной части раскопа прослежена только внутренняя облицовка куртины 3, сохранившаяся на высоту 1-2 рядов кладки и покоящаяся на материковой почве и скальных выходах. Здесь (кв. *к-12...к-15*) в основании внутренней облицовки куртина 3 имеет уступ шириной 40-54 см, образованный выступающими слабообработанными фундаментными блоками (52-88x22-36x? см), уложенными на материк. Место стыка сасанидской кладки куртины 3 с пристроенной позднее к ней внешней стеной на данном участке пока проследить не удалось. На одном из блоков (54x26x? см) (кв. *к-9*) нижнего ряда нанесен врезной К-образный знак мастера-каменотеса.

Пристроенная вплотную к внешней грани куртины 3 стена имеет наружную облицовку, сложенную из небольших бутовых и частично обработанных камней на известковом растворе, и внутреннюю забутовку из бутового камня на глиняном растворе. Ширина этой стены 1,98-2,12 м; ширина панциря-облицовки 38-56 см. Таким образом, пристроенная стена увеличила ширину куртины до 4,5-4,6 м. На многих участках наружная грань облицовки оштукатурена крепким известковым раствором, вследствие чего не всегда удается определить характер ее кладки. Судя по открытым участкам, кладка велась регулярными рядами, но иногда горизонтальные швы перебиваются из-за разного формата установленных камней; для большей прочности и устойчивости кладки под отдельные камни укладывались небольшие плитки. Иногда использовались более крупные камни размером 58-68x16-24x? см, а также обожженные кирпичи формата 20-21x20-21x4 см и их фрагменты. Длина куртины по линии внешней грани пристроенной стены, от стыка с башней 2 до стыка с башней 3, составляет 22,46 м. Прослеженная сохранившаяся высота ее 0,38-0,86 м или 2-4 ряда кладки.

В центральной части куртины 3 кладка имеет разрыв. Здесь, на стыке кв. *м-10* и *м-11* были расчищены *in situ* две крупные хорошо обработанные плиты, размером соответственно 88x?x17 см и 92x56x? см, лежащие по линии внешней грани пристроенной стены куртины 3 и расположенные на расстоянии 0,85-0,9 м друг от друга. Их местоположение приходится на одну линию с разрывом (такой же ширины) внутренней грани куртины 3 на стыке кв. *к-10* и *к-11*. На основе этого факта, можно предполагать пока, что эти плиты, как и разрыв внутренней грани куртины, фиксируют входной проем в форт. Возможная ширина входа была 0,85-0,9 м, длина -4,64 м (расстояние от наружного края плит до наружного края фланкирующих блоков внутренней грани куртины). Весь участок предполагаемого прохода в результате более поздних ремонтно-строительных работ (в период возведения обводящих стен?) был забутован рваным камнем на плотном глиняном и известковом растворах. На основе конструктивной связи, ситуации, формага плит можно предполагать, что этот вероятный вход в форт был сделан одновременно с его возведением, т.е. в сасанидский период, в VI в. Предполагаемый вход располагается на расстоянии 13,6 м от восточной башни 2 сельджукского периода и на расстоянии 13,9 м от той же башни сасанидского периода; расстояние до южной башни 3 сасанидского периода не выяснено, т.к. она здесь еще не выявлена, а до башни 3 сельджукского периода оно составляет почти 8 м. Дальнейшие раскопки и расширение раскопа на данном участке позволят решить невыясненные вопросы. Заметим, что на плане нач. XVIII в. обозначен узкий вход в форт в этой части куртины 3 (рис. 1).

Южная башня № 3 – глухая круглая, диаметром 7,95-8,0 м (рис. 2). Сохранившаяся высота ее 0,3-1,1 м (1-5 рядов кладки). Сложена она в той же технике, что и башни 2, 4 и куртина 3 второго (сельджукского времени) строительного периода, т.е. из бутового и частично обработанного камня с панцирем на известковом растворе и забутовкой на глиняном растворе, регулярными, но перебивающимися рядами. В кладке панциря башни использованы в основании в нескольких местах хорошо обработанные прямоугольные блоки крупного формата (66x20x? см, 82x16x? см, 85x16x? см), возможно, вторично использованные из кладки сасанидского времени. В сохранившейся кладке использованы также 4 обожженных кирпича, размером 20-21x?x4 см, и несколько фрагментов, установленных для большей устойчивости камней и выравнивания горизонтальных швов. На стыке кв. *к-18* и *л-18* в кладку вставлен рустованный блок размером 28x52x? см (из подобных блоков сложены одна башня южной стены цитадели Дербента и две обращенные в сторону города башни в начале южной и северной городских стен, датируемые X-XI вв.), а в кв. *н-18* в основании башни поставлен блок (38x16x? см) с врезным знаком. На наружной грани башни в отдельных местах сохранились участки, покрытые крепким известковым штукатурным раствором. В

основании башни в нескольких местах прослежен рыхлый серый грунт, насыщенный бутовым камнем, кусками известкового раствора, фрагментами обожженных кирпичей (толщиной 4-5 см). Очевидно, что выявленные остатки башни 3, как и руины башен 2 и 4, представляют собой башню второго строительного периода, относящуюся к сельджукскому времени (уже – к XI в.) и замуровавшую башню VI в. Стык башен 3 сасанидского и сельджукского времени не был зафиксирован, т.к. в целях сохранности руин башни 3 накрывающие ее гумусный слой и слой 1 на значительной ее части не вскрывались (как и на участке с башней 4). Отметим, что южная башня 3 соединяется и перевязку как с юго-восточной куртиной 3, так и с юго-западной куртиной 4, что указывает на единовременность их сооружения.

Юго-западная куртина № 4 соединяет южную башню 3 с западной башней 4 (рис. 2). Длина ее по внутреннему фасу – 14,6 м, по наружному – 10,77 м, ширина (толщина) 3,7 м. Внутренний фас куртины сложен в технике, характерной для позднесасанидских оборонительных сооружений Дербента, и, в частности, исследуемого форта 1, т.е. из крупных (62-88х56-67х26-40 см) прямоугольных блоков, образующих внутренний панцирь куртины и уложенных насухо с чередованием тычков и ложков (на отдельных участках этот принцип нарушается, что характерно для нижних, цокольных рядов сасанидской кладки). Прослежен верхний ряд внутреннего панциря сохранившихся нижних рядов. В центральной части (кв. *е-15...з-15*) этот ряд является нижним, лежащим непосредственно на скальном выходе; на других участках, по всей видимости, имеются и нижележащие ряды кладки. Здесь же зафиксирован ступенчатый уступ шириной 20-24 см.

Наружный фас куртины 4 представляет собой кладку, близкую соответствующей кладке куртины 3 второго (сельджукского) строительного периода. Эта часть куртины сложена из среднего и крупного обработанного, частично отесанного и редко бутового камня (12-26х24-52х? см, 20-38х38-74х? см) на известковом растворе, регулярными, но перебивающимися рядами. В нескольких местах в наружный панцирь вставлены более крупные хорошо отесанные блоки размером 58х67х? см, 50х59х? см. Прослеженная сохранившаяся высота 1,04-1,24 м (4-5 рядов кладки). Наружная грань куртины во многих местах имеет следы крепкой известковой штукатурки. В нескольких местах между рядами кладки, для упора, вставлены небольшие плитки, бут, фрагменты обожженного кирпича толщиной 4-5 см. Вертикальные швы кладки часто находятся на одной линии, что должно было значительно понижать строительную конструкцию. Сверху куртина, лежащая на глубине 14-32 см от современной дневной поверхности, перекрыта слоем 1 толщиной 8-26 см и слоем гумуса толщиной 4-8 см.

Куртина 4 имеет перевязку с башнями 3 и 4, что документирует единовременное их возведение во 2-ой строительный период. Стык куртин 4 сасанидского (1-й строительный период) и сельджукского (2-й

период) времени зафиксирован не был, т.к. верхние накрывающие их слой гумуса и слой 1 не вскрывались с целью предохранения куртины от разрушения.

Таким образом, в результате проведенных раскопок было выявлено два строительных периода в истории форта 1 (рис. 2). Первый период связан с собственно возникновением форта в VI в. н.э., архитектурно-конструктивные особенности которого аналогичны иным сасанидским сооружениям Дербентского оборонительного комплекса VI в.

Второй строительный период, характеризуется проведением значительных ремонтно-строительных работ. Они заключались в сооружении вплотную к восточной, южной и западной башням 2, 3 и 4 и связывающих их юго-восточной и юго-западной куртин 3 и 4 обводящих стен толщиной ок. 2 м, которые по своим конструктивным особенностям, технике резко отличаются от кладки сасанидского времени. На единовременное возведение этих обводных стен башен и куртин указывает наличие перевязки между ними, одинаковые строительная техника, приемы, параметры (диаметр) башен и др. Время проведения этих ремонтных работ определяется их стратиграфическим положением, именно связью с соответствующим культурным слоем (слой 3, второй период бытования укрепления, IX-XII вв.) и сопутствующими находками. Как было установлено раскопками 1996 г., ремонтные работы по сооружению обводящей башню 2 стены, были проведены после начала, но до прекращения отложения слоя 3, хорошо датированного IX-XII вв. [Гаджиев М.С., 1997б. С. 28-31]. Это получило подтверждение и в образцах глазурованной, с гравировкой и полихромной росписью, керамики (рис. 3, 1, 2), найденных во вскрытой забутовке башни 2 и весьма показательных для XI-XII вв. [Гаджиев М.С., 1997б. С. 29-31, рис. 62, 1-3, 67, 3, 4].

Обращает внимание, что ремонтно-строительным работам подверглась южная часть форта (рис. 2), очевидно, пришедшая в негодность и частично разрушенная ко времени проведения этих работ. И этот факт, как нельзя лучше, демонстрирует, на наш взгляд, военно-политическую обстановку на Восточном Кавказе в X-XI вв. С распадом обширного Арабского халифата и возникновением независимых и полузависимых государственных образований, последние вступили в полосу длительных междоусобиц. В этот период обостряются отношения между Дербентским эмиратом с его “республиканско-монархической” формой правления и расположенным южнее Ширваном, борющимся за пальму первенства на Восточном Кавказе и решавшим свои территориальные претензии. Укрепления Дербента в это время в значительной мере ориентированы уже и на угрозу с юга. Дербентская хроника “Тарих ал-Баб” (“История Ширвана и Дербенда”), составленная о городе в самом нач. XII в. (ок. 1106 г.) анонимным автором, проявляющим отличное знание топографии Дербента и Восточного Кавказа в целом, сообщает о неоднократных и весьма

частых военных столкновениях между Дербентом и Ширваном, как у стен первого, так и на территории второго [Минорский В. Ф., 1963. С. 43-79]. В результате этих боевых действий были разрушены некоторые укрепления Дербента и в т.ч., очевидно, укрепления исследуемого форта. В связи с этим особого внимания заслуживают сообщения хроники о проведении значительных неоднократных ремонтно-восстановительных работ по укреплению оборонительных сооружений Дербента в конце X-60-х гг. XI в. Но в связи с проводимыми исследованиями наибольший интерес вызывает сообщение хроники о том, что после смерти эмира Дербента Лашкари б. Маймуна в 391 г.х./1001 г. ширваншах Йазид б. Ахмад предложил жителям ал-Баба (Дербента) дать согласие на восстановление "*крепости ал-Баба с крепостью Сул*". В 410 г.х./1019 г. "народ" Дербента выгнал эмира Мансура из города и призвал на правление ширваншаха Йазид. Вслед за этим актом Йазид, как сообщает хроника, "восстановил крепость и разместил там гарнизон из своих войск". Можно полагать, что была отремонтирована и упоминавшаяся крепость Сул (*Баб Сул Хордабеха*), идентифицируемая с исследуемым фортом [Гаджиев М.С., 1997а]. Большое внимание, которое уделяли правители Дербента этим крепостям, заключалось, прежде всего, в том, что они являлись оплотами их власти в условиях острой политической борьбы, когда происходила довольно частая смена правителей Дербента торговом-ремесленной и исламской знатью города вместе с "народом ал-Баба".

В результате вскрытия на территории внутреннего пространства форта 1 двух верхних культурных слоев, хорошо датирующихся по своим керамическим комплексам и, прежде всего, характерной глазурованной керамике IX-XII вв., в интерьере форта, в восточной и центральной его части, были выявлены внутренние архитектурные, хозяйственно-бытовые остатки: четыре помещения, водосборный бассейн, стационарная печь.

В северо-восточной половине форта вскрыты три смежных помещения, получивших обозначения 1, 2 и 3 и расположенных вдоль куртины 1 (рис. 2).

Помещение 1, прямоугольное в плане, расположено у восточного угла форта (рис. 2). Оно образовано соответствующими участками стен куртин 1 и 3, выступающими северо-восточной и юго-восточной стенами пом. 1, и двумя (северо-западной и юго-западной) стенами (№ 6 и № 7), шириной 1,2 м при сохранившейся высоте 0,2-1,1 м (1-5 рядов кладки), из бутового и слабо обработанного камня на глиняном растворе, с регулярной, цепной кладкой, но с перебивающимися, как об этом можно судить по сохранившимся остаткам, горизонтальными швами, с укладкой по граням стены и у основания более крупных камней. Внутренние размеры пом. 1 - 3,75x8,8 м.

На центральном участке, где северо-западная стена 6 покоилась на скальном выходе, она оказалась полностью разобранный. На юго-

западном и северо-восточном участках эту стену подстилает культурный слой. Юго-западная стена 7 также возведена на культурном слое, который в сезоне 1998 г. не вскрывался.

В центральной части пом. 1 была расчищена стационарная двухкамерная печь типа *корюк* (рис. 2), сложенная из обожженных кирпичей размером 20-21x20-21x4-5 см, характерных для X-XII вв. Печь квадратная в плане, размером 156x156 см. Основание печи глинобитное. Стенки печи сохранились на высоту 2-х рядов кирпичей, но выше их, на высоту 25 см, прослежен слой распавшихся (оплывших) кирпичей в виде массива обожженной комковатой глины. В СЗ части печи сохранились остатки свода (на высоту 28 см), сложенного из таких же кирпичей (сохранилось 4 ряда кирпичей). Заполнение печи представляет собой у пода – сплошное скопление золы и угля толщиной 14 см, а выше рыхлый грунт из обожженной земли и кусков мелкого бута и фрагментов обрушившихся кирпичей свода.

Участок между печью и ЮЗ стеной 7 имеет примыкающую к ним вымостку. Она выложена из крупных и средних размеров плитчатых камней и фиксирует, как и основание печи (точнее, верхний уровень первого ряда кладки печи), древнюю дневную поверхность – уровень пола пом. 1. В кв. и-8 в вымостку был вставлен крупный фрагмент обожженного кирпича выше указанного формата.

Помещение 2, подпрямоугольное в плане, смежное с пом. 1 – стена 6 для них общая (рис. 2). Пом. 2 расположено в центральной части северо-восточной стороны форта. Его внутренние размеры 3,75 (4,15 – вдоль куртины 1) x8,8 м, т.е. оно по своим параметрам почти идентично пом. 1. ЮВ стену помещения образует описанная стена 6, СВ стену – соответствующий участок куртины 1, к которой пом. 2 примыкает и расположено перпендикулярно длинной осью. СЗ стену помещения составляет стена 2. Толщина стены 1,2 м. Стена 2 примыкает под небольшим углом к куртине 1, так что пом. 2 имеет немного трапецевидную форму. Вместе с тем, стена 2 расположена под небольшим углом к куртине 2, но почти параллельно ко 2-му уступу в основании этой куртины. Это говорит о том, что при возведении этой стены ориентировались именно на направление этого уступа куртины.

Поперечная ЮЗ стена (№ 8) помещения сохранилась очень плохо, прослежена в длину на 0,6 м при 1-2 рядах кладки в высоту; сложена она в той же технике, что и стены 6 и 7. Вероятно, она имела толщину 1,2 м (прослеженная ширина 0,9 м), как и другие стены помещений 1 и 2. По всей видимости, стена эта не доходила до южного угла пом. 2, т.к. здесь, вплотную к стене 6, был обнаружен *in situ* пяточный камень, фиксирующий наличие дверного проема.

В интерьере пом. 2 на двух участках выявлены вымостки, отмечающие уровень пола пом. 2. Первая вымостка прослежена в восточной части помещения (кв. д-4, д-5, ж-4, ж-5) на площади ок. 6 кв. м. Здесь вымостка с западной стороны ограждена небольшой стенкой-

бордюр (длиной 2,7 м, шириной 0,3-0,4 м), образованной одним рядом крупных камней. У ее ЮВ конца (кв. ж-5) обнаружен *in situ* поломанный жернов ручной мельницы, а на уровне вымостки (кв. ж-4) найдены два керамических пряслица (рис. 4,8,9). Вторая вымостка прослежена в западной и центральной части помещения (кв. е-7, е-8, ж-7, ж-8) на площади ок. 8 кв. м. Обе вымостки выложены из плитчатого камня.

Помещение 3, подпрямоугольное в плане, смежное с пом. 2 (стена 2 для них общая) расположено у северного угла форта (рис. 2). Оно длинной осью почти параллельно куртине 2, соответствующий участок которой выступает его СЗ стеной. СВ стеной помещения является соответствующий участок куртины 1. Ширина пом. 3 составляет 3,75-4,0 м, длина его не выяснена, т.к. не выявлена ЮЗ стена помещения, возможно, разрушенная расположенной на этом участке поздней воронкой от разрыва снаряда; но, судя по длине стены 2, а также близким размерам всех трех помещений, имеющих конструктивную и планировочную связь и возводившихся одновременно, длина пом. 3 составляла также ок. 8,8 м.

Помещение 4, прямоугольное в плане, выявлено между СЗ куртиной 2 и водосборным бассейном (о нем ниже), расположенным в центральной части форта (рис. 2). Внутренние размеры помещения 3,55-3,65х3,0-3,1 м, оно вытянуто вдоль куртины 2, соответствующий участок которой составляет СЗ стену пом. 4. К ней перпендикулярно примыкает стена № 9, толщиной 1,15 м, образующая СВ стену пом. 4 и сохранившаяся на высоту 1-3 рядов кладки. ЮВ стену пом. 4 составляет стена № 10, шириной 0,9 м, прилегающая к наружной грани СЗ стенки бассейна и параллельная куртине 2; стена эта сохранилась на высоту 1-2 рядов кладки. Наконец, ЮЗ стену пом. 4 образует стена № 11, шириной также 0,9 м, при сохранившейся высоте в 1 ряд камней; стена эта расположена под незначительным углом к куртине 2, почти перпендикулярна к ней и немного (60 см) не доходит до нее. Где был расположен вход в пом. 4 не определено вследствие плохой сохранности его стен. Стены этого помещения выложены в той же технике, что и стены помещений 1-3.

В интерьере пом. 4 на отдельных участках сохранилась вымостка из бутового камня, с уровня которой происходят крупный кованный железный гвоздь (рис. 4,22) и фрагменты неполивной и глазурованной (в т.ч. с гравировкой по ангобу и полихромной росписью) керамики XI-XII вв. Вне пом. 4, рядом с ним (кв. в-10, з-10) также вскрыт небольшой участок (ок. 2 кв. м) сохранившейся вымостки.

Еще один сохранившийся участок вымостки, на площади ок. 1,5 кв. м, выявлен у южного угла форта. Здесь вымостка выложена из хорошо обработанных плит средних размеров. Стратиграфически она связана с верхним культурным слоем 1-а XI-XII вв. Неполивная и глазурованная керамика, происходящая с уровня вымостки и из слоя настилающего ее, относится к XI-XII вв. Рядом с вымосткой на блоке

фундамента куртины 3 обнаружен железный клинок ножа (рис. 4,21).

Водосборный бассейн выявлен в центральной части раскопа (рис. 2). Он расположен длинной осью под незначительным углом к СЗ куртине 2 и ЮВ куртине 3, почти параллельно им. Бассейн имеет прямоугольную форму. Внутренняя длина бассейна 4,54 м. Юго-западная часть бассейна имеет внутренние размеры 2,86х2,64 м, а в СВ части он сужается под прямым углом с обеих сторон на 20-22 см, так что внутренняя поперечная длина его у СВ стенки составляет 2,18 м при длине этого участка 1,68 м. Бассейн сложен из бутового и слабообработанного камня на крепком известковом растворе. Внутри он имеет известковую штукатурку толщиной 2-3 см. Толщина стен бассейна колеблется от 68-70 см до 96-100 см. В западной и юго-западной частях стенки бассейна имеют хорошую сохранность, а с наружной стороны у северного угла бассейна, вдоль СВ и ЮВ стенок бассейна несколько потревожен, вероятно, образовавшимся в период гражданской войны воронкой и западиной-котлованом. С наружной стороны ЮВ стенки, там, где расположена западина, уничтожившая культурные напластования до материковых выходов и обнажившая стенку бассейна, прослежена высота (по наружной грани) бассейна, составляющая ок. 1,3 м.

У южного угла бассейна, поперек ЮВ стенки установлен тесаный каменный желобчатый блок (длина 84 см, ширина 38 см) водовода, имеющий легкий наклон в бассейн. На поверхности ЮЗ стенки бассейна, у внутренней грани ее, по направлению от западного угла к южному, в массиве стенки сохранился след в виде полукруглого в разрезе желоба от располагавшегося здесь водовода, составленного из керамических труб диаметром 14-15 см; сами трубы здесь не зафиксированы и, вероятно, были сняты.

В сезоне 1998 г. бассейн был расчищен только на глубину одного штыка его заполнения. Керамический материал, происходящий из этого верхнего уровня заполнения бассейна и фиксирующий, очевидно, время завершения его использования, представлен показательной неполивной и глазурованной посудой, хорошо датирующейся XI-XII вв. (рис. 3,10).

Подводя итоги проведенным в 1996 и 1998 гг. раскопкам форта 1, отметим, что в результате получены важные данные, характеризующие один из памятников фортификации сасанидского Ирана и Кавказской Албании. Особо заметим, что это пока единственный из многочисленных объектов грандиозной 40-километровой Горной стены, выступавшей на протяжении нескольких столетий форпостом и преградой на границе оседло-земледельческого и кочевническо-скотоводческого миров, подвергающийся археологическим раскопкам. И проводимые на данном памятнике исследования позволяют определить время активного функционирования этой оборонительной системы, стоящей в одном ряду с такими сооружениями как Великая Китайская стена, Седл-и Искендер (Вал Александра), Римский лимес

на Дунае. Вместе с тем, проводимые раскопки дают возможность осветить ряд важных вопросов военно-политической истории и исторической географии Восточного Кавказа, вопросов исторической топографии и исторического развития Дербента в албано-сарматский, сасанидский, арабский и сельджукский периоды его истории.

ЛИТЕРАТУРА

Гаджиев М.С., 1997. – Раскопки форта Дербентского оборонительного комплекса // АО. 1996. М.

Гаджиев М.С., 1997а. – Исследования форта Дербентского оборонительного комплекса и идентификация “крепости Сул” // Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы: КСД межд. науч. сессии. Тбилиси.

Гаджиев М.С., 1997б. – Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1996 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3.

Гаджиев М.С., 1999. – Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1998 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3.

Медведев А.Ф., 1966. – Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII-XIV вв. // САИ. Вып. Е1-36.

Минорский В.Ф., 1963. – История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.

Пахомов Е.А., 1933. – Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // Памятники истории материальной культуры. № 9-10. М.

Хан-Магомедов С.О., 1966. – Раннесредневековая Горная стена в Дагестане // СА. № 1.

Рис. 1. План цитадели Дербента, участка Горной стены и форта № 1 (по чертежу нач. XVIII в.).

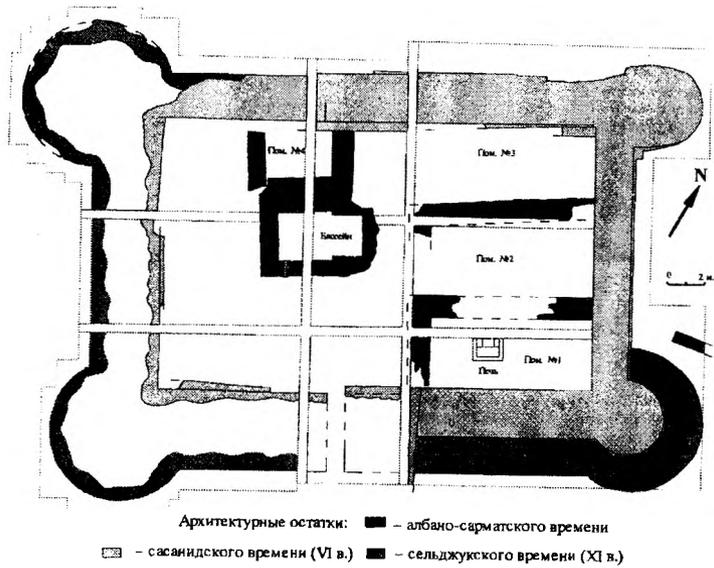

Рис.2. План-схема раскопа XIX (форт № 1).

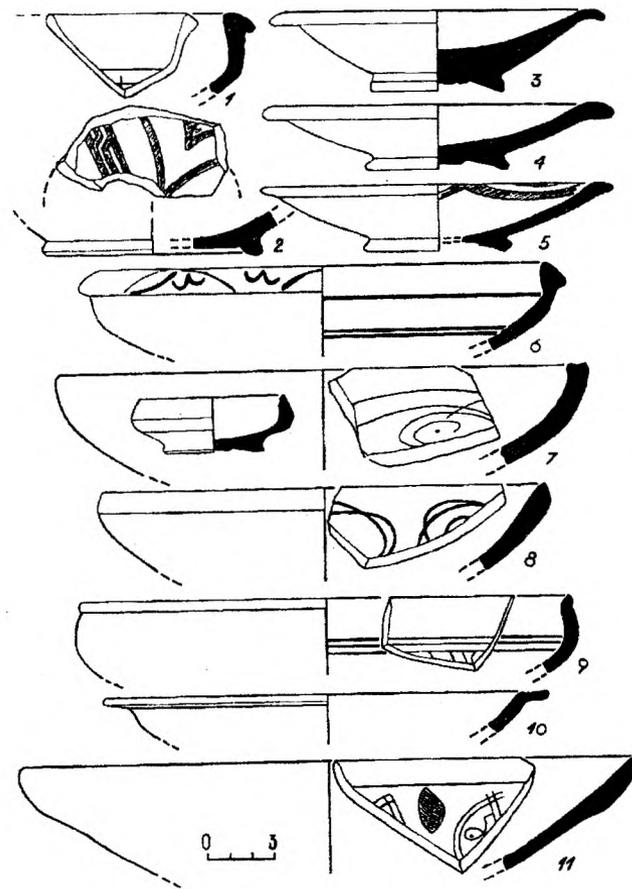

Рис.3. Раскоп XIX. Глазурованная керамика IX-XII вв.

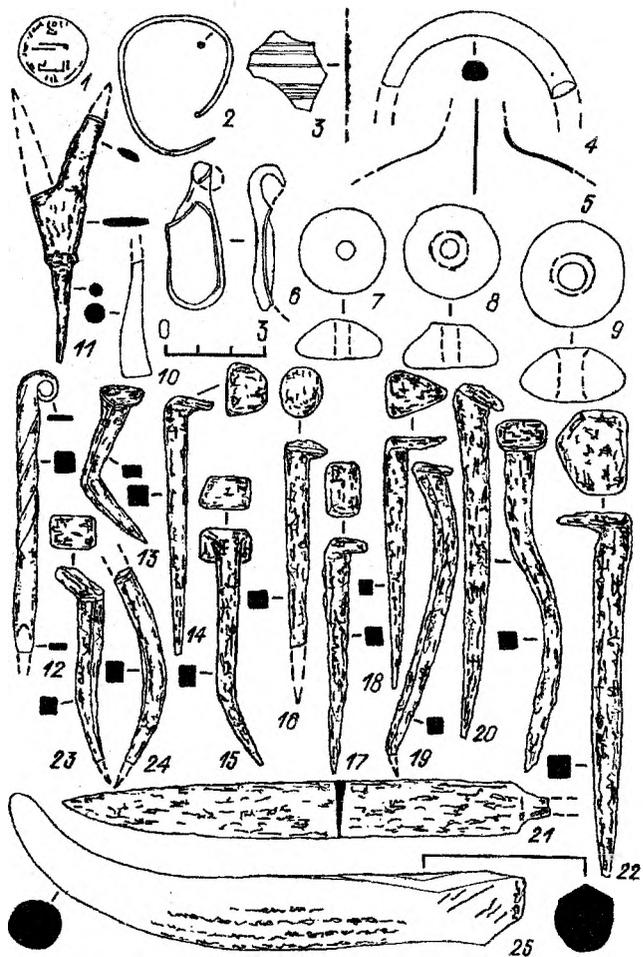

Рис.4. Раскоп XIX. Индивидуальные находки
(1,2 – медь, 3-6 – стекло, 7-10 – керамика, 11-24 – железо,
25 – кость).

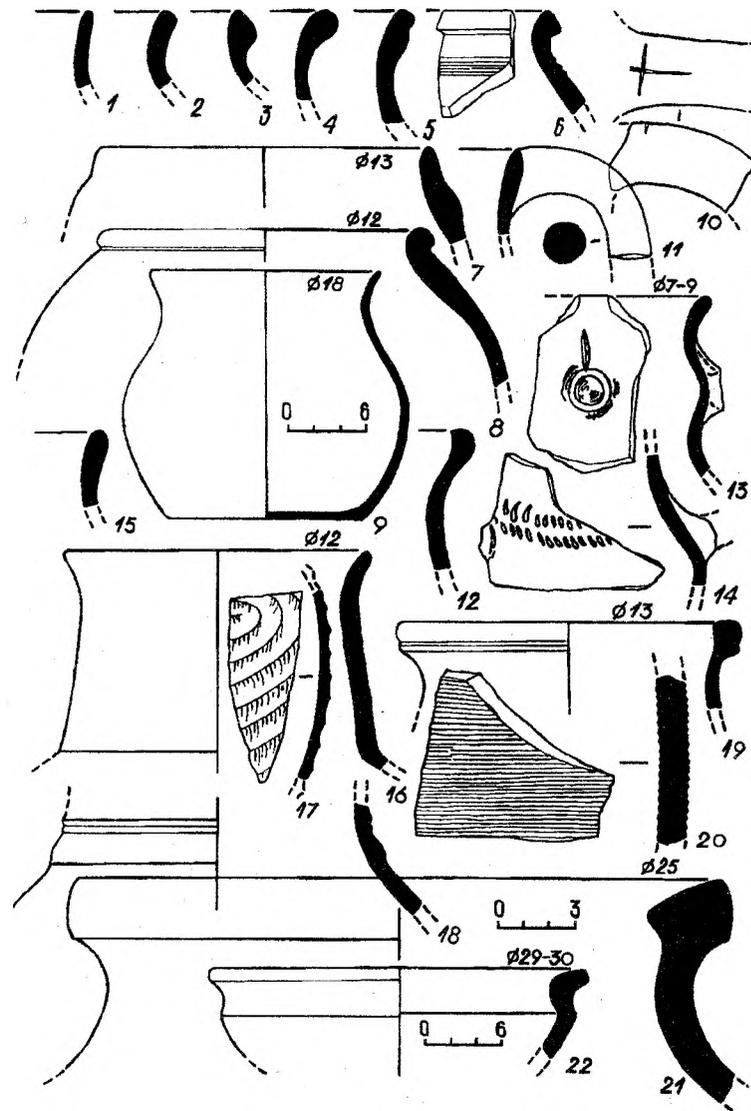

Рис.5. Раскоп XIX. Керамика сасанидского времени.

К.И. Рамишвили
(Центр АИ АН Грузии, Тбилиси)

**ПЕЧАТЬ СО СЦЕНОЙ ИНВЕСТИТУРЫ
ИЗ АВЧАЛИСКАРСКОГО МОГИЛЬНИКА
ВМЦЕХЕТА**

На Авчаликарском могильнике в погребении № 46 был обнаружен янтарный эллипсоид, на котором изображена многофигурная сцена инвеституры. Эта тема, хорошо знакомая в сасанидском искусстве и особенно часто встречающаяся на скальных рельефах, редко изображается на памятниках глиптики, что объясняется сложностью помещения многофигурной композиции на миниатюрной поверхности печати. Однако единичные экземпляры гемм все-таки встречаются с изображением этого сюжета. Поэтому Авчаликарский эллипсоид особенно интересен.

Овальная поверхность лицевой части печати целиком заполнена изображением. Два всадника стоят друг против друга; кони находятся в характерной для этой сцены позе ритуального поклонения с приподнятой одной передней ногой. Фигуры всадников переданы довольно небрежно, детали не обработаны, однако можно рассмотреть на их головах диадемы, повязанные лентами, концы которых различаются венец, символ власти, в руке второго всадника неясный предмет, быть может, священная ветвь (барсом?). Обычно в сцене инвеституры под ногами коней чаще всего изображается распростертое тело поверженного врага, что также является символом непобедимости и триумфа. На Авчаликарском эллипсоиде же между ног коней изображен миниатюрный алтарь огня – аташдан. Эта деталь, отличающая нашу гемму от других памятников, а также некоторые ее стилистические особенности, нетипичные для сасанидской глиптики, ставят его несколько обособленно. Можно предположить, что эта печать изготовлена в каком-нибудь переднеазиатском центре, копируя чисто сасанидский сюжет. Изображение алтаря перед всадником некоторым образом перекликается с изображениями всадника-божества, часто встречающегося на монетах и геммах Передней Азии, на Кавказе и, в частности, в Грузии.

Инвентарь каменного ящика погр. № 46 дает возможность датировать памятник V-VI вв. Сама форма камня – эллипсоид со сплюснутыми боками – более поздний вариант этой формы. Таким образом, печать можно датировать концом V – началом VI в.

З.Г. Шатберашвили, В.Л. Шатберашвили
(Центр АИ АН Грузии, Тбилиси)

**ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ
ИЗ КВЕМО КАРТЛИ**

В 1980-1992 гг. Марабда-Ахалкалакская археологическая экспедиция Центра археологических исследований АН Грузии производила раскопки в Южной Грузии, в зоне строительства Марабда-Ахалкалакской железной дороги, в исторической провинции в Квемо Картли (по древнегреческим источникам Гогарене). Наряду с памятниками триалетской и беденской культур, а также с памятниками средневековья, экспедицией изучались памятники античной эпохи (IV-I вв. до н.э.).

В окрестностях сел. Дурнуки, на правом берегу р. Алггети, экспедиция изучила сильно пострадавшие поселения эллинистической эпохи. Здесь найдены остатки фундамента строения, красноангобированная керамика.

Около ст. Цхра Дэма, вблизи с. Котиши, раскопано 8 каменных ящиков IV-III вв. до н.э. Особый интерес представляют обнаруженные на могильнике грушевидные кувшины и железный кинжал.

В 2 км к Северо-Западу от Тетри Цкаро, в местечке Эцо, экспедиция изучила 120 погребений IV-I вв. до н.э. Большинство погребений каменные ящики, грунтовых могил всего 9. Одна из них была перекрыта большим обломком пифоса. Покойники лежали в сильно скорченной позе, на боку, как правило, головой на север. На каменных плитах, которыми перекрыты могилы, часто находились остатки жертвоприношения – обломки глиняных сосудов, кости черепа и ног крупного рогатого скота.

Могильный инвентарь состоит из глиняной посуды, оружия и украшений. Количество вещей в могилах колеблется от одного до двадцати, встречаются погребения относительно “богатые”, но эти данные не позволяют выделить на могильнике социально дифференцированные слои. По нашему мнению, здесь погребены свободные земледельцы и воины, известные по описаниям Иберии Страбоном.

Среди глиняной посуды выделяются кувшины, анализ которых дает возможность проследить изменение форм в течение IV-I вв. до н.э. Грушевидные сосуды, которые доминируют в IV и начале III вв. до н.э., с середины III в. до н.э. уступают место кувшинам со сферическим туловом. Встречаются кувшины, расписанные красной краской. На кувшинах прослеживается изменение орнамента росписи. На рубеже IV-II вв. до н.э. орнамент представлен заштрихованными треугольниками. В III в. до н.э. орнамент усложняется.

Особый интерес представляет сравнительно большое количество оружия – железные дротики, копья и боевые топоры, которые были

Примерно такое количество оружия обнаружено на памятниках IV-III вв. до н.э. в Алгетском ущелье, вблизи могильника Эцо. В могилах II-I вв. до н.э. оружия не было.

Бронзовые персти-печати обнаруживают близкое родство с греческими и ближневосточными традициями. На щитке одного из них изображен профиль воина в шлеме, который в точности повторяет также же изображения на архаичных греческих скарабях. Фантастический зверь и изображение жреца на других печатях дают возможность провести параллели с Ближним Востоком, в частности с Месопотамией.

На могильнике выделено 6 хронологических групп: 1) IV в. до н.э.; 2) рубеж IV-III вв. до н.э.; 3) середина III в. до н.э.; 4) рубеж III-II вв. до н.э.; 5) II в. до н.э.; 6) I в. до н.э. Интересно, что погребений, датированных II-I вв. до н.э., всего 13, что перекликается с положением в Квемо Картли (по сей день в этой провинции Грузии обнаружено лишь 4 памятника II-I вв. до н.э.), и указывает на спад культуры и уменьшение населения в этой зоне.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Ш. М. Гаджиев
(Инс-т ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала)

КАТАКОМБЫ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ В ДАГЕСТАНЕ

В центральной части Приморского Дагестана в 25 км к северо-западу от Дербента у селения Великент Дербентского района в разные годы, начиная с конца 70-х гг. были открыты и частично исследованы 3 могильника с захоронениями в катакомбах. Всего исследовано 14 катакомб, из которых 3 относятся к эпохе ранней бронзы, остальные – к эпохе средней бронзы.

Великентский могильник I исследовался в 1983 г. экспедицией под руководством О.М. Давудова. Он расположен на останце продолговатого естественного холма, значительная часть которого уничтожена при выборке глины для изготовления кирпича и на другие строительные цели. Из 12 катакомб, выявленных на этом холме, к эпохе ранней бронзы относится 1 катакомба (№ 8). Катакомба не имеет внешних признаков и вырыта в плотной материковой толще земли, из которой сложен холм. Входная яма катакомбы находится на глубине около 70 см от современной поверхности холма. Она имеет подквадратную форму. Ее размеры 1,70x1,60 м, глубина около 1,40 м. Яма ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Она соединена с погребальной камерой входным лазом арочной формы, размером 0,50x0,55 м. Подошва лаза имеет наклон в сторону камеры и обрывается крутой ступенькой, высотой 0,35 м. На полу входной ямы лежали 2 каменные плиты, которыми, очевидно, в древности закрывался входной лаз. Сама погребальная камера имела сегментовидную форму и сводчатый потолок. Размеры ее – 4,25x2,85 м, максимальная высота – 1,65 м (рис. 1, 20). Во входной яме и погребальной камере катакомбы зафиксирована довольно редкая картина. Входная яма выше плит, лежавших на полу, была заполнена человеческими костями и черепами, сваленными в кучу. Всего зафиксировано 48 черепов. В самой погребальной камере человеческие кости отсутствовали. Первоначально, видимо, покойники были похоронены, как обычно, в камере, но позднее почему-то были вынесены из нее и свалены в кучу во входной яме. Вся погребальная камера катакомбы была заполнена однородной массой в виде суглинка желтоватого цвета, в котором встречались мелкие обломки керамики, кусочки мела, угольки. Вся северо-восточная половина камеры была заполнена невероятно большим количеством глиняных сосудов самых различных форм и размеров. Они были уложены друг в друга (в одном большом сосуде 1-4 мелких сосуда). А такие комплексы сосудов сложены в несколько этажей. Всего в камере было найдено около 500 сосудов (рис. 1, 1-19).

Кроме сосудов, в катакомбе обнаружены обломки каменного

навершие булавы, костяные проколки, глиняные модели колес, бронзовые височные подвески лавроволистной формы, спирали-пронизки, бронзовые бусы различных форм, а также мелкие бусы из белой и голубоватой пасты (рис. 2, 22-39).

Великентский могильник II расположен на правом берегу речки Кубу-чай на высоте (3-4 м) холме продолговатой формы (80x280 м). В 1991-1992 гг. при выборке глины с южного склона холма было открыто и варварски разрушено не менее 3 катакомб. Все они были впущены в материковый грунт естественного холма и содержали большое количество костяков и погребального инвентаря.

В 1994-1995 гг. в юго-западной части этого холма Дагестанско-Американской экспедицией была исследована одна катакомба (1). Она имела входную яму подпрямоугольной формы (1,20-1,30x1,50 м, глубиной не менее 1,20 м), ориентированную длинной осью с севера на юг, и погребальную камеру почковидной формы (2,75x3,90 м), соединенные между собой Т-образно посредством входного лаза - дромоса, шириной 0,50-0,70 м (рис. 2, 1). Свод погребальной камеры был обрушен, поэтому установить действительную форму проема входного лаза и высоту потолка камеры не удалось. В заполнении входной ямы обнаружены обломки и несколько целых глиняных сосудов, отдельные кости человека, а также куски большой ракушечной плиты, закрывавшей проем входного лаза. Дромос обрывался в камеру ступенькой высотой 0,35-0,40 м. У самого дна камеры была еще одна ступенька высотой 0,10-0,50 м. Несмотря основательные ограбление и разрушение, которым еще в древности подвергалась катакомба, в погребальной камере вперемежку с человеческими костями найдено около 40 целых и реставрируемых глиняных сосудов различных типов и размеров, аналогичные сосудам из катакомбы № 8, многочисленные обломки керамики, бронзовый прямообушный топор (рис. 2, 2), бронзовые стержневые булавки (рис. 2, 5), височные подвески из бронзы (рис. 2, 4), золота (1 экз.), спиральные пронизки (рис. 2, 3), бусы из бронзы, сердолика, пасты, гагата и других материалов.

В 1994 г. в 350 м к востоку от поселения Великент II на длинном невысоком холме (4-5 м), расположенном вдоль шоссе сел. Селик-Маджалис, экспедицией открыт третий по счету **Великентский могильник III**. К сожалению, до начала работ холм подвергся большим разрушениям: десятки погребений были разрыты бульдозерами и экскаваторами, содержимое потревожено и разграблено местными жителями. Среди вещей из этих могил, возвращенных населением, выделяется гематитовое навершие булавы грушевидной формы.

Была расчищена одна катакомба, частично разрушенная при земляных работах. Входная яма практически не сохранилась. Судя по контуру остатков стенок, она имела подпрямоугольную форму и была ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Входной лаз арочного вида через северо-восточную стенку входной ямы вел в погребальную камеру.

Проем был плотно заложен большой плитой из ракушечника. Лаз (шириной 0,55-0,60 м, длиной 0,10-0,15 м, высотой 0,50 м) заканчивался ступенькой в камеру высотой 0,40-0,45 м. Камера, соединенная с входной ямой Т-образно, имела овальную форму (1,13x1,7 м. Свод не сохранился) была ориентирована по линии СЗ-ЮВ (рис. 3, 1, 2). При расчистке полуразрушенной камеры найдено около 80 целых и восстанавливаемых глиняных сосудов (рис. 3, 3-23) (среди различных форм выделяются сосуды-кубки, сосуды-"погремушки") (рис. 3, 20), обломки бронзовых украшений, бусы из пасты, гагата и бронзы (рис. 2, 6-21).

Все три катакомбы в целом характеризуются сходной конструкцией погребального сооружения, единством обряда и общностью инвентаря.

Катакомбы характеризуются Т-образным соединением входной ямы с погребальной камерой (т.е. входной лаз вырыт в торцевой стенке ямы), прямоугольной формой входной ямы, сегментовидной или почковидной камерой, ступенчатым соединением входного лаза с камерой. Две катакомбы сближаются между собой одинаковой широтной ориентацией оси входной ямы, дромоса и камеры. Третья катакомба отличается ориентацией по линии СВ-ЮЗ. Входы в погребальные камеры закрывались каменными плитами. Камеры имели сводчатые потолки.

Катакомбы содержат массовые захоронения (48 в катакомбе № 8 могильника I, 14 в катакомбе № 1 могильника II, 3 в катакомбе № 1 могильника III).

Для всех катакомб свойственно отсутствие строго выдержанной позы и ориентации покойников. Кости скелетов завалены в кучи к задней стенке погребальной камеры. Это является следствием длительного использования катакомб в качестве коллективных родо-семейных усыпальниц, когда при каждом очередном захоронении кости сдвигались к стенке с целью освобождения места для очередного покойника. Кроме того катакомбы, вероятно, были ограблены еще в древности предположительно с целью добытия металла.

Катакомбы отличаются большим количеством и разнообразием керамической посуды, которая в двух катакомбах была сложена у стенки камеры. Следует также отметить использование в погребальном обряде каких-то подстилок, от которых сохраняется коричневатый глян. Отмечены также подсыпка захоронений угольками, мелом, кусочками охры. Полы катакомб засыпаны мелкой щебенкой.

Погребальный инвентарь состоит в основном из керамики. Всего в катакомбах обнаружено ок. 720 сосудов. Керамические коллекции из всех трех катакомб близки друг к другу. Вся посуда отличается выработанностью пропорций и стандартностью форм. В типологическом отношении она состоит из мисок, горшков, в том числе с цилиндрической горловиной и с резким уступом на плечиках,

баночных сосудов. Такая посуда характерна для памятников раннего этапа куро-аракской культуры, в том числе Северо-Восточного Кавказа. Аналогичная керамика широко представлена на раннебронзовых поселениях Мекеги, Галгалатли, ранние слои Великента, Каякентских поселений и др. В ранних катакомбах отсутствует керамика с обмазанной поверхностью. Подобная керамика встречается в керамических комплексах из более поздних великентских катакомб. Обмазанная керамика, как показали раскопки многослойных поселений Прикаспийского Дагестана, появляется только в их верхних слоях, датируемых 2-й пол. III - нач. II тыс. до н.э. Не встречена в этих трех ранних катакомбах также импортная керамика беденской культуры, которая найдена в поздних катакомбах. В катакомбах обнаружены также сосуды специального назначения (кубки с поддоном, тройной сообщающийся сосуд).

В металлическом инвентаре особо следует отметить прямообушный бронзовый топор, который характерен для раннего этапа куро-аракской культуры, сопоставляется также с топорами майкопской культуры. В памятниках куро-аракской культуры известны и навершенные каменные булав. Отнесению ранних катакомб к куро-аракской культуре не противоречит и оставшаяся погребальная инвентарь (бусы, подвески, пронизки, булавки, ножи, шилья, глиняная модель колеса, височные подвески в полтора оборота из бронзы и в одном случае из золота).

Ранние великентские катакомбы датируются первой половиной - серединой III тыс. до н.э. Для катакомбы могильника III имеется также радиоуглеродная дата: AA- 150-104 4079 ±74 лет назад. Калиброванные даты 1) 2865–2505 гг. до н.э. 2) 2879–2474 гг. Определения произведены в лаборатории Аризонского университета.

Обряд захоронения в катакомбах неизвестен в других областях распространения куро-аракской культуры, ни в Закавказье, ни на Северном Кавказе и, следовательно, существование этого обряда является еще одной локальной чертой, характеризующей дагестанский вариант куро-аракской культуры.

Ранние великентские катакомбы древнее памятников катакомбной культуры в степях Юго-Восточной Европы. Следовательно, пока нет убедительных данных для вывода о том, что эта форма погребального сооружения была привнесена на территорию Дагестана из степей или других областей Кавказа. Поэтому надо искать иные пути решения этого вопроса. Они могут быть намечены, исходя из исследований Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта в области изучения катакомбной культуры в связи с открытием древнейших катакомбных погребений на поселении халафской культуры V тыс. до н.э. в Северной Месопотамии. Очертив широкий ареал катакомбных захоронений в эпоху энеолита и в бронзовом веке, включающий Восточное Средиземноморье, средиземноморские

острова и европейское побережье, Месопотамию, Иран, Кавказ, Балканы, Восточную Европу, они подчеркивают полицентрический характер возникновения этого обряда даже в пределах Ближнего и Среднего Востока. Касаясь вопроса происхождения подобной традиции в погребальном ритуале самих племен халафской культуры, Н.Я. Мерперт и Р.М. Мунчаев намечают возможную генетическую связь катакомб с традиционной халафской формой круглого в плане жилища с купольным перекрытием и входным дромосом.

М.Г. Гаджиев считает, что в таком сопоставлении можно объяснить распространение в Дагестане в столь глубокую древность обычая хоронить людей в катакомбах. В древности погребальные сооружения строились в подражание жилой архитектуры. Катакомбы это в миниатюре двухкамерные подземные дома для мертвых, состоящие из прямоугольного коридора и округлой или прямоугольной в плане погребальной камеры, соединенные между собой входным лазом. В этом, вероятно, нашло отражение строительная традиция Северо-Восточного Кавказа, где на протяжении длительного периода, от неолита до эпохи ранней бронзы строились двухкамерные дома в виде круглопланового жилого помещения и прямоугольной пристройки-коридора.

И последнее, вопрос о возможной связи ранних катакомб Дагестана и памятников степной катакомбной культуры. Многие специалисты (В.А. Городцев, М.И. Артамонов, С.В. Киселев, В.А. Фисенко) предполагали активное участие кавказского элемента в сложении и развитии катакомбной культуры Юго-Восточной Европы (это распространение кавказского металла в степях, сходство антропологического типа населения катакомбной культуры с северокавказским, связь керамических форм и орнаментации сосудов катакомбной культуры с Кавказом, параллели в погребальных обрядах и др.).

Открытие ранних катакомб в Дагестане дополняет аргументацию в пользу связи степных культур с Кавказом. Теперь выясняется, что и сама форма погребального сооружения – катакомба, являющаяся одним из основных признаков катакомбной культуры, своим происхождением также связана с Кавказом.

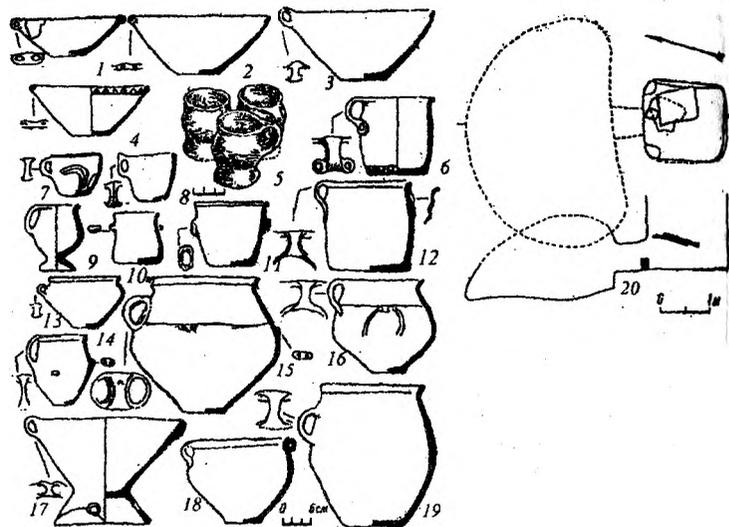

Рис. 1. Великентский могильник II. Катакомба № 8. План (1), И разрез (2), керамика (1-19).

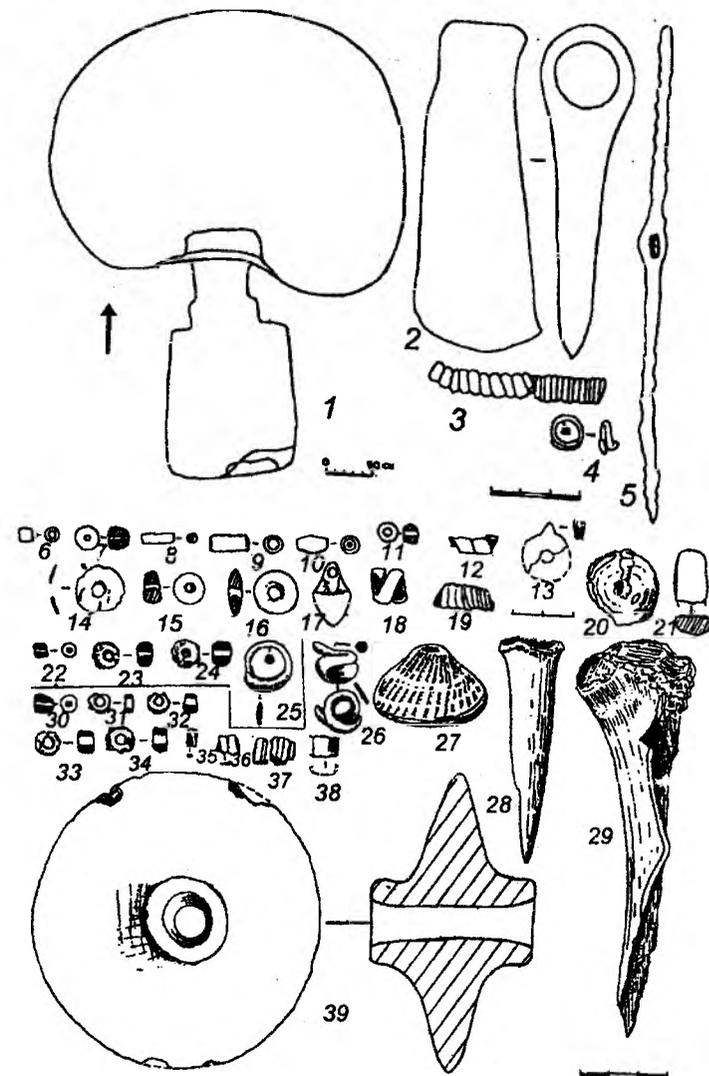

Рис. 2. Великентский могильник II. Катакомба № 1. План (1), и металлический инвентарь (2-5). Погребальный инвентарь из катакомбы 1 могильника III: украшения из пасты (6-9), гагата (10, 15-17), раковины (14), бронзы (11-13, 18-20).

**ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
“КАВКАЗИ И СТЕПНОЙ МИР В ДРЕВНОСТИ
И СРЕДНИЕ ВЕКА”**

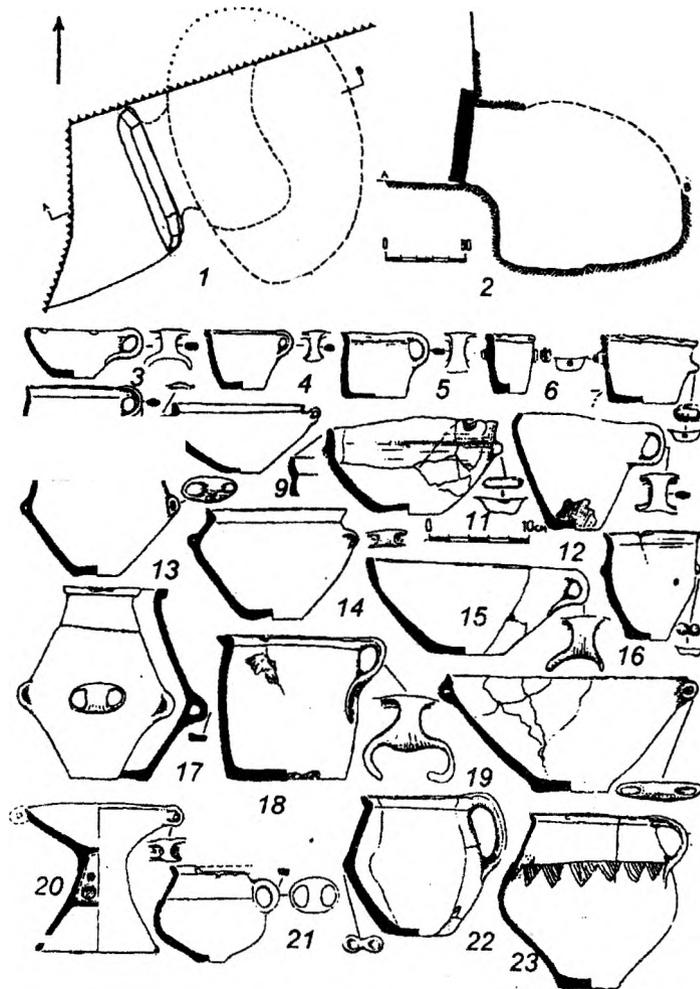

Рис. 3. Великентский могильник III. Катакомба № 1. План (1), Разрез (2) и керамика.

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Институт археологии РАН, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН при финансовой поддержке РГНФ 27 — 29 апреля 1999 г. в Махачкале проводили Международную научную конференцию “Кавказ и степной мир в древности и средние века”. Она проходила в рамках “Второй археологической конференции Кавказа”. В работе конференции приняли участие научные и научно-технические сотрудники института ИАЭ ДНЦ РАН, профессора, преподаватели и студенты ДГУ, ДГПУ, более 100 ученых из Москвы, Баку, Грозного, Тбилиси и Махачкалы, в том числе 33 доктора и кандидата наук, что указывает на высокий научный и теоретический уровень научного форума. Ее работе, как в Республике Дагестан, так и на всем Кавказе придавали большое значение. Об этом говорят приветствия вице-президента АН Грузии академика А.М. Апакидзе, директора Центра археологических исследований, чл.-корр. АН Грузии О.Д. Лордкипанидзе, председателя Комиссии по научному сотрудничеству со странами Кавказа, члена парламента Грузии, чл. корр. АН Грузии В. Шамиладзе, Зам. председателя Комиссии парламента Грузии по научному сотрудничеству со странами Кавказа, нач. Дагестано-грузинской археологической экспедиции Г. Гамбашидзе. Участников конференции приветствовали и приняли участие в работе ее первого заседания Первый зам. Председателя Правительства РД Б.Г. Ахмедов, Зам. Председателя госсовета РД Т.А. Махмудова, член госсовета, Первый проректор Дагдосуниверситета РД Л.Х. Авшалумова, министр культуры РД Н.А. Абдулгамидова и др. официальные лица.

На обсуждение конференции были вынесены наиболее актуальные проблемы археологии Кавказа и евразийских степей в том числе:

- древние и средневековые археологические культуры Кавказа и евразийских степей;
- экономика и социальный строй древних и средневековых обществ;
- этнокультурные и экономические контакты племен Кавказа со степными кочевниками. Торговые пути;
- древние и средневековые города. Процесс урбанизации;
- искусство и идеологические представления древнего и средневекового населения;
- человек и среда обитания. Проблема “горы – равнина – море”;
- палеоклимат Евразии.

Заявки на участие в работе конференции поступили от ученых

Новосибирска, Москвы, Баку, Тбилиси, Софии (Болгария), Владикавказа, Ставрополя, Нальчика и Махачкалы. Однако по разным причинам не все смогли приехать. Были прослушаны около 30 докладов, сообщений и выступлений по различным актуальным проблемам древней и средневековой истории Кавказа и евразийских степей. Превалирующими среди них были доклады, посвященные этнокультурным и историческим контактам кавказских племен и народов и степных кочевников. Прослушивались и доклады о новейших археологических открытиях археологов.

На конференции состоялась открытая, свободная, деловая дискуссия по многим спорным и малоизученным аспектам археологии. Внимательно рассматривались различные направления, мнения, толкования широкого спектра вопросов. Наиболее важными являются выводы о том, что формирование и развитие кавказских археологических культур, социальной, экономической и политической истории горских обществ происходили при тесном взаимодействии со степным миром, что горы и равнины, горы – равнины – море во взаимодействии и при взаимовлиянии создают условия для развития племен, народов и их культур. Особое внимание привлекла совершенная методика археологических исследований российских археологов в Месопотамии и в подмосковном Зарайске. Эта методика раскопок может быть рекомендована археологам в качестве образца для подержания.

Археологические памятники Кавказа и евразийских степей нуждаются в дальнейшем изучении, особенно в свете взаимодействия культур и этнических формирований. Развитие исторической науки в России не может происходить без тщательного проведения полевых и лабораторных археологических исследований. Весьма актуальной в современных условиях является проблема сохранения археологического наследия России. По-прежнему нуждаются в спасении памятники археологии, подвергающиеся уничтожению в ходе строительных работ. При отсутствии централизованного финансирования всех этих работ перед руководителями местных кавказских научных учреждений возникает вдвойне сложная задача – найти средства для проведения археологических исследований и издания их результатов.

Участники конференции:

1. Одобрят итоги работы Международной научной конференции “Кавказ и степной мир в древности и средне века”, организованной Институтом истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Институтом археологии РАН и Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Предлагают издать материалы международной научной конференции “Кавказ и степной мир в древности и средне века”

2. Считают целесообразным продолжить традиции регулярного

поведения “Археологической конференции Кавказа”.

3. Рекомендовать руководителям археологических экспедиций, организуемых за счет грантов РГНФ, “Интеграция” и других фондов привлекать в работе археологических экспедиций заинтересованных археологов-специалистов из разных регионов Кавказа, что обеспечит более широкий обмен опытом работы и знакомство с достижениями археологов регионов. Практиковать издание итогов и результатов совместных работ. Просить средства массовой информации более широко осветить археологические исследования, проводимые археологами Дагестана по изучению памятников, особенно совместные проекты, осуществляемые усилиями археологов из разных регионов Кавказа.

СОКРАЩЕНИЯ

АО – Археологические открытия. М.
АПСР – М.-Л.
АС – Археологический съезд. М.
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИЭД – Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.
ГМИНВ – Сообщения Государственного музея истории народов Востока. М.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ДГОМ – Дагестанский государственный объединенный музей. Махачкала.
ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр Российской академии наук.
ИАК – Известия Археологической комиссии. СПб.
Изв. РГО – Известия Российского географического общества. М.
ИИЯЛ – Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ИКАМ –
ИЖНСА –
КД – Каракумские древности. Ашхабад.
КСД – Краткое содержание докладов.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАД – Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
МАК – Материалы по археологии Кавказа. М.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МКИИА – Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.; Л.
МСПИЭИ – Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.
НС – Научная сессия.
РА – Российская археология. М.
РФ ИИАЭ – Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников. М.-Л.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР. Новосибирск.
ССЗС – Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

ТД – Тезисы докладов.

ТД НСПИЭИ ИИЯЛ – Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала.

ТОИПК – Труды Отдела истории первобытной культуры ГЭ

Тр. ИИАЭ АН Турк. ССР – Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.

Тр. САИАИ РАНИОН – Труды Секции археологии Института археологии и искусствоведения Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.

Тр. ЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.

УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР – Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР

ADAJ – Annual of the Department of Antiquities of Jordan. Amman.

BAR – British Archeological Reports. Oxford.

JAOS – Journal of the American Oriental Society. New Haven.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Османов А.И. Вступительное слово.....	8
Мунчаев Р.М. Древнейшая Месопотамия: некоторые итоги исследований Российской экспедиции РАН.....	11
Апакидзе А.М., Николаишвили В.В., Кициани Г.Г., Гиунашвили Г.Д. Археологические раскопки в с. Нареквани и на Армазцixe.....	23
Давудов О.М. О контактах древнего населения Дагестана с ираноязычными кочевниками.....	26
Гаджиев М.Г. Северный Дагестан на стыке культур эпохи палеометалла Кавказа и юго-восточной Европы.....	64
Нариманов И. К истории племен Азербайджана в III тыс. до н.э.	74
Майсурадзе В.Г. О прототипах центрально-закавказского топора.	76
Гамбашидзе Г.Г. Грузинские лапидарные надписи из христианского храма на горе Акаро над Хунзахом (Дагестан).....	77
Ихакадзе Г.Г., Барамидзе М.В. Некоторые вопросы металлургии бронзы Западной Грузии.....	79
Абрамова М.П., Пятых Г.Г. Взаимоотношения степных кочевников и оседлых племен Северного Кавказа (на материалах северного дагестана позднесарматского времени).....	80
Магомедов М.Г., Каспаров С.А., Тупик Н.В. Циркумкаспий в голоцене.....	95
Ахундов Т.И. Центральный и восточный регионы Южного Кавказа в VI-III тыс. до н. э. (климат, культура, расселение).....	118
Марковин В.И. Тенденции последних лет (1991-1997гг.) в историко-археологическом изучении Северного Кавказа.....	125

Гаджиев М.Г., Гаджиев Ш.М. Исследование поселения Великент II в 1999 г.....	131
Федоров-Гусейнов Г.С. Государственное образование Сувар-Жидан и его роль в истории Юго-Восточной Европы.....	155
Гмыря Л.Б. Поминальные обряды населения Прикаспийского Дагестана времени Великого переселения народов (IV-VIII вв. н.э.).....	163
Мирцхулава Г.И., Мирцхулава Н.Д. Вопрос о происхождении двухколесной повозки-уремы на Кавказе.....	188
Маммаев М.М. Сюжет терзания в архитектурном декоре Зирихгерана-Кубачи XIV – XV вв.....	190
Достиев Т.М. Благоустройство средневекового города Шабран.....	207
Гаджиев М.С., Магомедов А.Р. Раскопки форта горной стены (сезоны 1996, 1998 гг.).....	213
Рамишвили К.И. Печать со сценой инвеституры из Авчалискарского могильника в Мцехета.....	236
Шатберашвили З.Г., Шатберашвили В.Л. Памятники античной эпохи из Квемо Картли.....	237
Гаджиев Ш.М. Катакомбы эпохи ранней бронзы в Дагестане.....	239
Основные выводы и рекомендации международной научной конференции “Кавказ и степной мир в древности и средние века”.....	247
Сокращения.....	250

instituteofhistory.ru

Научное издание

Оригинал-макет сборника подготовлен в Лаборатории научно-технического и информационного обеспечения исторических исследований Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Литературный редактор Г.М. Мурадалиева.

Подписанов печать 10 декабря 2000 г. Формат 60x90 1/16.
Гарнитура Times New Roman Cyr. Бумага офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано на издательской базе Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН 367030. Махачкала. М. Ярагского, 75.